

К. РУСИНОВ

БЫТАЯ
КАРТА
ВЕРА
АБЕЯ

Рецензенты:
В. Н. Петров, Р. Ф. Полонский

Повесть о героизме советского народа
в борьбе с фашистскими оккупантами,
о самоотверженной работе
контрразведчиков Южного фронта,
о том, как чекисты во главе
с майором госбезопасности Николаем Петровым
сорвали коварные замыслы арбера

Перед начальником особого отдела армии майором
госбезопасности * Петровым Николаем Антоновичем
лежала полученная из наркомата внутренних дел
радиограмма.

«Совершенно секретно.

Код перехваченной радиограммы немецкой раз-
ведки сложный. Дешифровку продолжаем. Обращаем
ваше внимание на то, что подобный код противник
мог дать только ценному агенту. Примите необходи-
мые меры по его розыску...»

Требование наркомата было объяснимо: в штабах
Южного фронта и его армий разрабатывался план
контрааступления. Утечка сведений к противнику мог-
ла поставить под угрозу выполнение операции, лишить
ее внезапности и тем самым повлечь за собой неисчис-
лимые жертвы. Сотрудники отдела занимались ро-
зыском лазутчика, но пока безрезультатно. Тревогу
вызывало то, что радиостанция только два раза вышла в
эфир в зоне дислокации армии.

Агент мог выполнить задание и скрыться, предло-
жил Петров. Тогда почему радиоконтрразведка три
дня назад перехватила радиограмму немецкой развед-
ки? Односторонняя связь центр — агент может свиде-
тельствовать о том, что агент еще здесь. А если про-
тивник нас дезинформирует и направляет по ложному
пути?

* В середине июля 1941 года органы военной контрразведки
Наркомата обороны СССР были преобразованы в особые отделы
НКВД и воинские звания были изменены на специальные. Майор
госбезопасности соответствовал общевойсковому званию полков-
ника.

P 4702010200—044
M218(04)—88 КУ—№ 8—106—1988

ISBN 5—7766—0024—3

© Издательство «Пропор», 1988

Итак, надо уцепиться за главное. Что сегодня главное? Что сейчас больше всего интересует немецкую разведку? Несомненно, возможные сроки и направление главного удара нашего контрнаступления. И эти сведения можно получить только в штабах армии и фронта.

Петров вспомнил о подполковнике Северине, одном из сотрудников оперативного отдела армии, тот имел непосредственное отношение к разработке плана контрнаступления. На него пало тяжкое подозрение, и Петрову давно бы следовало выйти с предложением перед командиром об отстранении Северина от разработки операции, но что-то до сих пор удерживало его от этого шага. Северин был поручиком в царской армии. В годы гражданской войны перешел на сторону Красной Армии. Зарекомендовал себя грамотным штабным командиром, тактические решения которого не раз способствовали успешному исходу военных операций, за что его наградили орденом Красного Знамени. С первых дней Отечественной войны в действующей армии. При форсировании реки Трубеж попал в окружение. Более месяца пробивался к своим. От всей штабной группы в живых остался он и его помощник, которого ранило при переходе линии фронта. Не приходя в сознание, тот умер. И вот теперь Северина, этого заслуженного командира, обвиняют в том, что он завербован немецкой разведкой и со специальным заданием переброшен к нам. Обвинение тяжелое. Осложнялось оно и тем, что Северин, лишившись единственного свидетеля, мог доказывать свою невиновность только личными показаниями, а этого крайне недостаточно. Обвинение исходило от некоего лейтенанта Носова, бывшего командира взвода связи.

Петров пододвинул к себе одну из папок, лежавших на столе, еще раз внимательно прочел протокол допроса Носова. Лейтенант служил с Севериным в

4

одной дивизии. С ним попал в окружение. Был ранен в ногу. Когда наши отошли, притворился убитым и таким образом избежал плена. Пытался добраться до своих, но около села Долина потерял сознание. Его нашла жительница села Елена Стеценко и до выздоровления он скрывался у нее.

Ничего настораживающего в этой части допроса не было. Но вот дальше... Носов показал, что однажды поздним вечером к дому Стеценко подъехала легковая немецкая автомашина. Боясь за Елену и себя, Носов спрятался в чулане и стал невольным свидетелем разговора вошедших в комнату людей. Через переводчика немцы напомнили находившемуся с ними русскому, что тот должен передать какие-то сведения завербованному ими Северину. Предательство подполковника возмутило лейтенанта, и он, по его словам, еще не окрепший, рискуя жизнью, перешел линию фронта, чтобы предупредить чекистов об измене.

У Николая Антоновича вызвало недоумение, почему немецкие разведчики нарушили конспирацию и вели разговор со связником в доме Стеценко? Самонадеянность или оплошность? А если попытка скомпрометировать советского командира? В таком случае враг — Носов и действует он по заданию противника. Во что бы то ни стало, ему надо втереться к ним в доверие.

Почему же в таком случае противник пошел на такую грубую провокацию? — продолжал рассуждать Петров. Недооценка советской контрразведки? Уверенность в том, что уязвимые места в информации Носова мы не сможем проверить на оккупированной территории?

И то и другое не исключено.

Кроме протокола допроса Носова и объяснения Северина, других материалов у Петрова не было. А проверять сигнал надо, и надо в самый короткий

5

срок установить истину. Без проверки сообщений Носова добраться до нее сложно, почти невозможно. Поэтому, как ни рискованно, придется посыпать туда кого-то из сотрудников отдела, никто не дал ему права подвергать сомнению чью-либо репутацию необоснованными подозрениями.

Он позвонил начальнику войсковой разведки армии и узнал, что через два дня будет переброшена за линию фронта группа из дивизии полковника Зиновьева, которая с помощью партизан Славянского отряда, действовавшего в прифронтовой полосе, проведет разведку тылов противника.

Дело в том, что фронт еще не стабилизировался. Во многих полках численность доходила до батальона. А участок фронта был выделен на полнокровную боевую часть. Таким образом, имеющиеся разрывы на стыках полков и дивизий облегчали проникновение вражеских лазутчиков в расположение соединений. Нередко агенты противника пробирались на нашу сторону вслед за выходившими из окружения командирами и красноармейцами, а также за гражданскими лицами, не успевшими вовремя эвакуироваться.

Сложность и напряженность работы контрразведчиков обуславливалась еще и тем, что у противника было множество служб: абвер, служба безопасности, секретная полевая жандармерия, гестапо, различные зондеркоманды.

Однако нестабильным был фронт и у противника, и это обстоятельство небезуспешно использовала наша войсковая разведка. Она имела достаточно налаженную связь с партизанскими отрядами, действовавшими в прифронтовой полосе.

И все же Петров сознавал, что переход в тыл к противнику даже в этих условиях сопряжен с огромным риском. Кого же послать с группой к партизанам? После некоторых раздумий выбор свой он оста-

новил на лейтенанте Пилипенко. Нравилось ему в нем то, что он не был суеверен, многословен. Молодой чекист напоминал ему сына Бориса. Они почти одногодки. И все им в жизни ясно. Такой уж возраст.

Петров грустно улыбнулся, вспомнив свою молодость...

Началась империалистическая война, и в угаре ура-патриотизма малограмотный слесарь-кустарь добровольцем ушел в армию. Его направили в полковую разведку. Он ходил за линию фронта, приносил ценные сведения о противнике, приводил «языков». У него уже был георгиевский крест, когда его ранило.

В вологодском госпитале работала санитаркой Вера — черноглазая, смуглолицая девушка, которая его и выходила. После того, как он выписался из госпиталя, они поженились.

Февральская революция застала Николая в запасном полку. Солдаты батальона выбрали его в полковой комитет. После июльских событий в Петрограде он понял, что пойдет за большевиками. Всем осточертела окопная жизнь. «Я сыт войной по горло!» — сказал он как-то председателю полкового комитета.

Полковой комитет под влиянием большевиков принял резолюцию о недоверии Временному правительству. Комитетчиков арестовали, им грозил расстрел. Вера вот-вот должна была родить. Свидания с женой не давали, и его угнетало, что он о ней ничего не знает.

Спасла арестованных от расправы Октябрьская революция. Первые декреты советского правительства о мире и земле вызвали в солдатской массе уверенность, что пришла их, народная власть, вселили надежду, что наступил конец бессмысленной войне. И с этого времени судьба Николая круто изменилась. Его приняли в партию большевиков, а вскоре направили работать в ЧК. Грянула гражданская война, и он

пошел на фронт. После ее окончания продолжал работать в контрразведке и учился. Нелегко было и Вере — выучилась на хирургическую медсестру и, считай, одна воспитала сына Бориса. Тот после окончания школы поступил в военное училище. Перед войной уже командовал батареей. Николай Антонович редко виделся с сыном.

Петров воевал в республиканской Испании. Под Валенсией был ранен. Потом финская кампания, а вскоре лето сорок первого. Сын теперь на фронте, а жена работает в госпитале в Свердловске.

Николай Антонович провел рукой по лицу, пытаясь отогнать воспоминания. Через дежурного вызвал Пилипенко и представил, как тот, — высокий, несколько угловатый, — сейчас боком войдет в комнату, остановится у двери и по установленному представится. После контузии он заикался, поэтому, чтобы скрыть дефект речи, он начнет растягивать слова и от сосредоточенности у него между бровями проляжет глубокая морщинка. А когда выслушает задание, подберется весь, и в глазах его появится решимость.

2

За сбитым из грубо оструганных досок столом сидел командир отряда Карнаухов Михаил Иванович — черноглазый, широкоскулый, со смолянистыми усами. Кожаная тужурка плотно облегала его богатырские плечи, грудь. Встретил он Пилипенко добродушной улыбкой, что помогло молодому контрразведчику преодолеть первое волнение и скованность от встречи с партизанским командиром.

Слегка растягивая слова, чекист передал благодарность командарма Девятой генерала Харитонова за собранные партизанами разведданные.

8

— Да ты сядь сначала. Чего зря головой потолок подпирать? — Карнаухов, пряча улыбку, провел мундштуком трубки по пышным своим усам и покосился на сидевшего рядом заместителя Русланова, лысая голова которого едва доставала ему до плеча. — Передай командарму, что мы и впредь будем делать все, что в наших силах. — Голос у него был густой, басистый.

— Будем стараться, — поддержал его заместитель, доставая кисет с махоркой. Пальцы у него были желтые, как у заядлого курильщика. — Закурите? — обратился он к Пилипенко.

— Я не курю.

— Похвально. В таком случае побалуемся чайком. — Карнаухов подошел к печке. Из большого синего чайника он налил в кружку кипятка, настоянного на травах, и пододвинул Пилипенко. — Ну, а как там фон Клейст? Не нервничает? — Собранные партизанами сведения касались Первой танковой армии противника.

— Должен сообщить вам, Михаил Иванович, что у генерала фон Клейста особые счеты с нашим командармом, — ответил Пилипенко, с видимым удовольствием отхлебнув чай из кружки.

Из его дальнейшего рассказа партизаны узнали, что генерал Харитонов раскусил тактику Клейста, у того был неизменный военный ход — прорыв на стыках частей. Харитонов же решил пропустить танки противника на стыке двух дивизий, а во втором эшелоне поставить полнокровную дивизию, сосредоточив основную артиллерию на танкоопасном участке. При попытке прорыва немецкие танковые части, рассчитывал он, должны попасть в окружение. И вот пятого ноября под Ростовом на позиции Девятой армии двинулись дивизии противника. И попали в созданный генералом Харитоновым Дьяковский противотанковый

9

район. Очутившись в огненном мешке, гитлеровцы заметались. Потери у них были огромные, поэтому они начали отходить. А через несколько дней Южный фронт освободил Ростов и отбросил немцев за реку Миус.

— Ваша Девятая — кость в горле Клейста! — за-смеявшись, сказал Карнаухов.

— Поэтому-то, Михаил Иванович, Клейст поручил одному из руководителей абвергруппы-107 при танковой армии, некоему майору Фурману добыть сведения о планах нашего командования. Об этом мы узнали из показаний разоблаченных агентов.

— Нашлись подлецы?! — гневно сверкнул глазами Карнаухов.

— Нашлись, — вздохнул Пилипенко и рассказал, что привело его сюда. — Сведения Носова нужно проверить. И просим оказать нам помошь: выяснить, живет ли в Долине Елена Стеценко, когда и как к ней попал Носов, что он там делал. В Долине есть ваши люди?

— Пока нет. А может, наша связная поможет? — вскинул голову Русланов, до сих пор молча слушавший рассказ контрразведчика. — Возможно, знает там кого-то.

— Маша? — уточнил командир и спросил у Русланова: — А Ивницкого и Черченко пошлешь?

Русланов молча кивнул. Карнаухов знал, как не-легко тому было принять такое решение. Русланов по-отцовски любил Николая и Андрея. Они учились в одном классе с его сыном Виктором, были близкими его друзьями. Конечно, опасно появляться им в оккупированном Славянске. Но что поделаешь?

Проклятая война, подумал командир. Вчерашних десятиклассников вынудила расстаться с юностью. И от сознания того, что не всем им будет суждено

стать взрослыми, желваки заходили на его скулах. В раздумье он сказал:

— Добре, остановимся на них. Сообразительные хлопцы.

— А можно мне с ними поговорить? — спросил Пилипенко.

— Конечно.

— И вот еще что... Это просьба командарма. — От волнения Пилипенко начал слегка заикаться. — Наша войсковая разведка добыла сведения о дислокации в селе Сидорово штаба сорок четвертого полка СС. Мы имеем схему постов охраны, знаем ее численность, время смены постов. Генерал интересуется, не сможете ли вы своими силами разгромить этот штаб?

В землянку проскользнул Николай Ивницкий. Шапка-ушанка с матерчатой красной лентой набекрень. Пальто перетянуто широким командирским ремнем. Кобура с пистолетом на животе. Заметив незнакомого ему человека, он замер у входа. Немного его потеснив, стал рядом с ним Андрей Черченко.

— Смелее, орлы! — приободрил Карнаухов.

Разведчики выслушали задание, которое изложил им Пилипенко.

— Вопросы будут? — обратился к ним командир. Николай молча покачал головой.

— Нет, — ответил Андрей за обоих.

Утром разведчики вошли в город.

— Спит, наверное, еще твоя Маша, — сказал Андрей, когда подходили к ее дому, и исподтишка взглянул на Николая. Тот признался как-то ему, что влюблен в девушку, еще на выпускном вечере хотел объясняться, да не решился.

Постучали в окно.

Дверь с легким скрипом отворилась, и Маша, увидев своих одноклассников, заулыбалась, махнула

рукой, чтобы входили в дом. На ней было темно-синее, еще школьное платье, на плечи накинут большой вязаный платок.

— Замерзли? Раздевайтесь быстренько,— засуетилась она, показывая на вешалку в передней.— Проходите в комнату.

Стащив ушанку, Николай мял ее в руке. Пятерней приглаживал взъерошенные волосы.

Андрей ободряюще подмигнул другу.

Маша с улыбкой глядела на Николая. От смущения на ее щеках вспыхнул румянец. Верхняя губа у нее была слегка вздернута, в улыбке открывались белые зубы. Чуть курносый нос придавал ее лицу особенную миловидность. Девушка перевела взгляд на Андрея и пристально на него посмотрела. В глазах вопрос: что привело к ней?

— Сейчас, Машенька, все расскажем. Дай отдохнуться.

— Тогда посидите. А я быстренько что-нибудь приготовлю. С дороги ведь, проголодались.

Вскоре на столе появилась тарелка с картошкой, солью. Николай достал из сумки сало, хлеб. Маша благодарно посмотрела на него. Николай понял, что живется ей трудно.

— Ты была в Долине? — поспешил перейти к делу Андрей.

Девушка молча кивнула.

— Знаешь кого-нибудь там?

— Познакомилась с Варей. Чуть старше меня. Живет с мамой. У нее почевала. С другими, как обычно, шапочное знакомство: что меняешь, на что меняешь.

— С Варей можно быть откровенным?

— Не знаю. На меня она произвела хорошее впечатление. А о чем вы хотите с ней говорить?

— А-а, дело пустяковое,— поспешил ответить Николай, увидев на ее лице беспокойство.— Командир интересуется, узнала ли ты, кто работает на бирже труда?

— Ирианда Алексеевна. Помните ее?

— Та, что в младших классах преподавала?

— Мы с тобой, Андрюша, у нее учились. Я ее несколько раз встречала. Она сама сказала, если узнает, что в списки на отправку в Германию внесут кого-то из ее бывших учеников, сообщит мне, чтобы уходили из города.

— Будь осторожна. Может, она хочет помочь исключение, а может...

— Ну это уж слишком! — оборвала Николая девушка.

— Нет, не слишком! А Перепелица, ты о нем забыла?

— Ну, сравнил...— растерянно пробормотала Маша.

Упоминание о бывшем соученике, ставшем политическим, как-то сразу испортило всем настроение. У Андрея же к нему было особое отношение еще со школы. Дело в том, что Перепелица не скрывал, что симпатизирует Ольге. А с Ольгой у Андрея была любовь. Если бы не война... Андрей сейчас учился в летнем училище, а она в консерватории. Потом они бы поженились... Сейчас же Ольга даже не знает, что он в партизанском отряде. Не знает, что они почти рядом. Командир запретил Андрею встречаться с Ольгой. И Маша не смеет ей ничего говорить.

— Недавно видела учителя физики Леонида Васильевича,— сообщила Маша.— Но чаще всего бываю у Ольги.— И девушка бросила быстрый взгляд в сторону Андрея.

— Как она? — оживился Андрей.

— Все еще думает, что ты где-то в Ташкенте или

за Уралом. Говорят, хорошо, хоть ты не знаешь всех ужасов оккупации.

В комнате зависла тишина. Андрей подошел к окну. Всего несколько улиц разделяет их сейчас.

Маша глазами показала Николаю, чтобы тот шел за ней.

— Пусть побудет один,—тихо сказала на кухне и, взглянув на Николая, тихо рассмеялась.—Ой, взгляни на себя,—взяла она с подоконника маленькое зеркальце.—Дай-ка я тебя причешу.

Николай стоял, боясь шевельнуться, а Маша, закончив его причесывать, отошла от него на шаг и, любясь своей работой, сказала:

— Вот теперь другое дело.

Николай только и смог произнести:

— Какая ты... добрая!

— Я?..—Маша вскинула ресницы и серьезно посмотрела на Николая. Глаза у него были прозрачноватые и такие доверчивые, что ее вдруг захлестнула волна нежности.—Коленъка...

Но тут раздался голос Андрея:

— Николай, пора.

— Береги себя,—быстро заговорил Николай, сжимая в руке ладошку девушки.—За нас не беспокойся. Мы с Андреем живучие.

Маша обняла Николая, прижалась к нему и какое-то мгновение стояла так, боясь отпустить его.

— Нам пора,—еще раз напомнил Андрей и, уходя, попросил:—Не забывай Ольгу. Поддержи ее.

Сумерки начали сгущаться, когда разведчики пришли в Долину. Заглянули в несколько дворов. У хозяев интересовались, что из продуктов можно выменять. И только после этого зашли в дом Вари.

Встретила их высокая узкоплечая девушка.

— Вы Варя? — спросил Андрей.

— Да.—Девушка внимательно всматривалась в лица столь поздних гостей, как будто хотела вспомнить, видела ли она их раньше.

— Мы с вами незнакомы, но нам посоветовали зайти к вам. Мы на менку пришли, а переночевать вот негде. Ходили, торговались. Да без толку.—Николай приподнял легкий мешок.

— Что ж, проходите,—усмехнулась Варя.—Места для всех хватит.

Немного освоившись, Николай пожаловался, что трудно стало менять, ни с кем не столкнуешься.

— Всем сейчас тяжело,—со вздохом проронила Варя и начала расспрашивать о жизни в городе.

Ее насторожило, что, идя на менку в село, парни толком не знают цен на продукты в городе на базаре. Может, что-то нехорошее за этим кроется? И она решила проверить их. Сделав строгое лицо, сказала:

— Не пойму, как вы решились прийти ко мне.

— А что такое? — удивился Андрей.

— А то, что я невеста полицейского Василия Сороки.

Друзья переглянулись. Ее признание было для них такой же неожиданностью, как если бы, например, сейчас, среди зимы, грянул гром.

— Вы шутите? — спросил Андрей.

— Не шучу.—Увидев, как растерялись ребята, она засмеялась, от чего на щеках обозначились ямочки, и, чтобы успокоить их, сказала:—Ладно, не пугайтесь. Свои мы люди.

— А жених как же? — неуверенно спросил Николай.

Варя глубоко вздохнула, глаза у нее помрачнели.

— Не о нем сейчас речь. Лучше о себе подумайте. В любой момент жених может прийти. Он знает, что мама к бабушке ушла в соседнее село. Мать моя духу его не выносит. Он при ней не приходит.

— А что? Документы у нас в порядке. Ходим. Меняется,— нарочито бодро сказал Николай.

— Может, и так. Да только поговорит с вами Вася и сразу поймет, что и в городе-то вы случайные люди.

— Как так — случайные?

— Вот так! — Варя усмехнулась.— Даже цен на базаре не знаете. Так что лучше не темните. Говорите, зачем пришли.

Андрей с Николаем переглянулись.

Эх, была-не была! Все равно выхода нет. В конце концов, размышлял Андрей, если разговор не получится, предупредим, чтобы до утра не выходила из дома, а сами уйдем. И твердо сказал:

— Дело у нас к вам.

— Вот как! Какое же дело?

— Живет у вас в селе Елена Стеценко? — спросил напрямик.

— А что это она вас заинтересовала? Вы сначала скажите, кто вы?

— Документально подтвердить, что имеем основание интересоваться Стеценко, не можем.

— Я и на слово поверю.

Варя вызывающе глядела на непрошенных гостей. Внутренне она чувствовала к ним расположение, но не нравилось ей, что они дурачат ее. А вдруг подослали кем-то? Проверяют ее? И тут же сама себе возразила — зачем ее проверять, что она кому сделала?

— Вопрос естественный, — согласился Андрей.— И от него нам, пожалуй, никуда не уйти. Мы, Варя, партизаны.

— Так бы сразу и сказали. Или побоялись, не поверили?

— Вы же должны нас понять...

— Да я не обижусь. Все понимаю, — горячо перебила Варя Андрея.— А чего это мы разыскались? — спохватилась.— Я не намного вас старше.

— Варя, только, пожалуйста, чтобы о нашем разговоре никто не знал.

— Зря об этом предупреждаете, — с обидой сказала она.

— Ты пока так и не ответила на наш вопрос...

— Понимаешь, Варя, — перебил Андрей Николая.— От того, что мы узнаем о Елене Стеценко, зависит дальнейшая жизнь одного человека. Да и не только его.

— Живет она недалеко от меня, — ответила Варя и с испугом спросила: — Уж не к ней ли вы собрались?

— А что?

— Нельзя к ней! — замахала она руками.— С ней нельзя ни о чем говорить. Ее родной брат Матвей — старший полицай в нашем селе.

— Она замужем?

— Незамужняя. Жил у нее раненый красноармеец. Кажется, Василием звали. Вот уже несколько дней что-то не видно его в селе. И Ленка ходит какая-то мрачная. А куда девался тот раненый — не могу сказать. Может, Вася мой знает...

Разведчики переглянулись.

— Варя, а немцы часто приезжают в Долину?

— Часто. И недавно приезжали. Даже на легковой машине. Говорят, останавливались у Ленки. Но я не видела. Утверждать не берусь.

— А не сможешь точно узнать, у Ленки они останавливались или у кого другого?

— Попытаюсь.

Помолчали. Потом Варя спросила:

— Не пора ли спать?

— А твой жених не придет?

— Нет. Уже поздно... — На ее глаза навернулись слезы.— Вы даже не представляете, какая беда стряслась с Васей...

— Какая же беда с ним стряслась?

Варя хотела что-то сказать, но вдруг расплакалась, махнула рукой и ушла в свою комнату.

Через несколько минут, заплаканная, вернулась.
— Ложитесь здесь, на кушетке. А о Василии... Что говорить? Люблю я его. И он меня любит. Только простить ему не могу, что служит он в полиции. Не сумею... Ну почему он не с вами? — и Варя снова всхлипнула. Потом, как бы опомнившись, утерла слезы рукой и принялась стелить ребятам на ночь.

3

Майора Штейнбруха от бумаг оторвал телефонный звонок. Дежурный доложил, что шеф разведывательного органа «Орион» полковник Рокито выехал в архивштаб.

На аскетическом лице Штейнбруха появилось кислое выражение. Дружба с полковником, а вернее, их зависимость друг от друга началась еще с совместной работы в одном из подразделений архива. Пришедший в разведку Штейнбрух был преисполнен чувства собственного достоинства: многие офицеры вермахта мечтали попасть в ведомство адмирала Канариса, но лишь немногим удавалось это. Стыдно сейчас вспоминать, но возможности свои он тогда переоценил. Не прошло и месяца, как он влип в прескверную историю, проще, сделал грубую промашку — пытался завербовать сотрудника одного из иностранных посольств, над страной которого нависла угроза фашистской оккупации. Тот не пошел наговор, более того, о случившемся доложил своему советнику. А он счел целесообразным, не предавая историю гласности, откомандировать его домой.

Штейнбрух, опять-таки, по неопытности, поделился своей неудачей с Рокито, полагая, что опытный коллега в случае чего поможет ему выпутаться из создав-

шегося положения. Руководству обо всем решили не докладывать. Однако поспешный отъезд дипломата незамеченным не остался и у руководства архива вызвал недоумение. Рокито не выдал своего коллегу. Штейнбрух это оценил по достоинству и в свою очередь скрыл от начальства тот факт, что его покровитель сожительствовал со своей негласной помощницей из числа иностранок. С тех пор между ними установились добрые отношения, которые на дружбу в общепринятом понимании мало походили.

После оккупации Польши оба были зачислены в штаб «Валли» * и занимались подбором кадров для разведывательных школ архива в учебных лагерях для украинцев. Но вскоре майора назначили начальником архивштаба дивизии, и их служебные пути временно разошлись. Когда началась война с Советским Союзом, начальник «Валли-1» полковник Браун собрал руководящих работников военной разведки и контрразведки и объявил приказ адмирала Канариса о создании разведывательного органа «Орион», который придавался группе армий «Юг» для ведения ближней и дальней разведки тылов Южного и Юго-Западного фронтов, а также контрразведки в районах дислокации воинских частей вермахта. Руководителем этого органа назначили Рокито. Вначале его штаб размещался в здании чулочно-трикотажной фабрики в Полтаве, а затем в Харькове.

И вновь их служебные пути сошлись на территории оккупированной Украины. Штейнбруху импонировали энергия и твердость Рокито при разработке и выполнении оперативных заданий, его умение располагать к себе подчиненных, добиваться их доверия. Ему нравилась откровенность шефа «Ориона», безжалостно

* Шпионско-диверсионный орган немецкой военной разведки, созданный по плану «Барбаросса».

обнажавшего недостатки в работе. При этом он не пытался свалить вину только на подчиненных. Дешевый прием, но он безотказно действовал на исполнительного, прямолинейного, не в меру высокомерного и далеко не гибкого Штейнбруха.

В прошлый свой приезд, как старому коллеге, полковник откровенно поведал о том, какие ошибки допускались при комплектовании разведшколы в Полтаве.

— Мы брали, что лежало сверху. В основном, уголовников. Но они умеют орудовать ножом. Легко идут... как это у них?.. На мокрое дело. Однако не могут освоить даже азы разведки, не говоря уже о радиосвязи.— Он помолчал, потом доверительно проговорил: — Многие из них не вернулись из советского тыла. Ты понимаешь, что это значит?

Штейнбрух прекрасно понимал, чем был обеспокоен Рокито. Заброшенные в советский тыл бывшие уголовники могли там явиться с повинной, а это влечет за собой всяческие неприятности.

Рокито глубоко вздохнул и перевел напряженный взгляд на Штейнбруха.

— Там,— он кивнул головой вверх,— недовольны, что агенты не возвращаются. А информация тех, кто вернулся, не удовлетворяет командование вермахта. И мне намекнули, что у СД, в отличие от нас, куда значительнее успехи.

Руководящие работники абвера знали, что с первыми военными неудачами на советском фронте перед генеральным штабом вермахта встала серьезная проблема ведения разведки на территории СССР. В этот период система гитлеровских специальных служб включала ряд шпионских органов, подчинявшихся различным ведомствам. Абвер, руководимый Канарисом, был самым старым, опытным и крупным разведывательным органом. Но определенное недоверие нацистского ру-

ководства к кадровым сотрудникам снижало эффективность деятельности управления военной разведки и контрразведки. Начальник VI управления РСХА бригаденфюрер СС Шелленберг старался воспользоваться этим обстоятельством, тем более, что его шефoberгруппенфюрер Гейдрих открыто выражал желание централизовать германскую разведку под руководством рейхсфюрера СС Гиммлера.

— Недавно встречался с фельдполицайкомиссаром Майнером*.— Полковник передернул плечами.— Он пытался убедить меня в том, что провалы агентуры являются результатом разобщенности наших служб. Конечно! — громко воскликнул он.— Им,— Штейнбрух понял, кого тот имел в виду,— хотелось бы подмять под себя военную разведку!

Краска возмущения разлилась по холеному лицу Рокито. Шеф «Ориона» понимал, что главной причиной провалов агентуры была не разобщенность гитлеровских спецслужб, а недооценка ими советских органов государственной безопасности.

— Вилли, я очень рассчитываю на тебя,— сказал полковник с горделивым достоинством, желая подчеркнуть, что верит в еще не раскрывшиеся возможности опытного разведчика Штейнбруха.— Мы направляем тебе ценного агента из числа украинских националистов. Кличка «Витайло». Он окончил нашу школу в Krakове. Как наиболее способного и надежного направили затем в школу при штабе «Валли» в предместье Варшавы. Там прошел под руководством нашего друга Ганса Коха дополнительную подготовку для работы в советском тылу.

* Майнер — руководитель ГФП-721 (секретной полевой полиции), которая была подчинена абверу, занималась борьбой с подпольем и партизанами в зоне действия Южного фронта Красной Армии.

Заметив на лице майора сомнение, поинтересовался:

— Тебя не устраивает, что он националист?

— Да. Расчет националистов с нашей помощью добиться образования самостоятельной Украины — бредовая идея.

— Согласен с тобой. Но Ганс утверждает, что Витайло не фанатик-националист. Главное — он нам предан.

Упоминание о Кохе не вызвало у Штейнбруха той реакции, на которую, вероятно, рассчитывал шеф «Ориона». Майор не был высокого мнения о гауптмане Кохе, докторе богословия. Он считал его высокочкой и конъюнктурщиком, который не побрезгует ради собственного благополучия предать любого, кого еще недавно заверял в верной дружбе. И тем не менее, Штейнбрух завидовал ему.

Перед началом войны с Советским Союзом Коха прикомандировали к батальону украинских националистов «Нахтигаль». Из секретного обзора штаба абвера гауптман знал, что Ватикан после воссоединения западных областей с Советской Украиной главную роль в проведении подрывной деятельности против СССР отвел униатам во главе с митрополитом Шептицким, рассчитывая при поддержке германского оружия вести не только «священную войну» с безбожниками-коммунистами, но и распространить влияние римско-католической церкви далеко на восток. По этой причине Кох приблизил к себе капеллана батальона Гриньоха — любимца первоиерарха униатской церкви.

После оккупации Львова Кох и его сотрудники жили под крышей князя церкви и с помощью националистов уничтожали передовую украинскую интеллигенцию.

Не кто иной, как Кох, выполняя указание адмирала Канариса, вместе с представителями РСХА и вермахта участвовал в трагикомедии создания так называемого «правительства самостоятельной украинской державы». Во Львове 30 июня в маленьких полутемных комнатах «Просвіты» собралось около ста человек: адвокаты, священники, учителя гимназий. Гауптман пришел вместе с будущим председателем «правительства» Стецько-Карбовичем, который срывающимся от волнения голосом прочел собравшимся «акт ОУН» о создании «самостоятельной украинской державы» и о назначении членов «правительства». За ним выступил Кох. Основываясь на директивном указании Канариса,— ни о какой «самостоятельной Украине» не заикаться,— гауптман заявил, что война еще не окончена, поэтому по всем политическим проектам надо ждать личного указания фюрера. Потребовал от присутствовавших работать для пользы третьего рейха и всеми силами содействовать армии вторжения в победе над Москвой. А спустя несколько дней шеф СД шестой армии Баэр задержал Стецько и двух «министров» и вывез их в Берлин якобы для обсуждения проблем «правительства». Так бесславно закончило свое существование «правительство самостоятельной украинской державы». Штейнбрух не без сарказма подумал, что с точки зрения общечеловеческих норм украинским националистам было нанесено чудовищное оскорблениe. Но участники двухнедельного «правительства» и их единомышленники сделали вид, что ничего не произошло, и многие из них начали искать пути угодить командованию армии вторжения, карательным органам третьего рейха.

Рокито между тем продолжал рассказывать о том, что недавно он имел беседу с любопытным униатским священником, который служил в руководимом Кохом подразделении Украинской галицкой армии. Оказа-

лось, отец Витайло тоже служил у Ганса. После того, как большевики разбили их, отец Витайло одно время находился в эмиграции в Чехословакии, потом переехал в Германию. Имел небольшое предприятие по пошиву обуви. Хотел сделать сына модельером. Но когда закончилась война с Польшей, он не пожелал, чтобы сын остался в стороне от назревавших на востоке событий. Сам устроил так, что тот попал в учебный лагерь Повстанческого штаба украинских националистов.

— Там наш друг нашел Витайло.

— Мне помнится, в этом лагере был создан батальон «Нахтигаль».

Рокито кивнул и от удовольствия потер руки.

— Уверен, ты еще будешь благодарить Ганса за Витайло.

И он рассказал, насколько серьезно была продумана гауптманом легенда для легализации агента.

— Солдат, под чьими данными будет выступать Витайло, расстрелян в Дарницком концлагере. Его родители, проживавшие в Черновицкой области, также уничтожены, чтобы не было уязвимых мест в легенде. Не удивляйся, что у агента нет правой ноги. Его ранило в школе при установке учебной мины.

Из дальнейшего рассказа Штейнбреху стало известно, что агента под видом военнопленного поместили в лазарет концлагеря. Чтобы прикрыть его «освобождение», с ним освободили трех пленных-калек. Немецкое командование пошло на это, будучи уверенным, что в силу физических недостатков они не смогут причинить неприятности оккупационным властям.

— Прошу, используй Витайло и в интересах школы гауптмана Петцольца.— Рокито приподнял брови, собрав на лбу морщинки.— Дело в том, что мы не можем переключиться на индивидуальную подготовку агентуры. Это было бы безумием в условиях войны,—

произнес он конец фразы твердо.— Обстановка в прифронтовой полосе подсказывает, что сейчас следует засыпать туда как можно больше наших людей. Они легко затеряются среди беженцев. Петцольц уже забрасывал агентурные группы под видом эвакированных.

— А если власти начнут поголовную проверку документов? — засомневался Штейнбрех.

— Вряд ли русские власти пойдут на это.

— И все же... — неуверенно начал майор.

— Если советы начнут поголовную проверку, они тем самым разожгут к себе ненависть и обиду населения. И это будет нам на руку.— Голос полковника звучал насмешливо.

Прощаясь тогда, Рокито сказал:

— У нас недооценивают женщин. Прошу тебя, найди мне новую Мату Хари *. И не забудь пригласить меня на музыкальный вечер.

Вскоре Штейнбрех встретился с Витайло. Перед ним, опираясь на костили, стоял высокий мужчина лет тридцати. Он вежливо снял фуражку и остановился у порога. Майор с нескрываемым любопытством изучал своего нового помощника. Бросились в глаза густые, слегка вьющиеся льняного цвета волосы. Голубые глаза смотрели на нового шефа без подобострастия, но в них улавливалось уважение, внимание. Майор нарушил затянувшуюся паузу.

— Садитесь, герр... э-э...

— Волощук, герр майор, — подсказал тот.

— Вы уже основательно вошли в отработанную легенду?

* Мата Хари (настоящая фамилия Маргарита Гертруда Зелле), по национальности голландка — агент германской разведки. В 1917 году была разоблачена французской контрразведкой и в октябре того же года по приговору суда расстреляна.

— Яволь, герр майор,— уверенно ответил он.

— Мне о вас уже рассказали. Приятно иметь дело с активистом ОУН.

— Еще мой отец,— с нескрываемой гордостью начал Витайло,— в составе Украинской галицкой армии боролся с большевиками за самостийну Украину...— и осекся, заметив в глазах шефа легкое раздражение.— Но я не разделяю взглядов моего отца. По-моему, самостийной Украины без поддержки сильного государства быть не может. А таким государством, герр майор, я считаю Великую Германию. Было бы совсем хорошо, если бы Украина вообще вошла в состав Германской империи.

— Скажите, а вас не обижает, что рядом с нашими знаменами уже не висят желто-голубые флаги? — спросил майор, всматриваясь в лицо Витайло.

— Герр майор, я достаточно долго находился рядом с гауптманом Кохом, чтобы суметь правильно разобраться в сложившейся политической обстановке.

— Полагаю, мы по заслугам сумеем оценить вашу верность и преданность фюреру и третьему рейху,— напыщенно и несколько наигранно сказал Штейнбрух.— А теперь перейдем к сути дела... Я буду называть вас Паулем. Вас так звали в Германии?

— Яволь, герр майор.

— Так вот, Пауль, я постараюсь лично с вами не встречаться. Нужно исключить любую случайность, которая могла бы привести к провалу.

Витайло согласно кивнул.

— Мне известно, вы обучены не только работать с тайниками, но можете их сами подбирать. Узнаю с тайниками, но можете их сами подбирать. Узнаю почерк гауптмана... В дальнейшем будем поддерживать связь через тайники.— Майор положил на стол

схемы тайников.— Изучите их, а также систему сигнализации.

Агент попытался оценить хотя бы одно из тайников мест, но не смог этого сделать из-за непродолжительного пребывания в городе.

— Ничего. У вас будет время изучить эти места. Личные встречи только в исключительных случаях.— Майор внимательно следил за его реакцией.— Устраивайтесь в городе сами. Немного дадим денег, чтобы вы открыли сапожную мастерскую. За разрешением пойдете в горуправу. Но не к бургомистру, а к его заместителю Владимирову. Запомнили? С вами о задании подробно говорил полковник Рокито. Но считаю необходимым дополнить задание. Если вам удастся выйти на нужных нам людей, изучайте их. На возможные предложения бороться с нами не спешите с ответом.

Штейнбрух сделал паузу, затем продолжил:

— В лесах прифронтовой полосы действуют группы партизан. Нас особенно беспокоят Карнаухов. Запомните эту фамилию. Его еще могут называть «Батя», «Гром». Желательно напасть на след его связных в городе. Мы будем довольны, если вам предложат помочь партизанам. С таким предложением соглашайтесь сразу.

Увидев в глазах Витайло удивление, с кривой усмешкой сказал:

— Не волнуйтесь, вас в отряд не возьмут. Вы для них будете обузой. Но мы поможем вам завоевать их доверие.

...Опять зазвонил телефон.

— Полковник Рокито прибыл,— доложил дежурный.

— Я жду его,— ответил Штейнбрух, в задумчивости поглаживая сухую кожу на щеках. С чем же он сегодня пожаловал?

Через неплотно зашторенное окно свет с улицы едва пробивался в комнату. Владимиров проснулся. После вчерашней попойки болела голова. Он повернулся на бок. Захотел вспомнить сон. Снилось что-то тревожное. Но что? Нет, не вспомнить. Он потянулся и расслабился. Истома разлилась по телу. Это состояние напомнило безмятежную молодость, когда в имени родителей, куда приезжал на летние каникулы из Москвы, где учился в университете, мог позволить себе не только понежиться, но и позавтракать в постели. В начале гражданской войны он оставил университет. Его зачислили в Гундоровский полк. Находясь в армии Врангеля, заболел тифом и долго провалялся в госпиталях Крыма. Когда выздоровел, его направили на фронт незадолго до того, как главнокомандующий белой армии сделал последнюю отчаянную попытку вырваться из Крыма на российский простор. Владимиров был потрясен тем, что увидел: опора Врангеля — корниловские офицеры — пили без меры. У командного состава прославленных Измайловского, Преображенского, Семеновского полков, на груди которых сверкало множество георгиевских крестов, погоны были вшиты в шинели, дабы кто-то не соблазнился сорвать их. На дивизию, в которую попал подхорунжий Владимиров, под Херсоном обрушились сокрушительные удары Красной Армии. Оттуда он бежал за перекопские укрепления, а затем из Севастополя на одном из пароходов по темным, по-ноябрьски холодным волнам Черного моря — в Турцию. Теснота на судне была невообразимая. Он устроился на палубе около заласной шлюпки, которая кое-как защищала от пронизывающего ветра. Холод и голод стали одолевать его. Но самое ужасное случилось на третьи сутки пути, когда на судне кончилась питьевая вода.

Некоторые беженцы не выдерживали и пили забортную воду. Попробовал и он. Не утолив жажду, почувствовал себя плохо, появились рези в желудке.

Когда судно вошло в бухту Золотой Рог, перед ними открылся Константинополь с набережной Галаты, знаменитой Святой Софией и Голубой мечетью с ее сверкающими на солнце шестью минаретами. Якоря, наконец-то, спустились на дно залива. И к судну вскоре подошел катер. По трапу поднялись люди в гражданском — турецкие власти. Они предупредили, что на берег выходить нельзя, поскольку в городе карантин.

— Дайте воды!.. — стали просить люди.

— Мы погибаем от жажды!.. Воды!..

— Хлеба!..

Измученные голодом и жаждой, беженцы готовы были броситься за борт и плыть к берегу. Их успокаивал помощник капитана. Он объявил, что турецкие власти обещали в ближайшее время оказать помощь беженцам и членам команды.

Несколько дней судно стояло на рейде. Изможденные люди стали ко всему безучастными. Наконец гражданских беженцев начали свозить на берег. Понурые, иные без вещей — не было сил нести чемоданы, корзины, баулы, — спускались они на подходившие к судну баркасы. Офицерам и солдатам не разрешили высаживаться в Константинополе. Судно двинулось по Дарданельскому проливу и пристало к Галлиполийскому полуострову. Надолго запомнился Владимирову негостеприимный берег Мраморного моря, полуразрушенный сарай, в котором разместилась часть. В свободное от военных упражнений и зубрежки уставов время офицеры и солдаты резали лозу, продавали ее на базаре, чтобы купить хлеб и халву.

В составе донской дивизии генерала Гусельщикова Владимиров готовился отплыть в Болгарию на турец-

ком судне «Кирасон», чтобы там маршировать перед английской и французской миссиями и показывать бывшим союзникам готовность армии Врангеля воевать с Советской Россией. На капитанский мостик поднялся барон Врангель. Высокая фигура генерала была затянута в черную черкеску, подчеркивавшую гвардейскую выпрямку. Но худое вытянутое лицо уже покрывали глубокие преждевременные морщины. Командующий принял рапорт Гусельщикова, произнес напутственную речь. Казаки в ответ дружно прокричали «ура». Врангель и сопровождавшие его офицеры сошли на пирс. «Кирасон» отшвартовался, а на следующий день бросил якоря в болгарском порту Бургас. Однако высадившаяся на берег дивизия не произвела ожидаемого эффекта на бывших союзников, и вскоре воинская часть начала распадаться. Без средств, без крова, Владимиров остался в Болгарии. Он разгружал пароходы в порту, был кухонным рабочим в ресторане, где генеральские дочки разносили посетителям русские блюда.

Эмигранты часто собирались вместе. Владимиров примкнул к «активистам», которые призывали эмигрантов к вооруженной борьбе с большевиками. Руководители «активистов» понимали: для достижения цели необходима помочь иностранных разведок. Но им было ясно и то, что разведки — не благотворительные организации, бескорыстно помогать «активистам» не будут, поэтому они сознательно шли на сотрудничество с ними. Идеи «активизма» прочно осели в сознании Владимира, и он одним из первых вступил в Национально-трудовой союз нового поколения. Он с восторгом принял приход Гитлера к власти. Был за войну с Советским Союзом, полностью разделял взгляды руководителей НТС, что это единственный путь к освобождению России от большевизма. И только здесь, на оккупированной территории, понял иллюзорность

своих планов. Он полностью покорился обстоятельствам и преданно служил фашистам, выполняя функцию не столько эмиссара НТС, сколько платного агента службы безопасности. Его ценили в СД за искреннюю и полезную помощь, и он надеялся, что ему воздадут должное на оккупированной территории, поэтому был недоволен, когда его назначили заместителем командира зондеркоманды. Его основной задачей теперь было выявлять подпольщиков, борясь с партизанами. По личной инициативе шефа городского управления СД гауптштурмфюрера Шеверса для более оперативного руководства русской вспомогательной полицией Владимира прикрыли должностью заместителя бургомистра. Он столкнулся со множеством проблем, так как знание обстановки на оккупированной территории у него было типичным для давно оторвавшихся от русской земли эмигрантов.

Владимиров лениво поднялся с постели. Ощущение, что он отдохнул за ночь, не было. Подошел к зеркалу. Помассажировал морщинки на лице. С сожалением отметил, что лучшая пора его жизни миновала. Тщательно прилизанные волосы с пробивавшейся сединой стали неопределенного цвета. А светлые, словно выгоревшие глаза, постоянно слезились. Он часто вытирали их платком, отчего веки были постоянно воспалены.

Наморщив лоб, попытался вспомнить, о чем начал было думать? Ах, да, о начальстве. Все командуют, все приказывают. В последнее время он старался как можно реже попадаться на глаза Шеверсу, который категорически запретил сообщать секретной полевой жандармерии какие-либо сведения о партизанах, пока сам не определит, чем он будет заниматься, а что можно передать в ГФП. Постоянное соперничество между этими службами раздражало Владимира. Из докладов начальника вспомогательной полиции Дах-

невского знал, что в городе действует подпольная организация. Появились листовки. Была взорвана цистерна с горючим. Каких только упреков он не наслушался от гауптштурмфюрера. Выпуклые глаза Шеверса не мигая смотрели на Владимира. Говорил шеф ровным, шелестящим голосом, в котором слышалась угроза.

— Вы отдаете себе отчет, что будет с вами, если эти безобразия в ближайшее время не прекратятся? — и он сделал выразительный жест, от которого по спине Владимира поползли мурашки.

Еще бы! Не только отдавал отчет, но и реально представлял, что может последовать за этой угрозой.

Владимиров подошел к телефону, позвонил в гор управу и попросил секретаря Диану пригласить к нему начальника полиции и политического отдела.

Владимиров не был равнодушен к женщинам, но как закоренелый холостяк старался избавиться от любовницы, если она начинала покушаться на его свободу. Он перебрал несколько рекомендованных ему кандидатов в секретари и выбор остановил на Диане. Вспоминая вечера, проведенные с ней, улыбнулся. Ее опытность в любви поражала, хотя страсть никогда не касалась ее серых продолговатых глаз. Нравилась она ему тем, что ничего не требовала. Была малоразговорчива, не говорила о себе больше того, о чем он ее спрашивал. Ему было известно, что до войны она закончила институт, изучала немецкий язык. Как и многих выпускников, ее направили рыть окопы. При отступлении Красной Армии осталась на оккупированной территории. При регистрации сказала, что ее родители немцы, жили под Саратовом. И оккупационные власти признали Диану фольксдойч. Он был доволен и ее исполнительностью. Но не знал, что преданный секретарь-любовница с такой же преданностью сотрудничала и с авертом.

В гор управе его ждали начальник полиции Дахневский и начальник политического отдела Сырченко.

— Господа, — вяло начал Владимиров, — вам известно о тех безобразиях, которые творятся в городе?

— Очень прискорбно сознавать, но... — без энтузиазма начал оправдываться Сырченко.

— А вы не допускаете мысли, милостивый государь, — оборвал его заместитель бургомистра, — что распространяли листовки, взорвали цистерну с горючим молодые люди, среди которых вы обязаны были организовать работу?

— Наш отдел, — подобострастно заговорил Сырченко, — прилагает немало усилий по организации работы среди молодежи.

— А что сделано? Что конкретно?

— Я вам докладывал, что мы работаем с бывшим... э-э... служащим школы Дерюжкиным.

— Нуте-кось, извольте толком сказать, чем он занимается?

— Он организовал кружки при городском театре. Мы стараемся вовлечь туда побольше молодежи. Подготовим концерт.

— Для кого?

— В первую очередь для немецких офицеров и солдат. Мы уже приступили к составлению программы. У нас подобрана довольно приличная танцевальная группа. Есть исполнительница современных песен.

— Это уже кое-что, — обрадовался Владимиров. — Но концерты, сударь, нужно устраивать и для местного населения. Этим отвлечем их от ненужных мыслей. Проявляйте больше инициативы.

После ухода Сырченко в комнате зависла тишина. Невысокий, кругленький Дахневский с красным в веснушках лицом бросил косой взгляд на Владимирова. Тот машинально достал платок и вытер слезящиеся глаза.

Руководитель зондеркоманды презирал начальника полиции, считая его своеобразным противником. Эмиссар ОУН Дахневский был за самостоятельную Украину, а эмиссар НТС Владимиров — за единую и неделимую Россию. И хотя оба сознавали несостоятельность лозунгов, все же продолжали испытывать неприязнь друг к другу.

— Вам бы, господин Дахневский, следовало брать пример с господина Сырченко. Мне надоело, сударь, получать головомойку за вашу... э-э...

— Вы хотите сказать: бездеятельность? — начальник полиции чуть заметно улыбнулся, но голос звучал тревожно.

Его ломаный язык выводил Владимирова из равновесия.

Дахневский вскочил и нервно прошелся по кабинету. Многих поражали частые, неожиданные перемены в настроении начальника полиции. Он мог подолгу сидеть молча, нахмурив брови и вяло отвечая на обращенные к нему вопросы, а то вдруг неожиданно оживлялся, говорил отрывисто, даже грубо.

— Сколько можно терпеть несправедливость? — он зло посмотрел на Владимирова. — Ты не знаешь?

— Не сметь обращаться ко мне на «ты»! Извольте не забываться, с кем говорите!

— Ну, ладно, ладно, — примирительно сказал тот, — не буду. Только не надо заноситься за хмарь. Вы ж знаете, какую трудную и опасную работу роблять полицай?

— Соизвольте признать, милостивый государь, знаю мало! — недовольно буркнул Владимиров. — Вы редко мне докладываете.

— Я уже не знаю, кому и что докладать. Только и докладаю, а когда работать? Ортскомендант требует, чтоб регистрировали население на бирже,

сопровождали обозы с продуктами для армии. ГФП много раз забирало всех полицаев для карательных акций против партизан. СД забирает на облавы. Полицаев не хватает... А тут еще вы... с вашими упреками! — зло закончил он и умолк, видя, как сдвинулись брови заместителя бургомистра. — Так что, выходит, я не тяну? — У Дахневского от злости глаза стали бесцветными, а плотно сжатые губы побелели.

— Не так много и сделали. И запомните одно, милостивый государь, если в ближайшее время вы не прекратите безобразия в городе, в два счета вылетите из полиции! — и с ухмылкой добавил: — Видит бог, любезный, я не люблю менять... — и подчеркнуто растянул: — подчи-нен-ных.

Дахневский сидел молча, наслупив брови. Он сознавал, что устами Владимирова говорили одновременно ортскомендант, шеф СД, руководитель внешней комендатуры ГФП и зондеркоманды.

— К вам, милостивый государь, проявляется немецкими властями и мною достаточная терпимость, которой вы в последнее время злоупотребляете. Хорошенько задумайтесь, господин Дахневский, и сделайте выводы. Жду решительных действий! — закончил Владимиров, давая понять, что разговор окончен.

Когда за начальником полиции закрылась дверь, он ехидно улыбнулся и начал усердно вытирать глаза платком. Его занятие прервал голос Дианы:

— К вам посетитель.

— Кто? — поинтересовался он.

— Какой-то молодой человек. Просится лично к вам.

— Хорошо... Приму минут через пять. Дочитаю документы.

Но и после ухода секретаря Владимиров продолжал сидеть неподвижно. Никакого документа ему дочитывать не нужно. Пусть подождет посетитель. Все

должны знать, что у заместителя бургомистра по гор-
ло работы. Больше уважать станут.

Через несколько минут дверь тихо отворилась, и в кабинет проскользнул молодой человек. Он почтительно остановился у порога.

— У меня важное,— но тут же поправившись, посетитель добавил: — вероятно, важное сообщение. Может быть, оно вас заинтересует...

— Продолжай, молодой человек, чего замолчал?

— Моя фамилия Зоренко. Моя мама живет в Харькове. С ее разрешения я уехал сюда, к бабушке...

— Ближе к делу. Мне не обязательно выслушивать родословные всех посетителей.

— Но без этого не все будет ясно.— В глазах посетителя промелькнул испуг. Он боялся, что его не дослушают.

— Продолжай, только ближе к делу.

— Постараюсь. Я уже сказал, что живу у бабушки. Здесь я учился в школе. По соседству с нами живет Маша Барцевич. В одной школе учились. Так вот, эта Маша вчера встретила меня и предупредила, чтобы я уходил из дома, так как меня хотят отправить на работу в Германию. А я сам желаю туда поехать,— поспешно закончил Зоренко.

— Похвально, молодой человек, весьма похвально. Как звать тебя?

— Толя.

— Похвально, Толя, твое желание! — в голосе Владимира уже не было прежней небрежности.

Через Диану он передал указание немедленно разыскать Дахневского. У него мелькнула догадка, что он напал на след, который может вывести на подполье. В душе уже торжествовал победу над начальником полиции, поэтому с нетерпением ждал его прихода. Когда тот пришел, Владимира лишь мельком взглянул на него.

— Зоренко, повтори свой рассказ начальнику полиции,— с мальчишеским вызовом сказал он.

Тот повторил все, что раньше рассказал заместителю бургомистра.

— Откуда эта Маша знает, что тебя хотят отправить в Германию?

— Не могу знать...

— Где она работает?

— По-моему, нигде не работает.

— Разрешите от вас позвонить.— Получив молчаливое согласие Владимира, Дахневский вызвал полицию.— Дежурный? Говорит Дахневский. Срочно свяжитесь с биржей труда и выясните, должен ли быть направлен в Германию Зоренко Анатолий. О результатах позвоните господину Владимирову, я у него.— И обратился к посетителю: — Что ты знаешь об этой Маше? Кто ее друзья?

— Девушка как девушка, ничего особенного... Была членом комитета комсомола школы... У нее много друзей.

— И сейчас?

— Сейчас?.. Не замечал, чтобы кто-то к ней приходил,— уже беспокойно ответил Зоренко. Ему показалось, что к нему пропадает интерес или же ему не верят. И, вдруг вспомнив, добавил: — Правда, пару раз видел, как к ней приходил полицейский Перепелица. Они в одном классе учились.

В это время раздался телефонный звонок и дежурный доложил, что Зоренко зарегистрирован на бирже труда и через неделю должен быть направлен в Германию.

— Хорошо! — и Дахневский положил трубку.— От кого ж эта Маша может знать о подготовке для отправки в Германию?

— Честное слово, не знаю.

— Ну, гаразд, Толя. Ты никому не говори о том, что был здесь.

— Можете быть уверены! — с готовностью сказал тот. И, поколебавшись, попросил: — Хочу, чтобы на бирже меня оформили как добровольца.

— Твою просьбу выполним, — самодовольно произнес Владимиров.

— Толя, — вкрадчиво заговорил начальник полиции, — мы поверили тебе. И нам бы хотелось, чтоб в Великой Германии ты был также предан новому порядку. Мы с тобой еще встретимся до отъезда. У меня больше вопросов нет.

Зоренко поклонился и вышел из кабинета.

— Что скажете, милостивый государь? — самодовольно и с вызовом спросил Владимиров.

— Думаю, мы...

— Мы?!

— Прошу прощения, — несколько смущаясь Дахневский. — У меня нет сомнений, что мы напали на след подпольщиков.

— Вот и действуйте.

— Не сумлевайтесь: Нам нужно было ухватить за ниточку. Она хоть и тонкая, но это уже кое-что!

День тянулся медленно. Владимиров был доволен, что его больше никто не беспокоил. Потом позвонил Шеверсу и услышал его шелестящий голос.

— Герр гауптштурмфюрер, докладывает Владимиров.

— Да.

— Мне нужно с вами поговорить.

— У вас что-то срочное? Я не располагаю временем.

— У меня был сегодня любопытный посетитель некий Зоренко...

— А-а!.. — протянул шеф СД. — Мне уже доложил начальник полиции. Что ж, молодцы ваши полицейские. Я ими сегодня доволен.

Вот, подлец, опередил! Настроение у Владимирова испортилось.

А Шеверс продолжал:

— С вами сегодня майор Штейнбрух говорил?

— Нет.

— Он позвонит. Его указание выполните беспрекословно.

На улице начало темнеть, когда зазвонил телефон. Говорил Штейнбрух. Владимиров выслушал майора и, закончив разговор, достал из кармана жилетки часы. Рабочее время закончилось. Вызвал Диану, которая вошла в кабинет с блокнотом и карандашом в руках.

— Вы мне сегодня очень нужны, — просительно сказал он.

— Хорошо, я приду, — с обыденной интонацией ответила она.

Дома Владимиров задернул на окнах тяжелые шторы, включил настольную лампу. Подошел к буфету, достал начатую бутылку коньяка. Налил рюмку и выпил залпом. Тишину нарушил бой стенных часов. Скоро должна прийти Диана. Он глубоко вздохнул и на его лице промелькнуло сожаление. Сегодня они расстанутся. Сожаление было искренним, но пойти против приказа Штейнбруха он не мог. А указание было лаконичное: откомандировать Диану в его распоряжение. Устное указание, и только для него. Для всех остальных секретарь переводится на работу в другой город.

От негромкого стука в дверь Владимиров вздрогнул, хотя и был готов к встрече. Диана привычным движением сняла пальто, поправила волосы и вошла в комнату.

По необходимости она приняла его ласку, и Владимиров почувствовал, как холодна она сегодня. Нежели почувствовала разлуку? — подумал он и со злостью вспомнил приказ Штейнбруха. Не решаясь начать неприятный разговор, начал перебирать пластинки. Отобрал одну из них. Несколько раз повернул ручку патефона, бережно опустил мемброну на пластинку и в комнате зазвучал знакомый эмигрантам голос певца: «Скажите, почему нас с вами разлучили?»

Диана вопросительно посмотрела на Владимира. Ее тонкие брови изогнулись дугой.

— Это что, намек, Аркадий Мефодьевич?

— Нет, киса, не намек, — со сдержанной грустью в голосе проговорил он. — К сожалению, не намек! Мне очень тяжело расставаться с тобой, но завтра ты должна явиться в распоряжение майора Штейнбруха.

Диана ничего на это не ответила. Даже выражение ее лица не изменилось, лишь слегка вздрогнули длинные пальцы. Она молча надела пальто и вышла, тихо прикрыв дверь.

Владимиров был потрясен ее выдержкой. Нет, надменностью. Убежала, как от чумного, зла подумал он. Его взгляд остановился на гитаре с ярким бантом на грифе. Он сокрушенно покачал головой, взял ее в руки и тихо запел:

Вы не бойтесь, пес не будет плакать.
Но, тихонько ошейником звеня,
Он пойдет за вашим гробом в слякоть,
Не за мной, а впереди меня...

5

Штейнбрух распорядился подать кофе.

— Вилли, сделай одолжение, позвони майору Фурману. Скажи, я его жду, — попросил Рокито.

Пока ждали Фурмана, много говорили, но беседа была безликой. Вести такие ни к чему не обязывающие беседы полковник был большой мастер. Штейнбрух даже немного завидовал такому его таланту.

Вскоре Фурман пришел. Он был чем-то озабочен и не мог этого скрыть.

— У вас неприятности? — после приветствия поинтересовался полковник.

— Да... в некотором роде. Они постоянно преследуют разведчика. Провалился агент, — ответил он и по потускневшим его глазам было видно, чего стоило ему выдавать из себя это признание. — Было продумано все до мелочей, даже на случай проверки с той стороны.

— И что же? — обеспокоенно спросил полковник.

— Агент молчит.

Фурман сжато рассказал, что завербовал агента в концлагере. Благодаря ему раскрыли группу военно-пленных, готовивших побег. Чтобы закрепить его за собой, заставили присутствовать на расстреле преданных им сослуживцев по полку.

— По специальности он связист, поэтому быстро освоил технику работы на радио. — Поймав вопросительный взгляд Рокито, майор уточнил: — Его забросили без радио. Радио он должен был взять в тайнике. Однако прошли все сроки, а от него нет никаких известий.

— Может быть, легенда не выдержала?

— Не исключено. Подготовку вели в сжатый срок. Генерал потребовал любыми средствами добить достоверные, по возможности документальные данные о подготовке противника к контраступлению.

Задание Клейста военной разведке было продиктовано требованиями, которые поставил Гитлер перед командованием группы армий «Юг».

Двенадцатого ноября сорок первого года в белорусском городе Орше командующие группы армий «Север», «Юг» и «Центр» фельдмаршалы Лееб, Рундштедт, Бок встретились с Гитлером, прибывшим специальным поездом, командующим сухопутными войсками вермахта фельдмаршалом Браухичем и его начальником штаба генерал-полковником Гальдером. На совещании обсуждались более эффективные меры по захвату Москвы и окончательные сроки операции «Тайфун». Гальдер настаивал на возобновлении наступления, мотивируя тем, что Красная Армия выдохлась, резервов не имеет. Предложил на завершение операции «Тайфун» бросить тридцать одну пехотную, тридцать танковых и семь моторизованных дивизий. Его поддержкал фон Бок, доказывая, что русские деморализованы, а офицеры и солдаты подчиненных ему армий полны решимости нокаутировать большевиков. Но командующий армии фон Клюге не был столь оптимистичен. Он знал, что названные Гальдером дивизии понесли огромные потери под Смоленском, Орлом, Тулой и Москвой, а пополнить их некем и нечем. Генерал заявил, что у группы «Центр» резервов практически нет, армия устала и, учитывая зимние условия, предложил наступление отложить до весны. Рундштедт согласно кивнул головой, на что обратил внимание Гитлер, и с недовольством поинтересовался, что означают буддийские поклоны фельдмаршала. Рундштедт, хотя и с опаской, подтвердил, что согласен с Клюге, и тут же попросил фюрера передать часть войск группе «Юг» для успешного наступления на ростовском направлении. Он неудобно выбрал момент для своей просьбы, подсластив ее заверением, что фюрер был прав, когда говорил о главной стратегической задаче — развитии наступления в направлении Волги и Кавказа. Но теперь Гитлер, провозгласивший близкое падение Москвы, был взбешен приостановлением

наступления на советскую столицу и освободил парадигму советских войск 7 ноября на Красной площади. Он не согласился с просьбой Рундштедта, дал приказ фон Боку возобновить наступление на Москву, а от командующих группой армий «Север» и «Юг» потребовал активных действий, чтобы советское командование не смогло снять с других фронтов ни одного солдата, ни одного танка.

Фон Клейст информировал командиров корпусов, дивизий и руководство абверштаба армии о подготовке нового наступления. При этом обратил внимание генералов и офицеров на необходимость добывать сведения о возможных сроках и главном направлении контрнаступления Красной Армии, чтобы не получить упреждающего удара...

Рокито в задумчивости вертел в руках чашку. Штейнбрех, заметив, что она пустая, спросил:

— Еще кофе?

— Да, да, Вилли, распорядись,— он с благодарностью посмотрел на гостеприимного хозяина и почувствовал Фурману: — Я понимаю ваше волнение.

Сочувствие было искренним. Кому, как не ему, было знать, что Кана里斯 требовал проводить наступательную разведку — единственно серьезную и наиболее активную форму разведки в военное время.

— Кто бы мог подумать,— в раздумье начал Фурман,— что в хаосе войны, неся такие потери, отступив далеко от границы, большевики в состоянии сопротивляться. Не могу их понять.

— Нужно постоянно изучать противника,— назидательно сказал полковник.

— Я очень надеюсь на вашу помощь и совет,— сказал Фурман.

— Откровенно говоря, у меня есть одна мысль. Но для ее исполнения нужен человек, не боящийся риска.

— Буду счастлив оправдать ваше доверие! — лицо Фурмана ожило.

— В таком случае, вы должны знать мою точку зрения: я не сторонник массовой засылки агентуры, тем более — плохо подготовленной,— начал Рокито и, понизив голос, как того требовала значительность суждения, которое он намеревался высказать, продолжил: — На мой взгляд, наступила пора работать с перспективой.

От Рокито не ускользнул вопрос в глазах Фурмана.

— Нет, нет,— полковник протестующе поднял руку,— я не хочу и не могу совсем отказаться от массовой засылки наших помощников. Но необходимо наряду с этим готовить агентуру для внедрения в армейские штабы противника. Это позволит получать достоверную информацию о замыслах врага.— И, не спуская пристального взгляда с майора, спросил: — Желаете рискнуть?

— В моем положении нужно идти на риск,— с готовностью признался Фурман.— Но для этого необходимо иметь подготовленную агентуру.

— У вас в абверштабе есть такой человек... Шумский.

Уголки губ майора вздрогнули.

— Несомненно,— поспешно сказал он, пытаясь подавить охватившую его досаду: сам он недооценил переводчика.— Я знаю, что Шумский прошел подготовку под вашим руководством.

Начало смеркаться. На улице завизжали тормоза. Штейнбрух подошел к окну и увидел выходивших из машины сотрудников СД.

— Кто приехал, Вилли? — поинтересовался Рокито.

— Штандартенфюрер Ноймарк и гауптштурмфюрер Шеверс,— недовольно ответил майор.— Интересно, что им нужно?

Из автомашины выглянула овчарка. Ноймарк подал ей команду. Собака послушно села, прижала уши. Штандартенфюрер погладил овчарку по голове, захлопнул дверцу и пошел в здание абверштаба.

Вскинув в приветствии руку, он задержал взгляд на шефе «Ориона», и дежурная улыбка тронула его губы.

— Рад видеть вас, полковник! — но глаза его оставались холодными.— Не удивлен, встретив вас у майора Штейнбруха. Отдаю должное его гостеприимству и радушанию.

— Я тоже рад видеть вас, штандартенфюрер! — любезно ответил Рокито.

Ему было известно, что Ноймарку покровительствовали люди из близкого окружения могущественного в рейхе руководителя Главного управления имперской безопасности обергруппенфюрера СС Гейдриха. Поэтому считал необходимым быть с ним не только осторожным, но и предупредительным.

— Господа,— обратился Штейнбрух к гестаповцам,— не откажетесь от чашечки кофе?

— Уверен, у вас найдется кое-что покрепче.

— Несомненно, штандартенфюрер.

Ноймарк отпил из рюмки коньяк. На его одутловатом лице отразилось удовлетворение. Он снял с длинного узкого носа пенсне, прищурил близорукие глаза. Толстыми пальцами помассировал покрасневшие от зажимов места. Испытывая неудобство от ношения пенсне, не желал их менять на очки, подражая рейхсфюреру СС Гиммлеру.

Фурман был недоволен неожиданным приходом сотрудников службы безопасности, которые не позволили до конца обсудить с Рокито задуманную ими операцию.

— Вы что-то не в духе, майор? — поинтересовался Ноймарк.

— Заботы, штандартенфюрер,— ответил Фурман.

Но Ноймарк не успел спросить, чем вызваны заботы майора, в открытую форточку донесся собачий лай.

— Мой Кони голос подает,— ласково произнес штандартенфюрер и расплылся в улыбке.— Скучает. Лучшего телохранителя не найти.— Он развел руками.— Люблю собак, господа. Это моя слабость. И сынку привил любовь к ним. Он вступил в общество по охране животных.

Вновь донесся лай собаки. Штандартенфюрер открыл окно и крикнул:

— Кони, фу!
Лай прекратился.

— Умница. А какой злой. Гауптштурмфюрер брал его на поиск бежавшего из концлагеря. Кони догнал беглеца, вцепился в горло и...— Ноймарк небрежно махнул рукой, а его взгляд стал вновь холодным и жестоким. Две глубокие морщины, спадавшие от крыльев носа и упирающиеся в тяжелую челюсть, обозначились резче. Наконец он оторвался от окна и позвал к себе Рокито.— Прошу извинить, господа. Мне надо посоветоваться с полковником.

По выражению их лиц можно было заключить, что беседа обоим доставляла удовольствие.

Штейнбрух и Шеверс, попивая кофе, тоже о чем-то оживленно беседовали. Фурман, занятый своими мыслями, сидел молча. Но вскоре до него долетел возбужденный голос гауптштурмфюрера. На них обратил внимание и Рокито.

— Что случилось, господа? — поинтересовался он.

Сухощавый Шеверс прицелился взглядом в Штейнброка, не сулившим тому добра, вызывающее вздернуло подбородок.

— Меня возмущает, когда офицер абвера проявляет в отношении славян хоть какую-то мягкость!

Глаза Штейнброка забегали, и он сдавленным от возбуждения голосом сказал:

— Бог мой, да у меня и в мыслях этого не было! Я только сказал, что отдельные наши акции могут ожесточить русских.— Он досадливо хлопнул рукой по колену, весь наполняясь холодной ненавистью к высокомерному гестаповцу. Он почувствовал себя униженным. Кровь отлила от его лица.

— Гауптштурмфюрер,— начал примирительно Рокито, с лица которого вмиг сползла улыбка, словно его обожгли крапивой,— майор Штейнбрух только высказал свое предположение, и я не вижу причины для такого серьезного обвинения.

Ноймарк поправил пенсне, сузил и без того узкие глаза. Кожа на его голове, просвечивавшаяся под редкими седыми волосами, стала красной. Он не пожелал пресечь вспышку несдержанности гауптштурмфюрера. Ему не раз приходилось быть очевидцем, когда в глазах подчиненного загорался фанатический блеск, как только речь заходила о славянах. По его мнению, это происходило оттого, что Шеверс ощущал свою собственную неполноценность. Родился он около Галле на Заале, где в далекие времена коренными жителями были славянские племена лужичан, поэтому жестокость и ненависть к славянам были для него надежным щитом.

Штандартенфюрер скосил глаза на полковника и ухмыльнулся. Богатый помещик и аристократ, шеф «Ориона» никогда его, владельца небольшого бакалейного магазина, не будет считать себе равным. Это унижало Ноймарка в собственных глазах. А вообще-то он не церемонился с офицерами абвера и самолюбия их не щадил. Занимая высокое положение в службе безопасности, он мог себе это позволить.

Шеверс посмотрел на молчавшего шефа и не увидел в его глазах осуждения. Мягкой, крадущейся

походкой он подошел к столу, на котором лежали газеты, и нашел нужную ему.

— Вы читали речь генерала Гейдриха, произнесенную им в Праге? — спросил он у Штейнбруха.

Тот ответил, что читал.

— А теперь послушайте, насколько ваши сомнения... э-э... противоречат этой исторической речи,— с вызовом сказал Шеверс.

Рокито возмущала манера Ноймарка и Шеверса облекать деловое обсуждение вопросов в привычную для гестапо форму допроса, а встречи сопровождать нравоучениями, но он по-прежнему внешне оставался спокойным, сосредоточенным. Он только полуприкрыл веки, чтобы не видеть выпуклых немигающих глаз шефа городской СД.

Комедиант, усмехнулся про себя Рокито, как, между прочим, и твой шеф Гейдрих. В высших кругах армейской разведки ходили слухи, чтоoberгруппенфюрер был морским офицером, служил вместе с будущим адмиралом Канаарисом на крейсере «Берлин». Стройный, высокий, старший лейтенант Гейдрих много занимался спортом, особенно фехтованием. А на вече-ринках нередко играл на скрипке. В тридцать первом году за несоблюдение традиционных принципов офицерской чести предстал перед судом чести имперского флота, был разжалован и уволен. Причина изгнания из флота тщательно скрывалась.

Мог ли мечтать младший офицер флота, что в тридцать с небольшим лет он станет oberгруппенфюрером СС, генералом полиции, шефом РСХА, которому будут подчинены гестапо, криминальная полиция, СД и другие службы имперского управления безопасности? И вполне естественно, что его непостижимый для многих взлет вызывал восторг и зависть, уважение и ненависть.

Рокито еще до начала войны был приглашен на совещание, в котором участвовали обергруппенфюрер СС Гейдрих, адмирал Канаарис, начальник 4 управления* группенфюрер Мюллер, начальник 5 управления** группенфюрер Небе, заместитель начальника 6 управления*** оберштурмбанфюрер Шелленберг, руководящие работники абвера. Речь шла о формах сотрудничества РСХА и абвера. На этом совещании Рокито впервые увидел молодого генерала, державшегося подчеркнуто сухо даже с Канаарисом. При выступлении хмурил и без того нахмуренный лоб, поэтому трудно было определить, где кончался лоб и начинался нос. Говорил он отрывисто и в нос. Во время выступления делал множество пауз, подбирая нужные слова.

Гейдрих, не щадя самолюбия представителей абвера, с трибуны провозгласил, что СС — это гроза всех врагов рейха и верный страж немецкого народа. Рокито посмотрел на Канаариса, который при этих словах передернул плечами, но тут же овладел собой и спокойно продолжал слушать обергруппенфюрера. Оценка Гейдриха покоробила присутствовавших представителей военной разведки, считавших свою службу не менее важной, чем служба Шелленberга. Бесследно не прошла обида и у Рокито. Он внешне стремился поддерживать дружеские отношения с сотрудниками службы безопасности, но в душе презирал их.

Очнувшись от мыслей, Рокито поочередно посмотрел на продолжавшего говорить Шеверса и его шефа. По хмуруму лицу Ноймарка трудно было определить, разделяет ли он возникший практически из ничего спор. А штандартенфюрер выжидал. Он дал возможность подчиненному выговориться, зная, что, если тот взорвался, ему нужно выговориться. Лишь после это-

* 4 управление — гестапо.

** 5 управление — уголовная полиция.

*** 6 управление — иностранная осведомительная служба.

го он остывал и становился воспринимчивым даже к шуткам.

«...Восточные пространства,— читал Шеверс,— да, это пространства, где всегда надо помнить, что доброта,— гауптштурмфюрер со значением посмотрел на Штейнбруха,— воспринимается только как слабость, это те пространства, где славянин сам не желаёт, чтобы с ним обращались как с равным, где он привык, что господин ничего общего с ним не имеет...»

— Сказано точно и определенно! — произнес Ноймарк тоном, не терпящим возражений.

Воодушевленный поддержкой шефа, гауптштурмфюрер помолчал секунду-другую, а затем указал на газету рукой.

— Обер-группенфюрер определил наши задачи на Украине. На первом этапе мы можем поддерживать лидеров украинских националистов, так как они способствуют выделению Украины из великорусской сферы, а она послужит Великому рейху крупной сырьевой и энергетической базой. Но,— Шеверс перевел взгляд с одного лица на другое, а так как все молчали, назидательно продолжил: — обер-группенфюрер предупреждает, что все должно происходить так, чтобы не дать этому народу возможности культурно развиваться. Украина — наша колония, поэтому мы и ликвидировали «правительство» Стецько.

Ноймарк почувствовал, что наступил момент, когда следовало прервать Шеверса. Он бросил взгляд в сторону Рокита. Тот сидел, замкнувшись в себе, не намеревался делать попытку ответить гауптштурмфюреру. Приберегает силы для чего-то более значительного, промелькнуло в голове Ноймарка и на лице его появилась едва заметная улыбка. Он жестом остановил Шеверса.

— Господа,— начал Ноймарк,— бог избрал нас для господства над миром. И никто не вправе обви-

нить нас в жестокости, ибо в славянах и евреях наследственное чувство ненависти к нам.— И тут он громко рассмеялся.— Полагаю, лучше быть охотником, нежели тем, за кем охотятся.

— Тонко замечено,— дипломатично произнес Рокито, хотя, глядя на всю эту комедию, он едва сдерживался, чтобы не рассмеяться.— Штандартенфюрер, меня связывает с майором Штейнбрухом многолетняя дружба,— быстро заговорил он, пряча готовую сорвавшуюся улыбку.— Это преданный рейху офицер. Но у него есть слабость — любит пофилософствовать.— И он демонстративно бросил недовольный взгляд на майора.

Ноймарк удовлетворенно хмыкнул и примирительно сказал:

— Сам господь бог не был безгрешен, а уж человек тем более.

— Даже Ева не была безгрешной, ибо наукой доказано, что человек произошел от обезьяны.— И Шеверс, довольный остротой, беззвучно засмеялся.

Пошлый дурак, подумал Рокито, подняв глаза на Шеверса, и вежливо улыбнулся.

Штейнбрук сидел нахмурившись, а Фурман уставился на окно, за которым уже сгустились сумерки.

— Полковник, я надеюсь на вашу поддержку,— вернулся Ноймарк к прерванному разговору.

— Постараюсь не обмануть ваших надежд, штандартенфюрер.

— В таком случае, до скорой встречи.— Он посмотрел на часы и скорбно поджал губы.— К сожалению, вынужден вас покинуть. Дела.

Как только гестаповцы ушли, Рокито взорвался:

— Ну и тупица! И он еще поучает! Нет, стоит одним только воздухом подышать с Шеверсом, как уже чувствуешь, что тупеешь.

Штейнбрух раздавил в пепельнице недокуренную сигарету, жестом выказав свое раздражение.

— И все же, Вилли, прошу тебя, будь с ними поосторожней,— немного поостыв, по-дружески посоветовал Штейнбруху Рокито и тут же, переходя на деловой тон, обратился к Фурману: — В общих чертах мы с вами все обсудили. Детали отшлифуем позже.

— Завтра же приступаю к работе с Шумским,— заверил Фурман.

— Не забывайте просьбу гауптмана Петцольца,— напомнил ему Рокито.

— Кое-что я уже сделал. Через моих людей начал изучать несколько человек из русской вспомогательной полиции.

— Есть заслуживающие нашего внимания?

— Меня навели на любопытных полицейских. Один из Долины по фамилии Сорока. На днях встретясь с ним.

Рокито одобрительно кивнул и потер пальцами виски.

— Чертовски устал. Пора, господа, отдохнуть.

6

Солнце уже было высоко, лучи его пробивались сквозь неплотно прикрытые ставни, но Ольге вставать не хотелось. Она давно проснулась, да и то сказать не проснулась — только под утро чуть вздрогнула, ночь же была бессонной.

Вчера она вернулась домой, ходила в села менять вещи на продукты. В одной деревне встретилась с пьяными полицейскими. Перед глазами возник рыжий верзила. Он нахально протягивал к ней руки.

— Партизанка? — спрашивал полицейский, резким движением поворачивая к себе.

От ужаса Ольга забилась под одеяло, но и тут слышался голос полицейского:

— Оружие есть?

И руки его с толстыми, покрытыми волосами пальцами касаются ее пальто, обыскивают и задерживаются на груди.

— Чего церемонишься с ней? — подзадоривают пьяные дружки, стоящие в стороне.

Ольга пытается оттолкнуть его, но это только смех вызывает у полицейских, а пальцы, расстегнувши пальто, больно впиваются в тело. Страшно подумать, чем бы для нее окончился этот обыск, если бы не старик с женщиной, неожиданно появившиеся в перулке.

Рыжий сердито посмотрел на Ольгу и оттолкнул ее.

— Чего по селу шляешься? А ну, марш! И чтоб духу твоего здесь не было!

Отпустил. Однако сумку с продуктами, что успела наменять, забрал. А она в первое мгновение даже не пожалела о ней — так напугал он ее. Чуть небежала по улицам, спешила поскорее уйти подальше от того места, где стояла перепуганная, застывшая от ужаса и совершенно беззащитная.

Почему она так струсила? И что говорила им в ответ? Да ничего вразумительного. Что-то испуганно и робко лепетала.

А он измывался:

— Ну, подойди ближе, красавица... Что стоишь? Ближе говорю... Ну, еще ближе!.. Чего боишься? Перед тобой власть стоит!

И опять она слышит его пьяную икоту, и тошнота подкатывает к ее горлу...

Добравшись вечером домой, голодная и усталая легла в постель, но уснуть не могла, ее била нервная дрожь.

А сейчас уже день, и надо вставать. Но откуда брать силы, чтобы жить и опять думать, где добыть

еду, и приходить в пустой дом, и топить печь, чтобы хоть как-то согреться... Как она устала! Первые месяцы ждала хоть какой-нибудь весточки от Андрея, это помогало ей держаться, а сейчас уже и надежду потеряла. Единственное, что ее утешало — он среди своих.

Ольга встала, натянула на себя свитер, — мама еще вязала, — влезла в узкую юбку. Машиной подошла к зеркалу, начала расчесывать выющиеся светлые волосы. Присмотрелась к себе. Похудела, а в карих глазах грусть. Жалкое зрелище. Андрюша говорил, что любит ее. Это, наверное, из-за волос. Разделенные на пробор, они падали на плечи, закрывая тонкую шею... Ну, вот... Нашла время любоваться собой!

В дверь постучали.

— Оля, открой!

Ольга узнала голос Маши.

Она не удивилась приходу подруги. В оккупированном городе осталось мало соучеников, и общее горе сблизило их. А не по годам серьезная и в то же время отзывчивая Маша была ближе всех.

Но сегодня Ольге хотелось быть одной.

— Наши Ростов освободили, Олечка, представляешь? — бросилась Маша к подруге. — Я к тебе шла, а на заборе типография наклеена листовка. Наступление немцев под Москвой остановлено! Ой, Оля, конечно все это скоро! Да что с тобой? — спохватилась Маша, заметив, что Ольга слушает ее безучастно.

— Им легко писать... — И Ольга всхлипнула.

— Ты что это, а, Оля? Может, заболела?

— Голова болит, — сказала Ольга первое, что пришло ей в голову, не хотелось рассказывать Маше про свои беды.

— А ты ляг. Я тебе чайку согрею.

— Ничего, пройдет.

— Правильно, Оль, не раскисай. Мы что-то придумаем...

— А что ты можешь придумать? Ничего. Никто не может мне помочь. — Ольга опустила голову. — Завтра пойду на менку. Все, что вчера выменяла, отняли у меня полицейские.

— Обязательно уходи. Завтра же уходи! — поддержала Маша подругу, никак не прореагировав на то, что полицейские отняли у нее продукты. Она как бы и не услышала про Ольгину беду.

— Ты что-то знаешь? — Ольга учудила недадное.

— Через несколько дней из города должны отправить большую группу жителей в Германию.

— Откуда у тебя эти сведения? — встревожилась Ольга.

— Мне один добрый человек сказал.

— И меня? — голос Ольги сорвался.

— Этого я не знаю. Но лучше тебе уйти. Я тоже собираюсь.

— Я уже готова смириться со всем, — тихо сказала Ольга и устало провела рукой по лицу.

— Ой, что ты говоришь? Ты и в Германию уехать готова?

— Нет, нет... Только не туда. Ах, если бы можно было здесь спрятаться, переждать...

Кто-то постучал в дверь.

— Войдите... Открыто.

На пороге стоял Перепелица. На левом рукаве его пальто была повязка полицейского.

Маша засмеялась.

— Прошу любить и жаловать: явление первое, Виктор Перепелица.

— Перестань, — беззлобно перебила ее Ольга. — Здравствуй. Давно тебя не видела.

— Вот пришел проводить старых подружек, — забасил он.

Еще в детстве Виктор не выговаривал несколько букв и, чтобы скрыть дефект, при разговоре довольно смешно вытягивал нижнюю губу.

— Подружек? — язвительно спросила Маша. — Соскучился, значит?

— А что? Нельзя?

— Смотри, какой смелый стал!

— Я всегда был таким, — заершился Перепелица, а в глазах появился смешок.

— Ну и ну, — и, обратившись к Ольге, Маша сказала: — Мне пора.

— Посиди еще.

— Пора. Не люблю цифру три. Знаешь почему? — спросила она Перепелицу. — За тройку в школе мама ругала. А в сказке говорится, что третий сын дурак. — И смешно сморшив носик, втянула воздух. — Фу, Витенька, как от тебя нафталином пахнет!

— Ты про что? — насупился он.

— Да все про то же, — с вызовом ответила девушка.

Перепелица с нескрываемой враждой посмотрел вслед уходившей девушке.

— Слишком язык длинный, а ума ни на грош. Пустая девчонка...

— Ты это оставь! — раздраженно перебила его Ольга.

— Оля, — примирительно заговорил Перепелица, — не ругаться я пришел. Вижу, тяжело тебе.

— Тяжело, — согласилась она. — Как всем, так и мне.

— Только скажи, все сделаю.

— Ничего мне не надо, — она упрямо сжала губы. — Лучше расскажи, как живешь.

— А чего? Живу. Много работаю. Немцы вернули отцу мельницу.

— Скажи, собственник...

— Ты приходи. Муки дам. А может, на работу к нам придешь? — нерешительно поинтересовался он.

— Чего захотел!

— Андрюшку забыть не можешь? — с обидой спросил Перепелица. — Оля, — и в его маленьких глазках, близко поставленных к переносице, появился испуг, — извини меня. Но ты же знаешь, любя так сказал.

— Не нужна мне твоя любовь. — Она не могла и не хотела скрывать своей брезгливости. Его ухаживания еще в школе вызывали насмешку у товарищей.

Перепелица насупился, но не посмел обидеться на нее.

— Я пришел пригласить тебя на день моего рождения. Будут старые знакомые. Повеселимся. Я буду ждать, — просительно сказал он и, попрощавшись, ушел.

Никто и ничто не нарушало тишину и одиночество Ольги, а между тем она не могла собраться с мыслями, что-то нашло на нее. Она пыталась ухватить мысль, а она ускользала. Что это ее так взволновало? Ах, да, Германия! И Перепелица... Вот какая взаимосвязь получается... Нужно искать спасение. Но она понимала, чем должна будет заплатить Перепелице за свое спасение. Только не это!.. Никогда! Но что же делать?

Опять раздался стук в дверь.

— Открыто! — несколько раздраженно крикнула Ольга, подумав, что вернулся Перепелица.

Но это была Агнесса Пампуря.

Ольга никак не ожидала увидеть ее у себя. Она в последнее время не поддерживала с ней отношений. Ольге не нравилась Агнесса. Злючка, высокомерная, избалованная вниманием мальчиков. Цены себе не сложит. Ольге и внешне она не нравилась, хотя все считали ее хорошенькой. Во-первых, очень высокая. А во-вторых — и рот большой, и глаз один косит.

Еще задолго до войны Ольга дружила с Агнессой,

хотя та была на два года старше ее. Воспитанием Агнессы занималась бабушка Агафья. Ее родители уезжали куда-то на заработки и долгие месяцы не появлялись в городе. И вдруг мама запретила Ольге ходить домой к Пампуре. Девочке тогда ничего не объяснили. Но она своим детским сердцем не чувствовала симпатии к бабке Агафье, поэтому запрет мамы перенесла спокойно. Лишь перед смертью мама рассказала, чем был вызван запрет. Страстью набожной Агафьи было раздувать мелкие раздоры в крупные ссоры. Заварит кашу, а расхлебывают другие. А она опустит глаза, губами шепчет молитву и толкует своим мерным голосом о христианском смирении, о любви к ближнему... Не прошло даром для Агнессы воспитание бабки Агафьи.

Агнесса оглядела Ольгу с головы до ног и откровенно бросила:

— Ты изменилась. Подурнела.

— Не удивительно. Живу под страхом угона в Германию... Когда же наши вернутся?

— Ты надеешься, что вернутся?

— Когда-то же должны...

— Я лично в это не верю! Посмотри, какая у немцев силища! Как они круто устанавливают новый порядок! — в глазах Агнессы мелькнули злые огоньки. — Скоро мы здоровово заживем, вот увидишь!

Ольга была потрясена откровенностью бывшей подруги. И тут вспомнила, что кто-то говорил, будто не раз видел Агнессу с немецким офицером. Ольга тогда не поверила, посчитав это сплетней.

— А я пришла к тебе предложить работу, — продолжала Агнесса.

— Работу? Мне? Какую?

— Как всегда, у тебя сто вопросов, — усмехнулась Агнесса. — Ты помнишь Вадима Дерюжкина?

Ольга кивнула головой.

— Он при городском театре создал художественную самодеятельность. Я танцую. Составили программу. Заместитель бургомистра Владимира ее утвердил. Обещали за хорошие концерты выдавать продукты. Так я по просьбе Вадима приглашаю тебя к нам. Ты же у нас признанный пианист. Ну, как? — лукаво улыбнулась Агнесса.

— Не знаю, что тебе и ответить, — нерешительно произнесла Ольга.

— Не будь глупенькой, — ласково сказала Агнесса. — Приходи.

После долгих раздумий Ольга решила принять предложение Пампурьи. В последнее время много молодежи угнали в Германию, она надеялась работой в театре избежать их участия. Раньше назначенного времени пришла в бывший городской театр. В партере уже были люди.

— Вадим, посмотри, кто пришел! — обрадовалась Агнесса.

— Молодец, Оля! — воскликнул Дерюжкин и, подхватив девушку под руку, увлек ее на сцену.

Ничего в его облике не изменилось с тех пор, как его видела Ольга. Тот же властный голос с хрипотцой, та же короткая стрижка. Крепкая шея открывалась из-под расстегнутого воротника рубашки. Движения его были уверенными. Он чувствовал себя хозяином положения.

Для начала Вадим попросил Ольгу разучить мелодию, под которую Пампуря с партнером должна исполнить ритмический танец.

— До прихода гостей есть время. Мелодия несложная.

— А кто придет?

— Из горуправы. Может, еще кто-то, — и он посмотрел вслед уходящей Агнессе.

Ее увлечение шарфюрером из городской СД Кнайзелем раздражало Дерюжкина. Он никак не мог смириться с тем, что Агнесса бросила его. Но ничего, успокаивал он себя, война еще не окончилась и с Кнайзелем все может случиться. Нужно только набраться терпения и ждать.

Он зашел в артистическую уборную, когда Агнесса уже переоделась для танца. Ее пунцовые губы сложились в вызывающую улыбку. Манера Агнессы держаться в присутствии мужчин была откровенно беззастенчивой. Но она ждала явно не его.

— Я тебя не звала,— сказала она, измерив Вадима насмешливым взглядом.— А будешь приставать, скажу Францу!

При упоминании Кнайзеля Дерюжкин побледнел. Он пробормотал что-то невразумительное и выскочил из уборной.

— Трус несчастный! — бросила ему вдогонку Агнесса.

Вскоре она с партнером появилась на сцене и позвала к себе Ольгу.

— Разучила мелодию? — поинтересовалась Агнесса.

— Разучиваю.

— Хорошо. Мы с Валерой пока без музыки повторяем.

Из зала доносился приглушенный шум голосов, но он не мешал Ольге. Вдруг в зале стало тихо. Она сняла руки с клавиш и выглянула из-за кулис. Между рядами шел высокий немец. Тщательно подогнанная черная форма подчеркивала его матово-бледный цвет лица. Сжатые губы и слегка опущенные уголки рта выражали упрямство.

Ольга перевела взгляд на Агнессу, которая с партнером разучивала какое-то замысловатое па. Она громко высказывала ему свое недовольство. И тут за-

метила подошедшего к рампе Кнайзеля. Лицо ее стало приветливым, злые огоньки в глазах исчезли, и она, кокетливо раскачивая бедрами, пошла к нему навстречу. Немец поцеловал ей руку и уселся в первом ряду. Сидел, закинув ногу за ногу, покачивая до блеска начищенным сапогом.

Дерюжкин вежливо поздоровался с Кнайзелем, остановившись от него на почтительном расстоянии. Шарфюрер, не ответив на его приветствие, продолжал смотреть на Агнессу. Эту немую сцену заметили все.

Вдруг лицо Дерюжкина стало напряженным. Он весь подался вперед, устремив взгляд на входные двери партера. По проходу шел Штейнбрух в сопровождении Владимира. Шарфюрер, заметив приближающегося офицера, поднялся и вскинул руку в приветствии.

— Прошу прощения, герр майор, но, к сожалению, неотложные дела заставляют вернуться к исполнению служебного долга,— сказал эсэсовец, будучи в душе недовольным приходом майора.

— Понимаю, шарфюрер.

Кнайзель щелкнул каблуками сапог, резко вскинул руку и, высоко подняв голову, вышел. Агнесса недоуменным взглядом проводила его и какое-то время смотрела на закрывшуюся за шарфюрером дверь, словно ожидала, что он вот-вот вернется.

— Кто она? — спросил Штейнбрух у Владимира.

— О, это наша танцовщица Пампурा,— не без удовольствия произнес тот. Слезящиеся глаза мешали ему видеть, что происходило на сцене. Он смахнул платком слезу и смешно заморгал.

— Не будем отвлекать их от работы,— сказал майор, понизив голос.

Владимиров внимательно наблюдал за майором.

— Герр майор, эта танцовщица — истинный клад для нас,— тихо заговорил Владимиров, вежливо склонив

голову в сторону Штейнбруха.— Обворожительная, умная и преданная нам. Я обратил на нее внимание с первых дней пребывания в городе. И не ошибся. Она стала самой активной участницей нашей организации.

— Какой организации? — не понял майор.

— Национально-трудового союза нового поколения,— пояснил Владимиров.

Штейнбрук молча посмотрел на заместителя бургомистра.

— Но если она заинтересовала вас как женщина...

— Тогда что? — с вызовом перебил его офицер.

— Я бы хотел дать вам совет, если разрешите.

— Говорите.

— Насколько мне известно, на нее серьезные виды имеет шарфюрер.

— Ах, так! — Штейнбруху теперь стало ясно, почему он застал здесь эсэсовца.

— Пампера представила нам документы, и ее признали фольксдойч.— Владимиров сморщил лоб, пытаясь что-то вспомнить.— У меня было неприятное объяснение с шарфюрером в связи с тем, что я привлек девушку в нашу организацию.

— Вот как!

— Да, герр майор. Но она сама пожелала остаться в НТС.

В это время зазвучала популярная в Германии мелодия, и Агнесса с партнером начали свой ритмический танец.

Штейнбрук едва сдержал эмоции. Когда танец был окончен, он только несколько раз хлопнул в ладоши и, оторвав взгляд от Агнессы, попросил Владимирова:

— Пригласите аккомпаниатора. Кажется, симпатичная девушка.

Владимиров перевел просьбу майора Дерюжкину, который не посмел присесть в присутствии высоко-

поставленного гостя. Тот бросился на сцену и вскоре вернулся с Ольгой.

Штейнбрук оценивающе осмотрел девушку. Ему поиздевались ее широко распахнутые глаза, золотистые волосы.

— И эта завела какого-нибудь шарфюрера? — с насмешкой спросил Штейнбрух у Владимирова. И не ожидая ответа, сказал: — Присмотритесь к вей и к танцовщице.

Владимиров, оставаясь внешне почтительным, с возмущением подумал о том, что, наверное, этот полувысохший абверовец, этот замученный кузнец решил устроить у себя гарем.

7

— Прибыл Рязанов,— доложил Петрову по телефону его заместитель, капитан госбезопасности Кузьменко.

— Заходите с ним.

Доклад вернувшегося из партизанского отряда Пилипенко подтвердил некоторые сведения из рапорта Носова. Однако Николая Антоновича не покидало ощущение, что здесь что-то не так — не могли немецкие разведчики так грубо преобречь конспирацией, направляя своего человека через линию фронта.

Через пункты проверок вышедших из окружения бойцов и командиров Кузьменко с группой оперативных работников по поручению Петрова организовал поиск лиц, служивших в одном полку с Носовым. Рязанов был направлен в один из таких пунктов.

При мысли о молодом и способном сотруднике лицо Николая Антоновича смягчилось. Не всегда хватало Рязанову выдержки и усидчивости. Приходилось его сдерживать. Потому начальник отдела относился к нему строже, чем к другим.

— Заходите, заходите,— Петров вышел из-за стола и протянул руку Рязанову, который хотел доложить о возвращении по-уставному.

Все сели за стол.

— Ну, Иван Федорович, выкладывай, с чем вернулся.

Рязанов рассказал, что удалось найти двух красноармейцев, служивших в одном полку с Носовым. В конце сентября бойцы попали в плен. Были в концлагере, который находился рядом с немецким аэродромом. В один из налетов нашей авиации на аэродром они воспользовались паникой и бежали.

— Сержант Широков служил в одном взводе с Носовым. В бою при форсировании реки Трубеж оба попали в плен.

— Что-о? — Петров поправил очки.

— Широков утверждает, что Носов был в плену. Он даже вспомнил, что лейтенант был ранен в ногу.

Ссылаясь на рассказ Широкова, Рязанов доложил, что Носов в лагере держался группы командиров, в которой старшим был командир роты капитан Свиридов. Пленных ежедневно гоняли на аэродром, где на взлетной полосе зарывали воронки после бомбёжек, рыли укрытия для личного состава и капониры для самолетов. Спустя примерно месяц, комендант приказал всем пленным построиться. По списку вызвал несколько человек. В их числе командира роты и Носова. Затем объявил, что вызванные готовили побег из лагеря, за что будут расстреляны. Всех обреченных втолкнули в грузовую автомашину и увезли на казнь.

— Выходит, воскрес из мертвых? — нахмурив брови, спросил Петров.

Рязанов промолчал. Только больше обычного тер пальцами мочку уха. Кузьменко достал папиросу. Закурил. Выпустив дым через нос, ответил за Рязанова:

— Выходит, так. Однако он не лже-Носов. Он встретил здесь несколько сослуживцев.— И замолчал. Перекатив папиросу из одного угла рта в другой, закончил: — Мое мнение: его появление у нас не случайное.

— Вы полагаете, что Носов появился у нас по заданию немецкой разведки?

— Я склоняюсь к этой версии.

Петров тоже был склонен так думать. Он перевел взгляд с Рязанова на Кузьменко и заговорил:

— Василий Игнатьевич, поручаю вам с Рязановым провести опознание Носова через Широкова и другого красноармейца.— Тихо постучал кончиками пальцев по столу.— И еще. Если Носов вражеский агент, не исключено, что разыскиваемый нами радиостанция действует с ним.

— Или Носов сам работает на радио.

— Возможно.— После паузы Петров попросил: — Василий Игнатьевич, задержитесь. А вы,— обратился он к Рязанову,— готовьте опознание.

Когда они остались вдвоем, Николай Антонович уточнил:

— Опознание закончите сегодня. Результат очень важен.

— Это связано с Пилипенко?

— Да. Завтра он с группой армейской разведки вновь уйдет в отряд Карнаухова. План разгрома штаба сорок четвертого полка СС командарм рассмотрел и считает, что его можно выполнить силами партизан. Там могут быть ценные бумаги не только для штаба армий, но и для нас. Кроме того, Андрей Афанасьевич пойдет в Долину. Его предложение о встрече с полицейским Сорокой одобрено особым отделом фронта. Результат же опознания Носова может исключить из его задания допрос Елены Стеценко.

Он поправил очки. В его взгляде не было ни

торжества, ни обиды. И в присущей ему спокойной манере продолжил:

— Мне известно, что вы не разделяете моей точки зрения о целесообразности встречи с Сорокой.

Кузьменко не ответил, продолжая смотреть куда-то поверх головы Петрова. Он чувствовал себя неловко оттого, что о его частном мнении, высказанном в беседе с другом из особого отдела фронта, стало известно начальнику. А тот счел необходимым более обстоятельно объяснить заместителю, что предложение являлось результатом тщательного изучения личностей разоблаченных агентов немецкой разведки. Из анализа материалов стало очевидным, что абвер из-за многочисленных провалов рано или поздно придет к выводу, что в шпионской работе не может опираться на такие отбросы общества, как уголовники. И начнет пополнять разведывательные школы полицейскими, сотрудниками горуправ и другими пособниками оккупантов.

— Нам, Василий Игнатьевич, необходимо переходить к более активным действиям,— сказал он ему.

Когда в особом отделе обсуждался вопрос о Сороке, никому не было известно об одном очень важном совещании руководителей различных органов абвера, проводивших подрывную работу против войск Юго-Западного направления, и, естественно, никто не мог сказать, какие там были приняты решения.

...На секретное совещание был приглашен ограниченный круг лиц. Здесь находились Рокито, начальник разведывательной школы «Орион» Петцгольц, руководитель секретной полевой жандармерии «721» фельдполицайкомиссар Майнер, Фурман и еще несколько других офицеров. Докладывал командир абверкоманды 101-А полковник Визер. Он передал требование адмирала Канариса изменить тактику ведения разве-

дывательной работы против Красной Армии. Больше проявлять изобретательности с учетом известных обстоятельств, изменивших обстановку в прифронтовой полосе и глубоком тылу.

Визер рассказал, что в Дарницком концлагере допросы пленных красноармейцев срочной службы показали отсутствие у них документов, удостоверяющих их личность и принадлежность к определенной воинской части. Он высказал пожелание активно воспользоваться этим с целью внедрения агентуры в интересующие их воинские части и соединения, пока в Красной Армии не ввели единые документы для всего личного состава. В связи с большими потерями в начальный период войны она должна испытывать нужду в военных специалистах, таких, как артиллеристы, танкисты, саперы. Поэтому предложил готовить для заброски агентуру из числа указанных специалистов, что, по его мнению, может способствовать более успешной их легализации. Визер выразил пожелание, чтобы заброшенные в тыл противника скрывали свое пребывание в плену. Обращаясь к Петцгольцу, он сказал, что пора пополнять школу не за счет уголовников и им подобных, а подбирать «курсантов» из военно-пленных, проверенных на практике полицейских из русской вспомогательной полиции, сотрудников горуправ. Он выразил уверенность, что офицеры секретной полевой жандармерии окажут Петцгольцу практическую помощь.

Визер обратил внимание присутствовавших на то, что в последнее время активизировались партизаны, которые отвлекают большие силы вермахта и этим ослабляют помощь фронту. Поэтому в верхах решился вопрос о создании «Зондерштаба-Р» (Россия) — специального контрразведывательного органа для подготовки агентуры с целью ее внедрения в партизанские отряды, чтобы разлагать их изнутри и подводить под

удары карательных подразделений. Он призвал оказывать помощь новому контрразведывательному органу...

— Так вы не были в плену? — спросил Кузьменко.

— Не был. — Носов нахмурился, на его высоком лбу вздулась жилка. Он недовольно спросил: — Чем вызван ваш вопрос?

— Красноармеец Дудник утверждает, что видел вас в фашистском концлагере.

— Бред! И Дудника не знаю, — возмутился Носов. Потом несколько раз сокрушенно покачал головой. И тут же доверительно сказал: — Видно, кому-то нужно меня оклеветать. Может быть, даже немцам, чтобы спасти своего человека.

С нескрываемой обидой в голосе он снова начал пересказывать, как и почему очутился на оккупированной территории. При этом не спускал взгляда с лица Кузьменко, а на Рязанова смотреть избегал, учуя, что от него может исходить опасность.

Иван Федорович про себя отметил, что, если Носов действительно враг, то у него, должно быть, стальные нервы.

— Все, о чем вы рассказываете, я знаю, — прервал Носова Кузьменко. — Раз вы отрицаете, что были в плену, мы должны провести следственный эксперимент.

— Делайте, что найдете нужным. — Носов махнул рукой и чуть скривил губы в ухмылке. — Я говорю правду.

Рязанов привел двух командиров. Их и Носова посадили на скамейку у стены. Затем ввели Дудника. Кузьменко наблюдал за Носовым. У того на лице не дрогнул ни один мускул.

— Красноармеец Дудник, вам знаком кто-либо из сидящих здесь командиров?

Боец внимательно посмотрел на сидевших на скамейке и задержал взгляд на Носове.

— Мне знаком этот лейтенант.

— Назовите его фамилию.

— Фамилии не знаю. Но мы вместе служили в пятьдесят шестом полку. Он был командиром взвода связи.

— Где и при каких обстоятельствах вы попали в плен?

— Двадцать второго сентября при форсировании реки Трубеж наш полк был разбит. Там я попал в плен и был направлен в концлагерь, — где и встретил этого лейтенанта.

— Вы убеждены, что не обознались?

Дудник еще раз пристально посмотрел на Носова.

— Не обознался. Лагерь был маленький. Около ста пленных. — И утвердительно закончил: — Там я его видел.

Носов ухмыльнулся и бросил:

— Чушь какая-то! — И с усилием поджал дрогнувшие губы. Он хотел еще что-то сказать, но Кузьменко предостерегающе поднял руку.

— Товарищ Рязанов, протокол готов? — Получив утвердительный ответ, обратился к командирам: — Подпишите протокол. И вы, Дудник.

Когда командиры вышли, Кузьменко вновь спросил Дудника:

— Чем занимался в лагере лейтенант?

— Не знаю. Наверное, чем и все. Нас гоняли на земляные работы на аэродроме.

Уставившись на красноармейца горящими глазами, Носов выкрикнул:

— Фамилии не знаю! Чем занимался в лагере — тоже не знаю!

— Лейтенант Носов, вам будет предоставлена возможность говорить и оправдываться, — резко оборвал

его Кузьменко и, обращаясь к бойцу, потребовал: — Объясните, в связи с чем вы запомнили лейтенанта.

— Запомнил потому, что его в группе других командиров отправили на расстрел за подготовку побега. Об этом нам объявил перед строем комендант лагеря.

Носов всплеснул руками и рассмеялся.

— Чудеса да и только! — и, оборвав смех, ткнул пальцем в свою грудь и выкрикнул: — Вот я! Живой! Это клевета!

Дудник встал и, не спуская взгляда с покрывшегося красными пятнами лица Носова, отчеканил:

— Я никого не оговариваю. Всё, что сказал, сущая правда.

Когда Дудник ушел, Носов некоторое время молчал, но на его лице не было растерянности.

— Продолжаете утверждать, что не были в плену?

— Утверждаю.

Кузьменко сделал знак Рязанову, и тот вскоре вернулся с сержантом Широковым. Увидев Носова, сержант остановился. Его губы на побитом осной лице расползлись в улыбке.

— Жив! — сдавленным от волнения голосом произнес Широков. — Жив, Василий Пантелейевич!

С лица Носова сошли красные пятна. Он с усилием перевел дыхание и проглотил подступившую к горлу слону. А сержант застыл, не понимая, почему лейтенант смотрит на него, словно затравленный волк.

— Не узнал, товарищ лейтенант? Это же я, сержант Широков, твой помкомвзвода.

Носов опустил голову и молча уставился в пол.

— Носов, вы знаете сержанта Широкова?

Пауза. Потом вздох и тихий ответ:

— Знаю.

— Ну, вот, узнал. — Широков вновь заулыбался. — Как же тебе, Василий Пантелейевич, спастишь-то уда- . лось?

Носов продолжал молчать, опустив голову.

— Чего молчишь? — с недоумением спросил сержант и посмотрел на Кузьменко. С его рябого лица сошла улыбка.

— Видимо, у Носова есть причина не радоваться встрече с вами. — И Кузьменко покосился на лейтенанта. — Расскажите, сержант, как вы попали в плен.

Широков вздохнул. Ему не доставляло удовольствия вспоминать о плене. Он уже выслушал немало упреков по этому поводу при проверке после возвращения в часть. И еще не зная, куда повернется вызов в особый отдел, волнуясь и сбиваясь, начал рассказывать. Бой при форсировании реки Трубеж был ожесточенный. Немцы превосходили силами и при поддержке танков, артиллерии разбили полк. Там он попал в плен. В лагере встретил и лейтенанта Носова.

В середине октября всех построили, и комендант лагеря через переводчика вызвал девять военнопленных. Первым вызвали капитана Свиридова. Последним Носова. Выходя из строя, он успел тихо сказать стоявшему рядом Широкову: «Прощай, друг». Когда вызванных окружили солдаты, комендант объявил, что за попытку к бегству военнопленные будут расстреляны. Их увезли на автомашине. А вскоре в лагере услышали частые автоматные очереди.

— Что теперь скажете, Носов?

Тот медленно поднял голову. Ком, зародившийся в животе, подкатил к самому горлу. Глаза остекленели. Какое-то время он сосредоточенно смотрел перед собой в одну точку, затем выдавил:

— Уведите сержанта...

Поздно вечером Кузьменко доложил Петрову, что Носов во всем признался. Еще в лагере он был завербован немцами. Группу командиров, готовивших побег, выдал он. Всех их на его глазах расстреляли недалеко от аэродрома. В дальнейшем с ним работал сотрудник

абвера майор Фурман, которому из допросов пленных стало известно, что подполковник Северин был в окружении. А от дезертира узнал, при каких обстоятельствах подполковник вышел из окружения и чем сейчас занимается. У Фурмана созрел план скомпрометировать командира.

— Однако поспешное признание Носова насторожило меня,— сказал Кузьменко.— И уж не знаю, то ли совесть в нем заговорила, то ли страх за свою шкуру, но он помог вскрыть еще одну важную сторону задания: Фурман хотел убить одним махом двух зайцев. Он намеревался нашими руками расправиться с подполковником. А также рассчитывал, что мы поверим Носову и, возможно, привлечем его к выполнению наших оперативных заданий.— И после паузы с сожалением закончил: — Носов не тот радист, которого мы ищем. Он должен был взять рацию из тайника. Но не сделал этого, чувствуя, что мы ему еще не доверяем.

8

Петров разрешил Пилипенко представиться Сороке сотрудником военной контрразведки. В этом был определенный риск, но риск оправданный.

Вечером Пилипенко и Ивницкий пришли в Долину. Их встретила Варя и, когда узнала, что Андрей Афанасьевич сотрудник военной контрразведки, сдавленным голосом спросила:

— Вы за ним?

— Мы хотели бы с Василием встретиться и поговорить,— поспешил ее успокоить Пилипенко.

— Спасибо,— тихо сказала Варя, стараясь скрыть свое смущение.— Я помогу вам встретиться с Васей.

— Не торопитесь, Варя. Вы уверены, что после нашего ухода с вами ничего не случится? Пошел же он на преступление, стал полицейским...

— То была ошибка... Он теперь многое понял. Поверьте мне! — с жаром воскликнула Варя. Глаза ее смотрели на них с надеждой.— Мы любим друг друга.

Этот взгляд тронул Пилипенко, и он, заикаясь сильнее обычного, сказал:

— Хочу, чтобы мы с вами не ошиблись.— И выждав секунду-другую, спросил: — Мы можем пожить у вас пару дней?

— Пожалуйста. Мама ушла в другое село к родственникам.

— Не смогли бы вы нам сказать, почему Василий пошел в полицию?

Девушка потупилась. Помолчала, а затем с горечью произнесла:

— Если бы кто-нибудь до войны мне сказал, что Вася способен на предательство, я посчитала бы его ненормальным. Но жизнь распоряжается по-своему. Он стал замкнутым. Узнать, что заставило его пойти в полицию, не могла. Хотя пыталась.

Далее Варя рассказала, что Василий в школе был одним из лучших учеников. Его отец работал бригадиром в колхозе. Мать рано умерла, и его воспитанием занимался отец. Он не пил. Но его двоюродный брат любил выпить и в хмельном угare терял над собой контроль. Тщедушный, задиристый, он в неравных драках получал синяки и шишки. Протрезвев, каялся и божился, что прекратит пить и безобразничать. Но наступал вечер, и все повторялось. Однажды, когда его избили собутыльники, он выместил злость на племяннике. Отец заступился за сына. Пьяный брат схватил во дворе кол, бросился на отца Василия, и тот вынужден был обороняться. Но не рассчитал силы удара и двоюродный брат получилувечье. Отца Василия судили за превышение пределов необходимой обороны. После того, как отца, которого Василий любил и которым гордился, отправили в лагерь, он замкнулся,

начал всех сторониться. Вскоре бросил учебу и пошел работать в МТС. В начале войны его призвали в армию. Однако месяца два назад он появился в Долине. Сказал, что попал в окружение. С большими трудностями добрался до родного села. Вскоре девушка заметила, что он стал выпивать в компании старшего полицейского Стеценко, а спустя какое-то время сам надел повязку полицейского.

Грустинка затаилась в уголках глаз Вари. Но тут она ожила и, понизив голос, доверительно сказала:

— У Васи золотые руки. Он прекрасно рисует. Мечтает стать профессиональным художником... И вот!.. — Она беспомощно развела руками.

— Хорошо, что вы раньше рассказали Николаю и Андрею о Васином отце. Мы его разыскали. Когда началась война, он попросил отправить его на фронт. Его дело было пересмотрено. Сейчас он на фронте. Хорошо воюет. Его наградили медалью «За отвагу».

У Вари радостно блеснули глаза. Но это длилось лишь мгновение, и она с трудом выдавила:

— А сын-то!..

Утром Пилипенко обсудил с Варей, как организовать встречу с Сорокой, и девушка ушла.

Ивницкий стал смотреть через окно на улицу. Прошло несколько человек, и тут он заметил знакомое лицо. Ольга! Она шла тяжелым, медленным шагом. На похудевшем лице наметились скулы. Вот она подошла к женщине, о чем-то у нее спросила. Та отрицательно покачала головой, и Ольга побрела дальше.

— Что ты так внимательно рассматриваешь? — встревожился Пилипенко. — Немцы?

— Знакомую увидел. Ольгу, девушку Андрея.

— Но с ней встречаться нельзя, сам понимаешь, — предупредил чекист.

— Понимаю, — вздохнул Николай. — Очень уж она изменилась. Видно, несладко ей.

Оба замолчали. Тишину нарушили шаги. Пришла Варя.

— Ох и намерзлась! — она постучала валенком о валенок. Потерла рукой щеки. — Как вы и советовали, встретила Васю случайно. Сам напросился в гости.

— Прекрасно, Варя.

Через пару часов в комнату вошел высокий молодой человек в поноженном демисезонном пальто, подпоясанном армейским ремнем. На левом рукаве повязка полицейского. Увидев двух незнакомых ему людей, подозрительно посмотрел на них и как бы невзначай поправил ремень винтовки. Его серые глаза смотрели выжидательно, губы сжалась плотнее. Девушка взяла его за локоть и притянула к себе.

— Это свои. Товарищи пришли...

— Товарищи? — перебил ее Сорока с нескрываемым удивлением.

— Да, Вася, товарищи! — чуть торжественно, но твердо ответила Варя.

— Что все это значит? — Сорока резким движением снял винтовку. — Кто вы такие?

— Спокойно. Не шуми. — Николай встал рядом с полицейским. — Сейчас все узнаешь.

— Я — лейтенант государственной безопасности. А он, — Пилипенко кивнул в сторону Ивницкого, — партизан.

Лицо полицейского побледнело. Нижняя губа несколько раз мелко вздрогнула.

— И что же вы хотите? — спросил он, оглядывая гостей из-под приотщущенных век.

— Вася, ты должен им верить, — сказала Варя.

Сорока, низко наклонив голову, уставился в пол. Лицо его окаменело от напряжения.

— Мы могли бы поступить с вами по закону военного времени,— заговорил Пилипенко,— но мы не настолько очерствели, чтобы не разобраться, где враг, а где заблудший...

— Разжалобить хотите? — сорвалось у Сороки.

— В таком случае, сожалею, что разговор не получился,— невозмутимо сказал чекист.

Сороке стало не по себе. Краска стыда разлилась по лицу. Он сразу как-то поник, взгляд потерял прежнюю твердость. От волнения он громко слготнул слону и грубо бросил в сторону Пилипенко:

— Что вы хотите?

Андрей Афанасьевич про себя отметил, что нарочитая грубость Сороки исходит от неуверенности, незнания, как повести себя с чекистом. Парень сам себе стоит поперек дороги. Нуждается в помощи, подумал он. И тем же спокойным тоном сказал:

— Для начала хотим знать, почему пошел в полицию?

— Обстоятельства,— нехотя выдавил тот.

— Какие обстоятельства?

Но Сорока не ответил на вопрос.

— Не желаете отвечать, не надо. Однако скажите, как дальше жить собираетесь?

Сорока молчал.

— Вася, ты же хотел бросить полицию. Ты же говорил, обещал мне! — Варя испуганно-просяще смотрела на Василия.— Как жить собираешься — тебя спрашивают?

По губам его скользнула едва уловимая улыбка. Как жить... Если бы он знал, как дальше ему жить... И неожиданно у него мелькнула мысль: а вдруг чекист уйдет? Встанет и уйдет, так и не узнав ничего о нем, не узнав правды. И от сознания, что своим молчанием он обманывает себя, Варю, всех — отбросил напускное безразличие и произнес:

— Зло порождает зло, и жизнь потом оборачивается тяжелым похмельем. Как сейчас для меня.— Сорока поднял на чекиста глубоко спрятанные под надбровьями глаза и тихо спросил: — Что меня ждет?

— Не стану скрывать, вы заслужили самое суровое наказание. Вас должен судить военный трибунал.

Сорока плотнее сжал губы. Плечи опустились. Но в глазах уже не было прежней отчужденности.

Кажется, лед тронулся, подумал Пилипенко, и спросил:

— Вы никаких известий не получали об отце?

— С начала войны — никаких,— ответил он глухо.

— Ваш отец жив. Его освободили, и он сражается с фашистами на фронте.— Уловив в глазах Сороки сомнение, достал сложенный лист бумаги.— Вот его письмо. Читайте.

Тот осторожно взял письмо, еще не веря, что оно от отца. Лишь взглянув на неровные строки, написанные карандашом, убедился — его почерк. Он начал читать письмо, губы его вздрагивали.

Пауза затянулась. Наконец Сорока поднял голову, долгим взглядом посмотрел на Пилипенко.

— Теперь можно и поговорить,— еле слышно произнес он.— Варя вам сказала правду, хотел...— И более твердо закончил: — Теперь особенно хочу все бросить и уйти к нашим.

— Готов ответить, что стал полицаем? — не выдержал Николай.

— Хуже, чем есть, не будет.

— Может быть, теперь объясните, почему пошли в полицию?

Василий глубоко вздохнул, покосился на Варю:

— Трудный вопрос. Все, как в кошмаре... Вы спрашиваете, почему я стал полицаем. А ведь я и не знаю, что ответить-то.

Он рассказал, как попал в окружение и, чтобы не попасть в плен, ночами пробирался в родное село.

— А наши все отступали. Я совсем растерялся. Тут подкатил Матвей. Самогоном угощал. Советовал поступить в полицию, чтобы в Германию или в лагерь не угнали. Пьяный был, согласился.— Он провел дрожащими пальцами по щеке, подбородку, к которым несколько дней не прикасалась бритва. И горестно признался: — Матвей обещал, что мы ничего такого против наших делать не будем. А потом как началось... Охрану неси, продукты для немцев у населения отбирай... И эти вечные пьяники! А как люди смотрят на меня? Не могу больше, не могу...

Глаза Пилипенко на секунду стали колючими.

— Вы виноваты перед советской властью. Но ваша судьба в ваших руках. От вас требуется быть правдивым и откровенным, это учитет трибунал.

Сорока молча кивнул головой.

— Он будет говорить правду! — не выдержала Варя и умоляюще обратилась к Василию: — Верно же? Ну, чего молчишь? — последние слова она произнесла с надрывом, слезы потекли по щекам.

— Успокойся, Варя, — виновато попросил Сорока и, повернувшись к Пилипенко, заверил: — Я готов ответить за все, что натворил... Буду до конца откровенным. Спрашивайте.

— Хорошо. Для начала нам хотелось бы, чтобы вы рассказали все, что знаете о Носове.

— Видел его несколько раз в селе. Он жил у Елены Стеценко. Но боюсь, мало чем смогу вам помочь. Я о нем почти ничего не знаю. Как-то Матвей, — и он посмотрел на Варю, — вы, вероятно знаете, что Матвей — брат Ленки. Да, так Матвей рассказал, что Носов служил в нашей армии. Был ранен. Вроде шел к нашим, да не дошел. Прилип к Ленке. Вот и все, что я о нем знаю.

— А где он сейчас?

— Из уездной полиции позвонили и передали, чтобы Носов и еще один красноармеец, который тоже застрял у нас в селе, явились в город на регистрацию.

— И еще не вернулись?

— Не вернулись.

— А что Матвей говорит по этому поводу?

— Молчит. Да и не хочу я говорить с ним о Носове. Не нравится он мне. Он такой... ну, юркий. Всем улыбается, говорит вкрадчиво, а глаза так и шныряют по сторонам. О таких говорят: разом глядит и в душу и в карман.

— Немцы часто бывают в селе?

— Часто.

И тут Сорока хмыкнул, взглянув на Варю. Теперь он понял, почему она интересовалась, останавливались ли у Елены Стеценко немцы, приезжавшие в село на легковой автомашине. Он рассказал об этом чекисту.

Варя сидела притихшая, радуясь в душе, что Василий разговорился.

Пилипенко незаметно для девушки кивнул Ивицкому, и тот, наклонившись к Варе, тихо сказал:

— Пойдем во двор.

Она вопросительно посмотрела на партизана.

— Пойдем, пусть поговорят без нас.

На улице было ветрено. Тяжелые облака низко неслись над землей. Варя и Николай стояли недалеко от дома, когда в соседнем дворе появилась Ольга. Николай поспешил спрятаться за сарай.

— Видишь эту девушку?

— Ну и что?

— Запомни ее, — с волнением продолжал Николай. — Это близкий мне и Андрею человек.

Ольга в это время разговаривала с соседкой. Потом развязала узелок, что-то показала. Соседка слушала и ответы сопровождала выразительным жестом: не

надо! Она уже повернулась, чтобы уйти в дом, но Ольга схватила ее за руку, продолжая что-то оживленно говорить. Соседка остановилась, затем они вместе вошли в дом.

— Варя, я открою тебе тайну: Олю любит Андрюша. Но она не знает, что он в отряде. И пока знать не должна. Я очень прошу тебя, если она зайдет к тебе, постараюсь подружиться с ней.

— Постараюсь.

— А кто соседка?

— Хорошая женщина, но ей не везет в жизни. Очень любит детей, а замуж не могла выйти. Ты заметил, что она хромает? А тут пристроился к ней тот красноармеец, которого с Носовым вызвали в город.— И со вздохом закончила: — Не везет соседке.

Вскоре Ольга вышла от соседки, зашла к Варе во двор. Та сделала вид, что занята по хозяйству. Они о чем-то поговорили, после чего Ольга медленно пошла к воротам и скрылась.

— Ну, что? — нетерпеливо спросил Николай.

— Завтра обещала прийти.

— А что говорила?

— Что и все: пришла менять. Принесла брюки от отцовского костюма.

— Я попрошу тебя, расспроси Олю о ее жизни. Кто знает, может, Андрей сможет с ней как-то встретиться здесь.

— Мне показалось, что она не очень разговорчивая. Но я постараюсь.

Погода начала портиться. Холод стал донимать их.

— Какая изменчивая погода,— ежась от холода, сказала Варя.— Утром было хоть и холодно, но не так ветрено.

— Что-то долго Андрей Афанасьевич не зовет нас,

— Ничего, подождем,— ответила Варя.

Николай понимающе улыбнулся,

Вскоре скрипнула дверь, и по ступенькам крыльца спустился Василий. Варя подошла к нему, что-то сказала, но тот, ничего не ответив, поцеловал ее и скрылся за воротами. Девушка стояла в растерянности, не отрывая глаз от ворот. Николай подошел к ней, взял под руку и повел в дом. Она выжидательно посмотрела на Пилипенко.

— Все в порядке, Варя,— успокоил ее чекист.

Лицо девушки просияло.

До глубокой ночи Пилипенко беседовал с Варей. Она внимательно слушала его. Изредка в знак согласия кивала.

Николай не мешал им. Прилег на пол, и вскоре сон сморил его.

Рано утром они попрощались с Варей. По дороге на партизанскую базу Николай рассказал Пилипенко об Ольге и о просьбе, с которой обратился к Варе.

— Почему об этом не сказал там? — строго посмотрел на него Пилипенко.

— Я думал...

— Если бы думал, то не сделал бы этого.

— Андрей Афанасьевич,— забормотал смутившийся молодой партизан, не ожидавший такой реакции,— я верю Ольге.

— В данном случае тобой руководило лишь чувство дружбы. Будь впредь осмотрительнее.— И уже примирительно спросил: — Говоришь, доверяешь Ольге?

Николай оживился, начал рассказывать все, что знал о ней.

Возвратившийся из партизанского отряда Пилипенко доложил о результатах встречи с Сорокой. Внимание Петрова привлекло то, что полицейского вызывал к себе Фурман. Значит выдвинувшее чекистами предпо-

ложение о возможном привлечении пособников оккупантов к шпионской работе находит подтверждение.

Проведенная партизанами операция по разгрому штаба сорок четвертого полка СС дала возможность захватить не только ценные документы, но и группу агентов абвера, которую доставили в село Сидорово для переброски в наш тыл. Показания этих агентов, которые имели задание по сбору сведений о передислокации воинских подразделений, их резервах, снабжении, мощности огневой поддержки пехотных частей, наличии артиллерийских и танковых соединений, могли послужить ценным материалом для раскрытия вражеского радиста. Не исключено, что и у действующего в зоне армии радиста было аналогичное задание. Из этого могло вытекать, что для получения подобной военной информации он должен осесть в подразделении, близком к штабу. Возможно агент окончил разведывательную школу абвера в Харькове.

В связи с тем, что захваченные лазутчики в разное время были завербованы в лагерях военнопленных, основное внимание в розыске чекисты сосредоточили на бойцах и командаирах, сумевших бежать из плена. Оперуполномоченный Рязанов на совещании выдвинул новое предложение: проверить и военнослужащих, недавно прибывших в армию в индивидуальном порядке из других соединений фронта или военных училищ.

Причиной, побудившей Рязанова выдвинуть такое предложение, послужил факт обнаружения в лесу недалеко от станции Красный Лиман трупа молодого лейтенанта. Документов при нем не было. Судя по новому обмундированию, он недавно окончил училище. Проверкой по частям армии было установлено, что в последнее время ни один молодой командир не пропал без вести. Рязанов высказал предположение, что погибшим мог быть вновь прибывший в армию, но не успевший по какой-то причине представиться в штабе,

поэтому не исключал, что убийство могло быть совершено умышленно, чтобы завладеть его документами.

Слушая Рязанова, Николай Антонович взглянул на Пилипенко. Лицо того было сосредоточенно, брови слегка нахмурены.

Петров усмехнулся про себя. Он был убежден, что Рязанов заранее обсудил с Пилипенко выдвинутую версию, которая, несомненно, заслуживала внимания. Какие они разные — эти два друга, подумал Петров. И как удачно дополняют друг друга. Но если уравновешенный, даже медлительный Пилипенко может выполнять оперативные задания самостоятельно, то несколько самоуверенного и порывистого Рязанова нужно сдерживать, умело направлять. И коль задание заинтересовало его, выполнит быстро, увлеченно.

Между тем Рязанов продолжал докладывать. Он обратил внимание на недавно прибывшего в армию после окончания военного училища лейтенанта Вострикова. Что-то в нем настораживает. По рассказам сослуживцев, он по-черному ругается, циничен с женщинами. Может, это по молодости, бахвальство, желание показать себя рубахой-парнем? К службе Востриков относится без особого рвения, хотя приказы и поручения исполняет в срок.

— Все, что ты сказал о лейтенанте, Иван Федорович, не имеет прямого отношения к контрразведке и тем более к теме оперативного совещания, — довольно резко резюмировал Кузьменко.

Ну зачем эта резкость? — подумал о заместителе Петров. Любит он поучать других.

Кузьменко не обратил внимания на пристальный взгляд начальника отдела.

— Легко заподозрить человека, труднее получить доказательства его вины. Сотрудник контрразведки не должен руководствоваться эмоциями, — вычитывал

он Рязанова.— Подозрения должны основываться на фактах. А у тебя их нет.

Формально Кузьменко был прав. И все же Петров решил дослушать молодого чекиста.

— Пусть высажется до конца.

— Я согласен с замечанием капитана госбезопасности. Действительно, в моем докладе много эмоций. Но не нравится мне Востриков, в чем-то он фальшивит,— настаивал на своем Рязанов.

— А как к нему относятся сослуживцы? — спросил Петров.

— Говорят, что он умеет ценить доброе отношение к нему, в долгу не остается.

— Это уже говорит о многом. И я бы на твоем месте не отвлекался по пустякам,— поучительно произнес Кузьменко.

Наступила тишина. Рязанов сел. Было заметно, что он волнуется.

Николай Антонович, зная, что на Рязанова больше действует подчеркнуто спокойный тон, заговорил, скорее рассуждая сам с собой, чем обращаясь к Кузьменко:

— Думаю, мы ничего не потеряем, разрешив товарищу Рязанову продолжить наблюдение за Востриковым. Если он убедится, что его подозрения в отношении лейтенанта необоснованны,— это тоже результат. Но меньше эмоций, Иван Федорович. Нужны факты и еще раз факты.— И обращаясь ко всему оперативному составу, твердо сказал: — Наша первоочередная задача — как можно скорее найти и обезвредить немецкого радиста.

Рязанов регулярно докладывал Петрову о результатах наблюдения за Востриковым. Интересного в оперативном плане ничего не было. Складывалось впечатление, что молодой командир просто несерьезный,

человек бесшабашный и весьма общительный. Было известно, что он, пренебрегая служебными обязанностями, много времени тратил на разговоры с девушками из роты связи и военторга. Но почему Востриков предпринимал меры предосторожности, посещая квартиру санитарки эвакогоспиталя Хвостиковой?

Вскоре контрразведка получила ответ и на этот вопрос. В особый отдел пришла девушка — писарь одного из отделов штаба и рассказала, что Востриков, как бы между прочим, интересовался у нее, соответствует ли действительности разговор о передислокации некоторых частей армии в связи с предполагаемым контраступлением и как скоро это произойдет. Свой вопрос мотивировал беспокойством, будет ли в этом случае передислоцирован эвакогоспиталь, в котором санитаркой работает его невеста.

Можно было объяснить необычность отношений лейтенанта с Хвостиковой тем, что у него появилось настоящее, глубокое чувство и он теперь оберегает свою репутацию. Однако подготовка контраступления держалась в строгом секрете. Интерес лейтенанта, не входившего в командный состав, которому было известно о подготовке военных действий, настораживал. По указанию Петрова Рязанов занялся более глубоким изучением Хвостиковой. Контрразведке стало известно, что санитарка выясняла у раненых, из каких они частей, кто их командир, где дислоцируется часть.

Рязанов узнал, что Хвостикова проживала на временно оккупированной немцами территории и перешла линию фронта, чтобы ее не угнали в Германию. Командование госпиталя характеризовало ее положительно. Однако он обратил внимание начальника отдела на одну любопытную деталь: вскоре после ее появления в городе радиоконтрразведка зафиксировала работу вражеского радиоцентра, наиболее устойчивый

прием позывных которого фиксировался в зоне дислокации армии.

— Даже если Хвостикова и связана с немецкой разведкой, все же она не тот агент, над радиограммами которого работает Центр. Я в этом уверен. Но за Востриковым и за ней следует усилить наблюдение. Ее интерес к дислокации частей не случаен. Вполне возможно, что она заброшена к нам противником,— сделал вывод Петров, в очередной раз выслушав Рязанова.

Тот согласился с ним, высказав предположение, что она могла быть радиисткой, а, значит, не исключена возможность выхода через нее на основного агента.

— Вы интересовались, когда Востриков приступил к службе в нашей армии? — спросил Петров.

— Почти одновременно с поступлением Хвостиковой в госпиталь. Я, Николай Антонович, послал фотокарточку Вострикова в военное училище для опознания. Дело в том, что Востриков представился в штабе через два дня после обнаружения трупа пока неопознанного лейтенанта.

9

Петрову доложили, что плененный партизанами обер-лейтенант желает сообщить нечто, заслуживающее внимание советской контрразведки.

В сопровождении конвойного в кабинет вошел высокий средних лет офицер. В его серых глазах не было высокомерия, которое Петров иногда улавливал в глазах пленных немецких офицеров. Но не было в них и страха. Держался спокойно, даже несколько уверенно.

Николай Антонович через переводчика поинтересовался, чем вызвано желание обер-лейтенанта встретиться с представителем военной контрразведки.

Офицер не дослушал переводчика и довольно чисто сказал по-русски:

— Нам не нужен переводчик. Полагаю, что сведения, которые я хочу сообщить, могут быть вам полезны.

Петров отпустил переводчика и выжидательно посмотрел на пленного.

— Я не офицер сорок четвертого полка СС, а сотрудник абвера Шумский,— чеканя слова, произнес обер-лейтенант и выжидательно замолчал. Петров никак не среагировал на его заявление, и тот решил, что представитель советской контрразведки его не понял, поэтому повторил: — Я офицер немецкой военной разведки.

Но Петров по-прежнему молчал, предоставив возможность пленному выговориться без наводящих вопросов. Тем более, что он сам просил об этой встрече, а это значит, что шел сюда с определенной целью. Другое дело — какой? Петров был неплохим психологом. Он умел расположить к себе собеседника, завоевать его доверие, незаметно, исподволь внушая ему чувство ложного самоуспокоения. При первой встрече никогда не вел записей, чтобы беседа не казалась официальной, чтобы подозреваемый не настораживался, не предугадывал возможных дальнейших вопросов.

— С чего лучше начать? — в вопросе обер-лейтенанта зазвучала растерянность.

— Это вы решайте сами.

Шумский кивнул головой.

— Хорошо... Чтобы вы правильно меня поняли, мне необходимо объяснить, почему я, офицер абвера, перешел на сторону Красной Армии...

— Перешли? — Петров удивленно вскинул брови.

— Я не совсем точно выразился. Будет точнее, если скажу: сделал так, чтобы попасть в плен. Перейти линию фронта мне помешали партизаны.— После

паузы заспешил, заглатывая окончания слов: — Я хотел бы рассказать о себе, о моих родителях, с тем чтобы вам были ясны мотивы, заставившие меня просить встречи с вами.

И пленный рассказал, что его отец Шумский Егор Петрович до революции был адвокатом в Ярославле, состоял в партии эсеров. После разгрома эсеровского мятежа в Москве, Ярославле и других городах молодой Советской России он с женой и сыном Юрием бежал к белым, а с ними потом за границу. Там он включился в антисоветскую деятельность, став впоследствии одним из функционеров Национально-трудового союза. Но жена не разделяла убеждений мужа. Она объективно оценивала белое движение, его бесперспективность и страдала вдали от Родины. Любовь к России передала сыну. По молодости она не приняла Октябрьскую революцию, воспринимала происходящее в Советской России так, как это ей внушал муж. Лишь в эмиграции осознала величие всего, что произошло на ее бывшей родине. Свое заблуждение оправдывала тем, что многие вещи нам непонятны потому, что они не входят в круг наших понятий.

Однако Шумский не скрывал, что ему и его матери нравилось не все, происходившее на бывшей родине. Этим он как бы хотел подчеркнуть, что не намерен завоевывать здесь дешевый авторитет. Он устало провел рукой по лицу. Пальцы слегка вздрагивали. Видимо, воспоминания давались ему не легко. И с молчаливого согласия Петрова он далее рассказал, что в Дрезденском университете к нему, сыну русского эмигранта, относились как к человеку второго сорта. Расчитывать без протекций на то, что он сможет занять подобающее его знаниям и способностям место в обществе, было, по меньшей мере, наивно. Будучи студентом, он по рекомендации отца вступил в НГС. Это, по мнению Шумского, открывало перед ним хоть ка-

кие-то перспективы, так как организация поддерживала тесные связи не только с другими антисоветскими организациями, но и со службой безопасности и абвером. Перед войной с Советским Союзом его направили переводчиком в абверштабле первой танковой армии. В последнее время работал под руководством майора Фурмана, встречался с сотрудниками абвера полковником Рокито, майором Штейнбрухом.

Петров обратил внимание, что пленный, хотя и готовился к встрече, волновался. Вероятно, это было следствием хода беседы, к форме которой он психологически не был готов. От чекиста не ускользало малейшее изменение в жестах, интонации обер-лейтенанта при изложении фактов, событий, характеристик на бывших коллег. Мягкая припухлость его щек и полные, красиво очерченные губы придавали лицу привлекательность. Застенчивая улыбка играла на его губах. Иногда же лицо его выражало задумчивость. В общем, он был естественен.

И все же в течение беседы Петрову нет-нет, да и казалось, что Шумский недостаточно собран. Причина, которая побудила его принять решение порвать с прошлым, казалась Николаю Алексеевичу неубедительной. Складывалось впечатление, что подобным повествованием о себе и родителях он пытался увести беседу от главного, что должно было заинтересовать контрразведку. Но что скрывалось под этим главным?

— Мне представляется, что весь ваш рассказ — предпосылка к тому, ради чего вы пожелали встретиться со мной. Не так ли? — сказал Петров.

Шумский какое-то время сосредоточенно молчал. Петрову показалось, что вопрос, в подтексте которого можно было уловить недоверие, обеспокоил обер-лейтенанта. На его лице промелькнуло выражение озабоченности. Когда же он заговорил, прежняя живость тут же вернулась к нему.

— Дело в том, что я по заданию абвера должен внедриться в советскую контрразведку. Для начала мне поручено уточнить, какие части вашей армии стоят перед немецким фронтом, по возможности изучить работу тыла, а также моральное состояние руководящего командного состава. Последнее крайне важно, так как может способствовать отработке конкретных действий по их компрометации, а возможно и вербовке.— Он вновь замолчал, ожидая наводящих или уточняющих вопросов. После затянувшейся паузы, энергично потерев лоб рукой, он закончил: — Более конкретное задание я должен получить позже.

Признание Шумского насторожило Петрова. С одной стороны вполне логично, что подобное задание дали официальному сотруднику разведки, а с другой — обер-лейтенант был только переводчиком, и к тому же — сыном русского эмигранта.

Словно угадав мысли Петрова, пленный сказал:

— Вам, видимо, кажется странным, как могли поручить мне такое задание. Постараюсь объяснить. Не сочтите за нескромность, но я трудолюбив. Никогда не лезу в чужие дела. Вероятно, это нравилось Фурману. Тем более, он знал моего отца и был уверен, что меня воспитали в ненависти к коммунистам. У нас сложились добрые отношения.— Он вяло улыбнулся.— Честно говоря, это в некоторой степени сдерживало меня от намерения перейти к вам.

Шумский потер виски, лицо его передернулось, словно от боли, губы мелко задрожали.

— Но я заблуждался. Когда со мной стряслась беда, от дружелюбия Фурмана не осталось и следа,— глухо проговорил он.

— Что же случилось? — спросил Петров.

— Фурман обвинил меня, будто в пьяном состоянии я нанес оскорблениe немецкому офицеру.

Тон обер-лейтенанта свидетельствовал, что его гордость была сильно уязвлена и безмерно страдало самолюбие.

— Я стал жертвой авантюристов... Должен признаться, что служба в абвере требует исключительно крепких нервов. Я не считал себя неврастеником, но прошло менее года службы в абверштабе, и я понял, что мои нервы никуда не годятся. Я стал угрюм, начал допускать ошибки в работе, и тут Фурман неожиданно предложил мне отдохнуть пару дней. Это меня удивило и обрадовало. В первый же свободный вечер я пошел в офицерское казино. За столик ко мне подсели молодой офицер. Помню, пили с ним за знакомство, за победу... Потом пробел в памяти. Когда пришел в себя, смотрю, лежу в какой-то комнате на кровати.— От возбуждения на его лице простирали красные пятна. Он попросил воды и торопливо выпил полный стакан.— Вскоре пришел Фурман. На мой вопрос, где я и что со мной, он обвинил меня в том, что я в пьяном состоянии допускал весьма нелестные отзывы о действиях офицеров вермахта на оккупированной территории. В ответ на замечание, которое сделал мне офицер, я, по его словам, обозвал его скотиной, разбил ему голову бутылкой. Офицера в тяжелом состоянии доставили в госпиталь, а меня на гауптвахту.

Наблюдая за пленным во время этого рассказа, Петров отметил, что с нервной системой у Шумского не так уж плохо — он почти мгновенно переходит от состояния крайнего возбуждения к полному спокойствию. Несомненно, обер-лейтенант натренированный человек или же он искусно умеет скрывать свои чувства. И то и другое противоречило началу его рассказа.

— Поверьте, — продолжал Шумский, — хотя я и выпиваю, но никогда не теряю голову. И вдруг такое обвинение! Фурман без стеснения выплеснул то, что

долго скрывалось в глубинах его души. Он кричал, как это я, русский недоносок, мог поднять руку на чистокровного арийца. Уж только этим я заслужил смерть без суда и следствия. Но он гуманный человек, поэтому рекомендует мне самому застрелиться.— Он нервно провел рукой по щеке, подбородку.— Но чем больше Фурман клеймил меня, тем больше я убеждался в моей невиновности, в том, что весь этот инцидент чистой воды провокация!. Многие трудно передать весь ход разговора с ним, потому что все происходило, как в кошмарном сне... Положа руку на сердце, признаюсь, что для меня было неожиданным предложение Фурмана как второй вариант выхода из создавшегося положения — участвовать в известной вам теперь операции. Это только подтвердило, что все было заранее продумано и подстроено. Он дал мне на раздумье сутки. Вот тогда я и пришел к решению: пора с ними рвать. И вот я перед вами,— закончил Шумской и устало посмотрел на Петрова.

— Вы что-то хотите спросить? — поинтересовался Николай Антонович.

— Мне показалось, что у вас возникли ко мне вопросы.

— Пока нет.

Такой ответ окончательно обескуражил обер-лейтенанта. Он не мог уловить, сумел ли убедить Петрова, верят ли ему? Из под приспущеных век посмотрел он на чекиста. Его усталость обер-лейтенант мог для себя объяснить тем, что армии большевиков отступали, несли огромные потери, немецкие войска оккупировали Прибалтику, большую часть Украины, стоят под Москвой, Ленинградом. Но откуда такая выдержка? Полковник сидит перед ним спокойный, тактичный, в хорошо подогнанной военной форме.

— Вы вправе мне не доверять. Россию я покинул мальчишкой и совсем ее не помнил. Что-то отдаленное,

словно зыбкий мираж, вставало в моей памяти. Но я скучал по Родине, о которой много рассказывала мама и другие эмигранты. Однако не постыдился признаться, что мне легче выразить мысль на немецком языке, чем на родном.

Мама, как щит в беде, подумалось Петрову, и он твердо произнес:

— Любовь к родине вам нужно еще доказать.

— Да, да, я докажу,— живо подхватил Шумской,— мне очень бы хотелось, чтобы вы поверили мне. Я расскажу все, что мне известно, и этим отрежу все пути к прошлому.

Петров, слушая обер-лейтенанта, подумал, что в его рассказе слишком все связно, прямо-таки подогнано, ни сучка, ни задоринки. Но что же все-таки настороживало Николая Антоновича? Он пристально посмотрел на пленяного, который монотонно продолжал свой рассказ. Неужели внешность, манера держаться? Такой тип людей легко сливаются с толпой, ничем не привлекая к себе внимания. Да, в этом достоинство разведчика.

— Я понимаю, что сообщенные мною сведения ординарны,— говорил Шумской.— Рокито дал указание объяснить это тем, что я сравнительно недавно работаю в абверштабе, к активным действиям не привлекался. На секретные совещания не приглашался.— Немного подумав, сказал: — У вас может возникнуть вопрос, почему они пошли на раскрытие некоторых данных о сотрудниках. Попытаюсь и это объяснить. Во-первых, они верят в скорую победу, поэтому не опасаются, что сведения о них попадут в советскую контрразведку. Во-вторых, за последнее время, как полагают Рокито и Фурман, вы арестовали ряд их агентов, которые, несомненно, рассказали все, что знали. Вряд ли я рассказал вам больше.

— Пожалуй,— согласился Петров.— Но в таком случае, на что рассчитывали ваши шефы? На нашу наивность?

— Не думаю. После многочисленных провалов своей агентуры они стали менять мнение о способностях вашей контрразведки. И готовя меня, предупреждали, что вначале мне не будут доверять, подвергнут проверке. Наиболее вероятно, что в течение определенного времени мне разрешат передавать им только дезинформацию. Они утверждали, что лишь через несколько месяцев, если мне поверят, я смогу собирать и передавать ту информацию, которая интересует вермахт и абвер. Вы должны знать: там ожидают контрнаступление. Поэтому перед абвером стоит сейчас главная задача — выяснить направление и сроки контрудара, передислокацию войск, их оснащение, перемещение командного состава.

Все, о чем рассказывал Шумский, для Петрова не было новостью. Показания обер-лейтенанта отличались от показаний разоблаченных лазутчиков только тем, что ему поручено внедриться в советскую контрразведку. Не может быть, чтобы столь упрощенно работал абвер. Рокито и Фурман не могли рассчитывать на то, что, получив от Шумского такую информацию, ему здесь поверят. Хоть что-то важное, пусть даже с элементами дезинформации, но значительное, они должны были дать ему! Что-то недосказывает Шумский, приберегает, как азартный игрок, козырь под конец. И он поинтересовался:

— У вас все?

Шумский прищурил глаза, улыбнулся уголками рта.

— Чтобы вы начали мне доверять,— начал он не спеша,— я доложу вам сейчас нечто очень важное...

Кажется, я не ошибся, подумал Петров и поправил очки, молча ожидая, что последует дальше.

— Я попросил вас принять меня прежде, чем допросите задержанных партизанами четверых бывших красноармейцев. Мне известно, что все они являются агентами абвера.— Обер-лейтенант немного выжал, чтобы Петров уяснил важность сообщения.— Фурман приказал мне выехать в село Сидорово в расположение штаба сорок четвертого полка СС, с тем чтобы проконтролировать переброску группы в ваш тыл. После этого я должен был вернуться в абверштаб и доложить Фурману о выполнении задания. И ждать команды на вывод.— Он вновь улыбнулся только уголками рта. Покачал головой, давая понять, что счастливая случайность помогла ему быстрее, чем он на то рассчитывал, порвать с прошлым.— Я уже доложил — моя подготовка к тому времени была окончена. Главное в задании — завоевать ваше доверие. Потом сообщить обо всем в «Орион».

— Как?

— По радио. Запасной вариант — связник.

— Радиста должны перебросить?

— Радистка переброшена к вам раньше. Судя по полученной радиограмме, она осела удачно и работает вне вашего контроля. Радистка окончила школу «Орион». С ней я не встречался, знаю лишь по фотографии. Руководит ею агент абвера по кличке Коршун. Из той же радиограммы известно, что он также легализовался. Я его видел, он меня нет. Его приметы...

Шумский обрисовал портрет «Коршуна», не назав ни одной особой приметы.

— С Коршуном мне надлежит встретиться, с того момента он прекратит самостоятельную работу, а радистка перейдет в мое подчинение. По сигналу оттуда Коршун должен выходить на встречу со мной на вокзал в первый и третий четверг месяца, с шестнадцати до шестнадцати тридцати. Рокито сказал,

что Коршун после встречи должен перейти линию фронта и лично доложить, что видел меня.

Впервые за всю сегодняшнюю беседу обер-лейтенант заносившее посмотрел на Петрова.

— Если вы посчитаете целесообразным использовать меня в игре с абвером, то прислушайтесь к моему совету: не арестовывайте радиостку и дайте возможность Коршуну встретиться с Рокито.

Петров слушал молча, давая возможность пленному самому все высказать до конца. А тот продолжал:

— По плану операции, радиостка останется со мной. Я же обязуюсь все радиограммы шифровать под вашим контролем. Для этого я передам вам копию имеющегося у радиостки кода. Сообщу условный знак, которым она должна уведомить абвер в случае, если мы попадем под колпак. У меня все,— с облегчением закончил Шумский.

— Понимаю, что вы устали. И все же, прошу ответить на несколько вопросов.

Шумский вяло улыбнулся и в знак согласия кивнул.

— Вы считаете, что, не арестовав радиостку, с вашей помощью мы будем застрахованы от какой бы то ни было случайности?

— Что вы имеете в виду? Побег или бесконтрольный выход в эфир? — уточнил Шумский.

— И то и другое.

— Нет, это исключено.— Впервые тон обер-лейтенанта был категоричен. Но он понял, что перешагнул грань дозволенного, и уже более сдержанно сказал: — Она и Коршун не знают, кто должен явиться к ним в качестве шефа. Им лишь известно, что это будет официальный сотрудник абвера. Они прекрасно понимают, что за любое нарушение дисциплины там их по головке не погладят. А грешки у них перед советской властью имеются.

— Как должен был легализоваться Коршун?

— Мне известно, что ему поручили за линией фронта завладеть документами молодого командира, желательно направлявшегося в часть. Вероятно, так он и сделал.

Сердце у Петрова сжалось. Так вот чьей жертвой стал лейтенант...

— Что должна сообщить радиостка?

— Через две-три недели после моего перехода линии фронта она должна сообщить, что все идет по плану. И этот срок короткий, считали там, ибо вы будете меня проверять. Поэтому можно доложить в абвер и позже. Последний срок — через месяц.

— Вам не кажется, что ваши шефы поступили, мягко говоря, опрометчиво, заранее направив сюда радиостку?

— Рокито и Фурман другого мнения. Они убеждены не только в надежности этой пары, но и в том, что тонко продумали комбинацию по их выводу. Подтверждением этому, по их мнению, служит тот факт, что они, находясь здесь определенное время, до сих пор не попали в поле вашего зрения. Рокито утверждал, что перехватить радиограммы вы могли, но запеленговать рацию — нет. Радиостка после двух коротких выходов в эфир работает только на прием. Шеф не сомневался, что код вы не сможете расшифровать из-за малого количества знаков.

Нельзя отказать Рокито в логике его утверждений, подумал Петров. Действительно, код не расшифрован, радиоконтразведке запеленговать рацию не удалось. И вынужден был признать, что поторопился с выводом о поспешности немецких разведчиков при подготовке Шумского. Он по достоинству оценил замысел противника. Представители абвера не опасались, что здесь засекут работу радиостки и перехватят

радиограммы. Это было ими заранее предусмотрено и служило тем главным аргументом, которым обер-лейтенант должен был заинтересовать чекистов и доказать им свою объективность. Он посмотрел на уставшее лицо пленного и сказал:

— На сегодня достаточно. Отдыхайте. Вы что-то хотели сказать?.. Полагаю, у нас будет еще возможность поговорить на самые различные темы.

Когда дверь за Шумским закрылась, Петров достал папиросу и закурил. Он попытался разобраться в своих впечатлениях о пленном. Несомненно, он умный человек. Но не следует доверяться, особенно первому впечатлению. Хорошо подготовленный и натренированный разведчик должен производить благоприятное впечатление. Перевоплощаясь и используя продуманную легенду, он будет стремиться доказать, что ведет честную игру. Что ж, попробуем разобраться. Самый верный способ — заставить Шумского несколько раз повторить свой рассказ. Если он действует согласно легенде, рано или поздно он где-то допустит неточность. Петров был уверен, что лишь человек, который обладает исключительной памятью, помнит свою легенду до мельчайших подробностей. Но ведь Шумский может оказаться именно таким человеком!

Николай Антонович усмехнулся и через дежурного вызвал Рязанова.

10

Блеснув раскосыми глазами, Агнесса заговорщицки сообщила Ольге, что с ней желает поговорить Владимиrow. И еще она сказала, что, дав согласие вступить в какую-то организацию под названием НТС, Ольга останется в театре и сможет избежать отправки в Германию. Возможно, ей потом предложат высту-

пать в офицерском казино, а там после концерта можно досыта покушать, да еще и домой что-нибудь прихватить.

Офицерские объедки подбирать! Ольга брезгливо передернула плечами. Нашла чем заманивать! Живут же другие без подачек. И она проживет. Осталась еще кое-какие вещи родителей, будет ходить на менку в села, лишь бы продержаться до прихода Красной Армии. Главное — чтобы ее не вызвали на биржу труда.

Но почему именно ей Владимиrow собирается предложить вступить в НТС? Ну, конечно же, это Агнесса о ней позаботилась. Ольге стало не по себе от сознания, что она стала на одну доску с Агнессой.

Репетиция подошла к концу, а заместителя бургомистра все не было. И она решила уйти. В фойе услышала за собой торопливые шаги. Обернулась. Ее догнал Дерюжкин, взял за локоть и, наклонившись, проронил:

— Иди в мой кабинет. Тебя ждут.

В кабинете бывшего главного режиссера театра за письменным столом сидел Владимиrow. Предложил девушке сесть на стул, а сам изучающе смотрел на нее. Прекрасные волосы, круглый лоб, матовая кожа лица. Красивая. Но станет еще привлекательнее в более зрелом возрасте. Такие лица долго не стареют. Он поинтересовался, говорила ли с ней Агнесса и согласна ли она стать членом организации Национально-трудового союза нового поколения.

Уловив в его голосе плохо скрытое высокомерие, Ольга растерялась и призналась, что из торопливого объяснения Пампуры не совсем поняла, что от нее требуется.

Владимиrow встал и принялся расхаживать по кабинету, не замечая при этом, что громко шаркает ногами и сутулится.

— От вас, сударыня, не потребуется много. Будете посещать собрания, лекции. Там узнаете о задачах, которые стоят перед нашей организацией. И продолжите работу в театре.— Неожиданно со скептической улыбкой спросил: — Мне сказали, что вы боитесь отправки в Германию? — и тут же успокоил: — Можете рассчитывать на мою поддержку. Вступайте в организацию, более активно работайте в театре...

Ольга оснилила смущение и тихо сказала:

— Я и так работаю в театре...

Владимиров быстро заморгал и поспешно вытер белоснежным платком набежавшие на глаза слезы. Он уставился на Ольгу. Вот кто мог бы заменить ему Диану. Но вспомнив приказ Штейнброка, отбросил эту мысль.

— Я не буду торопить вас. Ответ дадите через Агнессу. Кстати, советую дружить с ней. Умная и энергичная девушка.— И совсем неожиданно перешел на другую тему:— Вы увлекаетесь только легкой музыкой?

— Нет.

Она рассказала, что мечтала поступить в консерваторию, готовилась к вступительным экзаменам. На школьных вечерах играла произведения Чайковского и Вагнера, Моцарта и Бетховена.

Глаза заместителя бургомистра потеплели.

— Вот это славно, сударыня. Должен сказать, что главной целью моей встречи с вами было выяснить именно это. Теперь слушайте меня внимательно. Вы должны помочь мне.

Расхаживая по кабинету, он рассказал, что майор Штейнбрух и его друзья — большие любители классической музыки. Майор играет на флейте, и ему нужен аккомпаниатор.

— Я буду вас рекомендовать.

Это было сказано в форме приказа, и девушка, не осмелившись возражать, неуверенно произнесла:

— Но сыграть сразу что-то серьезное без репетиции просто невозможно.

— Понимаю, что сложно, но другого выхода нет. У моего друга майора,— он умышленно сделал ударение на этих словах,— нет времени на репетиции.— И как бы вспомнив, сказал: — Майор высказал пожелание сыграть друзьям вторую часть симфонии Листа из «Фауста» — «Гретхен». У вас есть ноты?

— Нет.

— Ноты вам доставят. Нужно подготовить «Гретхен».— И немного подумав, добавил: — Один из близких друзей майора любит «Ад» из «Божественной комедии». Вам приходилось играть? Нет? Попытайтесь разучить. Ноты тоже пришли. Времени, к сожалению, мало, поэтому на репетиции в театр не ходите. Обойдется. Желаю успеха. И очень надеюсь на вас, сударыня.

Ноты принесла Агнесса.

Ольга подолгу играла, но оставалась недовольна собой. Ее охватывало отчаяние, когда она вспоминала чванливого Владимирова. А как отнесутся к ней немецкие офицеры? Она встречала их в городе. Они не скрывали презрения к местным жителям. Даже солдаты вермахта, завидев офицеров, торопились уступить им дорогу на тротуаре, вытягивались во фронт, щелкали каблуками и вскидывали руки в нацистском приветствии.

От волнения руки делались деревянными. Она пыталась играть, но под непослушными пальцами мелодия превращалась в какафонию. Ею овладевала апатия, и она, как сквозь сон, пыталась понять, что это с ней происходит? Куда уносит ее течение, почему она не противится ему? Она представила суровое лицо отца, который, несомненно, не одобрил бы

ее участие в театре и предполагавшемся музыкальном вечере.

Папа, мне и самой противно, но что делать? — оправдывалась она мысленно перед ним. Ни тебя, ни Андрея нет, с кем же советоваться? С Агнессой, Виктором? Но их ответы она заранее знала. С Машей? А поймет ли она меня?

В полной растерянности пошла Ольга на музыкальный вечер, испытывая при этом еще и страх перед немцами. Нерешительно постучала в дверь квартиры, которую занимал майор. Ее встретил Владимиров, на сей раз доступный и внимательный. Заметив испуг в ее глазах, засмеялся.

— Волнуетесь, сударыня? Значит, все будет в порядке.

Он проводил девушку в комнату и представил Штейнбруху.

— У нас еще есть время порепетировать, — произнес он на ломаном русском языке. — Господин Владимиров, опекайте пока вашу протеже.

И словно забыв об Ольге, Штейнбрух повернулся к Фурману и недовольно спросил:

— Что-то полковник опаздывает. Он вам ничего не говорил?

Тот отрицательно покачал головой.

А в это время Рокито, откинувшись на сиденье, безучастно смотрел в окно автомашины. Монотонно гудел мотор. Он вытянул ноги, потянулся до хруста в суставах. Настроение у него было приподнятое. Сегодня ему позвонил старый приятель полковник Енке, недавно назначенный адъютантом Канариса. Он поздравил Рокито с представлением к железному кресту с мечами. Пожелал ему успехов и, как бы между прочим, посоветовал провести какую-нибудь головоломную, в его стиле, комбинацию. Значит, Рокито там ценят и помнят. И все же у него невольно мелькнула

мысль: ценят — прекрасно, но все же следует посоветоваться с Протце*, другом Канариса.

Шеф «Ориона» преклонялся перед адмиралом и старался копировать руководителя военной разведки. Особенно его манеру держаться. Канарис даже во время длительных бесед умел молчать о тех вещах, которые следовало держать в тайне. Именно это и не нравилось Гейдриху в шефе абвера, а Ноймарку в Рокито. Полковник пожал плечами. Он, как и многие другие, не понимал, как Канарис и Гейдрих — совершенно разные люди даже внешне, — могли быть взаимно вежливыми на устраивавшихся совместных вечерах в доме адмирала на Долленштрассе в Зюденде **, на которые приглашались старшие офицеры абвера, СД и гестапо. Несколько раз в числе приглашенных был Рокито. Он с интересом наблюдал, как адмирал играл с дочерьми Гейдриха и членами его семьи в крокет. Не только приближенные Канариса, но и Гейдрих не знали истинного отношения адмирала кobergruppenfuegeru CC и какими мотивами тот руководствовался, поддерживая, пусть только внешне, добрососедские отношения с руководителем имперской службы безопасности.

Рокито, подражая шефу, завидовал ему. Еще бы! Канарису шел сорок седьмой год, когда он возглавил военную разведку третьего рейха. Шеф «Ориона» несколько раз был в небольшом кабинете адмирала, из окон которого сквозь каштаны виднелся Ландверский канал и Тиргартен, где руководитель военной разведки имел обыкновение каждое утро наслаждаться верховой ездой.

Полковник улыбнулся. Не только он подражал Канарису. Адмирал тоже копировал своего знамени-

* Капитан 2-го ранга Рихард Протце был начальником отдела саботажа и диверсий абвера.

** Пригород Берлина.

того предшественника полковника Николаи, портрет которого висел в его кабинете напротив портрета Гитлера. Ходили даже слухи, что не Николаи, а Канарис привлек Мата Хари к шпионской работе. Много было разговоров о находчивости и храбрости шефа абвера, который в первую мировую войну будто бы был арестован в Италии, как немецкий разведчик, что он задушил тюремного священника и в его одежде бежал. Поистине не знаешь, каким слухам верить! Именно это и создавало вокруг адмирала ореол таинственности, а также помогало ему: противникам и сооперникам трудно было разобраться в его действительных помыслах и недостатках.

Правда, Рокито со смешанным чувством гордости и стыда вспомнил одно из совещаний, на котором Канарис заявил, что ни одно государство не вступало в войну с такой полной информацией о противнике, какую абвер имел о России. В то время полковник относился с огромным доверием ко всему, что говорил седовласый, с румяным лицом адмирал. Но вскоре полковнику пришлось убедиться — в реальной обстановке все выглядело не так красиво и фантастично. Сегодня приходится довольствоваться наспех подготовленной агентурой из числа уголовников, отбросов общества, которая, если возвращается, приносит слабую информацию. Армейское командование высказывает по этому поводу недовольство. А требования командования возрастают.

При воспоминании настроение шефа «Ориона» начало портиться. И все же в последнее время им кое-что сделано. Тактика сбора разведывательной информации, хотя и медленно, но меняется и уже приносит определенные результаты. Самовнушение несколько успокоило полковника, вернуло к прежнему настроению. Он остался доволен собой после беседы с Енке, который дал понять, что времена меняются, меняется

и тактика. Но Рокито не нужно разъяснять, что и зачем. Нужно начинать работать с дальней перспективой. Надежда на молниеносную войну лопнула, как мыльный пузырь. И он в душе порадовался, что смог опередить многих своих коллег, предвидя указание Канариса о необходимости внедрять агентуру в штабы противника и советскую контрразведку. Что ж, будет что доложить Берлину. Скорпион! Правда, случайность нарушила план его вывода. Вначале был страшный переполох. Еще бы! Столько готовили операцию, возлагали на нее большие надежды и вдруг: Скорпиона захватили партизаны! Рокито был возмущен. Помнится, он выговаривал Фурману, что для контроля переброски агентурной группы в тыл Красной Армии он мог бы послать и другого офицера абверштабе. Тот, понимая свою оплошность, высказал твердую уверенность, что Скорпион преданный, находчивый, сумеет добиться передачи его армейской контрразведке и выполнит возложенную на него миссию. Сегодня шеф «Ориона» дал указание передать Коршуну радиосигнал, чтобы тот в назначенные дни недели выходил на встречу с разведчиком.

Рокито извинился за задержку, дав понять, что у него был важный для него и всех присутствующих сотрудников абвера разговор со штаб-квартирой. Но об этом потом, а сейчас он с удовольствием примет участие в вечере. Он с любопытством посмотрел на Ольгу.

Штейнбрух, понизив голос, спросил:

— Не уступает Диане?

— Пожалуй. Но, дорогой Вилли, она не подойдет.

Майор развел руками. Он надеялся, что полковник одобрит его находку.

— У нее слишком броская внешность, Вилли. Для актрисы — это то, что надо. Но для разведчицы... — Рокито отрицательно покачал головой. — Такую

красавицу сатана представлял взорам отцов-пустынников, искушая их стойкость. Нет, Вилли, с ней придется воздержаться.

— Мне доложил заместитель бургомистра, что он вовлек ее в свою организацию НТС.

— Прекрасно. Пусть активнее привлекает ее к работе в своей организации,— и, поглядывая на Ольгу, заметил: — Такие женщины мне представляются ярким огнем, к которому мужчины тянутся и получают душевный ожог. Она несомненно хороша, но не для нашей работы.— Немного подумав, добавил: — А впрочем... Все может быть. Не упускай ее, Вилли, из виду.

Ольге представилась возможность немного порепетировать со Штейнбрухом, и она убедилась, что имеет дело с посредственным музыкантом-любителем. Но под пристальным взглядом холеного Рокито ее охватила робость. Из-под приспущеных ресниц она с любопытством посматривала на полковника. А тот, переключившись на Фурмана и Штейнбруха, о чем-то оживленно говорил. Чувствовалось, что в этой компании он считает себя хозяином положения.

Шеверс сидел у окна один. Затем начал мурлыкать какой-то мотивчик, в такт мелодии постукивая костяшками пальцев по выступавшим коленям под туго натянутыми брюками.

Гости заняли места и приготовились слушать. Волнение Ольги улеглось после первых аккордов. Она старалась не заглушать нежный звук флейты, погрузившей слушателей в мир грез, которым жила нежная Гретхен. Когда отзвучали последние звуки, Рокито какое-то мгновение в задумчивости сидел молча, потом сорвался с места и в порыве благодарности обнял Штейнбруха.

— Браво, Вилли! Браво, фрейлейн! — восторжен-но воскликнул он.— Вы доставили нам огромную радость! Боже, кругом война, кошмар, а тут божествен-

ная музыка! Благодарю, Вилли, за приятный сюрприз.— Он достал платок и поднес к глазам.— Где ты нашел этот клад? — он кивнул головой в сторону Ольги.

Довольный похвалой майор взял под локоть Владимира и представил Рокито.

— Фрейлейн — его находка.

Владимиров заискивающе улыбался и кланялся. Полковник с удивлением посмотрел в слезящиеся глаза заместителя бургомистра. Ему подумалось, что даже этого русского до слез проняла «Гретхен», и он милостиво улынулся, похлопав его по плечу.

Только Шеверс остался безучастным. Он сидел невозмутимым и, казалось, глухим ко всему происходящему.

— Друзья, наша Гретхен — прелесть! — продолжал восторгаться Рокито.— Невозможно спокойно слушать, как бедную, истерзанную душу преследуют видения... Вилли, дорогой, а как твоя флейта нежно вела о смущенном сердце любящей девушки...

— Удивительно хорошо стало на душе! — подхватил Фурман.— Музыка успокаивает нервы, смягчает очерствевшие на войне души.

Рокито с улыбкой посмотрел на Штейнбруха поверх поднятой рюмки с коньяком.

— Вилли, было бы приятно, если бы вы подготовили еще что-то такое, что напомнит нам дом, семью, родину.

— Что бы вы хотели послушать? — спросил майор.

— Попытайтесь с фрейлейн подготовить какую-либо часть из «Божественной комедии».

— Сложно... Но попытаемся, — неуверенно ответил Штейнбрух, не считая нужным посоветоваться об этом с Ольгой.

— Попытайтесь, Вилли, попытайтесь.— Рокито весь сиял.— Не могу забыть написанные на «Вратах

ада» слова: «Через меня идет путь в град печали; через меня идет путь в вечное состраданье; через меня идет путь к осужденным...» — Он не преминул показать всем свою эрудицию и закончил: — Как грозно потрясает оркестр, возвещая: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

Ольга понимала лишь отдельные слова из сказанного полковником. Владимиров заметил это, подсел рядом и тихо переводил.

Посматривая на холеного Рокито, подтянутого красавца с тщательно расчесанными ржавыми волосами Фурмана, сухого Штейнбруха, Ольга подумала, что они вовсе не страшные. Неприятное впечатление оставлял лишь мрачный гестаповец. Она перевела взгляд на подобострастно улыбающегося Владимирова и усмехнулась про себя: как он смешон! И как я могла его бояться!

На столе стояли бокалы и открытые бутылки с вином, коньяком, закуска. Штейнбрук наполнил бокалы.

— Бахус, да будь благосклонен к нам! Прост, господа!

Хорошее настроение не покидало Рокито. Он обвел всех взглядом, отпивая из бокала. И тут его взгляд уперся в Ольгу. Он прищурился, словно прицелился, и приглушенно произнес:

— Посмотрите, господа, на ее глаза. Два мастерски обработанных янтаря.

Налил в бокал вина и подошел к оробевшей девушке, которой Владимиров успел перевести слова полковника.

— Полагаю, гостья не откажется от бокала рейнвейнского,— голос его звучал подкупоще.

Благожелательный тон Рокито придал Ольге смесь. Она выпила вино, закусила фруктами. И вскоре уже находилась в том удивительно приподнятом

настроении, которое может создать музыка, вкусная пища и вино. От выпитого у нее слегка кружилась голова. Война отступила.

Несколько осмелев, Ольга призналась Рокито, что любит не только русских классиков. Ей очень нравится Бетховен, Григ.

— Их музыка очаровывает.

— О, да, Бетховен — наша гордость,— поддержал ее Рокито.

Ему понравилась непосредственность девушки. При всей ее восторженности у нее не было и тени фальши.

— Фрейлейн,— обратился он к Ольге,— сыграйте еще что-нибудь.

Ольга откинула крышку пианино и положила на клавиши пальцы. Вначале зазвучали нежные напевы из григорьевского «Пер Гюнта». Затем тишину взорвали бурные половецкие пляски бородинского «Князя Игоря».

Рокито мягко пожал руку девушки в знак благодарности.

А Фурман предложил Владимирову исполнить русский романс.

— Эти романсы трогательны и помогают раскрыть кам загадочную душу славян.

Владимиров с гитарой в руке прошел на середину комнаты, сел на стул. Взял несколько аккордов и запел. У него был не сильный, но приятного тембра тенор. Немцы после окончания романса сдержанно похлопали. А Рокито с сарказмом произнес:

— У большинства моих...э-э... воспитанников самая модная песенка... Как это по-русски... «Мур-ка»!

— Полагаю, что господин Владимиров споет нам что-то из другого репертуара,— со смехом сказал Штейнбрук.

Заместитель бургомистра на мгновение задумался, взял несколько аккордов на гитаре и запел:

Замело тебя снегом, Россия,
Закружило холодной пургой,
И печальные ветры степные
Панихиду поют над тобой...

Постепенно от музыки перешли к разговору на другие темы. Ольга посмотрела на часы и ужаснулась.

— Что случилось? — осведомился Владимиров.

— Уже комендантский час, — выдавила она.

— Ха, эка невидал! — усмехнулся он. — Вы забыли, сударыня, с кем вы?

Рокито заметил испуг девушки. Узнав, чем вызвано ее беспокойство, засмеялся и успокоил:

— Фрейлейн, вас проводят домой. — И, продолжая начатый с офицерами разговор, сказал: — Италия — страна грез, мечты!

— Итальянцы — макаронники! — неожиданно вмешался в разговор Шеверс. — Воевать не умеют. Им только песни распевать да за бабами, извините, бегать... Вояки! — и махнул рукой.

— Может быть, в какой-то степени, вы правы, — неохотно согласился Рокито.

В его глазах мелькнуло что-то хитро-злобное. Но он пригасил взгляд, опустив веки.

Штейнбрух понял, что шеф «Ориона» задумал какую-то ловушку шефу городской СД. Рокито не из тех, кто легко прощал обиды. Его изощренный ум срабатывал гибко, он знал, когда смолчать, притвориться забывчивым, а когда и отомстить. На сей раз он решил проучить зарвавшегося гестаповца. С видимым тактом и дружелюбием начал:

— В мире все подлежит забвению. — И замолчал. Он знал, когда сделать паузу и тем обострить к себе интерес собеседников. — Я мог бы подтвердить это гибелью Помпей. — Повернувшись к Владимирову, ска-

зал: — Я хочу рассказать одну любопытную историю, которую полезно послушать фрейлейн. Помогите ей переводом... — Рокито удивительно наглядно описал картину города прошлого и страшную его гибель под пеплом и лавой Везувия. — В музее меня потрясли останки солдата, погибшего у ворот города. Представляете, господа, грохот извергавшего тучи пепла и лаву Везувия? Дикие вопли обезумевшей толпы... Топот взбесившихся животных... А солдат, преданный долгу, не покинул своего поста и погиб! — Он потер от удовольствия руки и многозначительно посмотрел на всех. — Спустя много столетий после своей смерти он был найден, чтобы удивлять потомство, свидетельствуя о преданности долгу и отечеству!

— Я убежден, что наши союзники так же стойко будут сражаться против большевиков, — произнес Фурман, догадавшись, куда клонит Рокито.

— А я на них не очень рассчитываю, — насмешливо бросил Шеверс.

Хозяин вечера не хотел, чтобы Владимиров и Ольга были свидетелями словесной дуэли между представителями абвера и службы безопасности. Он предложил заместителю бургомистра пройти в другую комнату. Тот взял Ольгу под руку и увлек ее за собой.

— Вы полагаете, гауптштурмфюрер, у советов более надежные союзники?

Глаза Рокито пристально следили за Шеверсом, который уловил в голосе шефа «Ориона» несвойственную ему резкость. И понял, что допустил оплошность.

— Нет, господа, я так не думаю.

У Штейнброка не было сомнения, что Рокито отыгрался за недавнюю несдержанность гауптштурмфюрера в присутствии Ноймарка. И он твердо начал:

— Я полностью разделяю мнение господина полковника. У русских союзники — несерыеные вояки. Об этом может свидетельствовать то, что наши

доблестные войска в считанные дни окружили британский экспедиционный корпус и англичане, бросив много военной техники, едва унесли ноги на свои острова.

— Жаль бриттов, у них отменные устрицы,— с ухмылкой произнес Шеверс. Но почувствовав себя уязвленным, решил уйти.— Господа, дела требуют моего присутствия в СД. Разрешите откланяться.

— Мы бы так рано вас не отпустили,— вежливо сказал Штейнбрух,— но понимаем: дела, дела!

После ухода шефа городской СД представители военной разведки продолжали беседу. И тут Рокито, словно спохватившись, сказал:

— Не хотел в присутствии гауптштурмфюрера передавать разговор с полковником Енке. Вам для сведения: адмирал Канарис собирается прибыть на наш участок фронта.— И как бы невзначай уронил, что он, Рокито, представлен к награде.

Офицеры начали поздравлять его.

— Подождите, друзья, поздравлять. Только представили, а не наградили,— на его лице появилось сделаное смущение.

— Все равно примите наши искренние поздравления! — воскликнул Фурман.

— Спасибо, друзья, спасибо. Ну, а теперь, пора и отдохнуть.

— Нет, нет,— запротестовал Штейнбрух.— Нужно еще выпить и закусить.

Оживленно беседуя, около часа ели, пили.

— Вилли, скажи фрейлейн, чтобы шла к машине,— попросил Рокито, одеваясь.— Мы обещали доставить ее домой.

Он посадил девушку рядом с собой. Владимиroz сел около шоferа. Машина мчалась по безлюдным улицам к дому Ольги. Рокито взял ее руку и произнес:

— Вы доставили мне огромное удовольствие. Надеюсь, что мы еще встретимся, фрейлейн.

Ольга подхватила врученный ей Штейнбрухом пакет, быстро выскользнула из машины и вошла в дом. Развернула пакет. В нем лежали хлеб, банка каких-то консервов, плитка шоколада. И подумала, что не все немцы такие уж страшные, как ей представлялись, а полковник — вежливый и симпатичный человек.

Заглянувшей на следующий день Маше Ольга рассказала о вечере и о впечатлении, которое на нее произвели немецкие офицеры. Но Маша не разделила ее восторг.

В этот же день Ольга пошла в театр и предупредила Дерюжкина, что уходит на менку. А следующим утром ушла из города и в полдень постучала в дверь дома Вари.

11

Полицейской карательной акции в селе Пискуновка предшествовала встреча Штейнбруха с руководителем секретной полевой полиции «721» Майннером. Майор доложил, что агент Витайло успешно легализовался и, кажется, вышел на связную партизан. Высказал мнение, что агенту нужно завоевать ее доверие, а через нее — командования партизанского отряда.

— Герр фельдполицайкомиссар, мы должны воспользоваться благоприятным случаем. В этой связи я предлагаю следующий вариант: Витайло при встрече со связной поделится сведениями, якобы услышанными от заходивших к нему в мастерскую полицейских, что в Пискуновке готовится какая-то акция. У связной эти сведения не должны вызвать сомнений, так как в мастерскую действительно заходят полицейские.

— Согласен, но учтите, что они должны быть отрывочными.

— Сведения будут скучными, но они заинтересуют партизан.

— Почему вы выбрали это село? — поинтересовался Майснер.

— Там недавно были распространены листовки против руководителей третьего рейха и вермахта.

Майснер подумал, что майор прав. Акция будет вполне оправдана. А Штейнбрух высказал мнение, что для убедительности отряду русской вспомогательной полиции желательно было бы придать небольшую группу солдат из зондеркоманды СД, поэтому он просил руководителя штаба ГФП переговорить об этом с Ноймарком. Решили также, что независимо от исхода акции связную не трогать.

От связной в отряде Карнаухова стало известно, что в село Пискуновку должен прибыть отряд полицейских, чтобы реквизировать у населения для немецкой армии продукты, одежду, конвоировать молодежь для отправки в Германию. Командование отряда разработало план операции по срыву полицейской акции. Заранее к селу выслали разведчиков для изучения обстановки. Меры предосторожности вызывались тем, что сведения были получены от случайного знакомого, какого-то безногого сапожника.

Шеверс плотнее прижал трубку к уху.

— Шарфюрер Кнайзель? Где он?

Недослушав, швырнул трубку. Потер пальцами виски и ощутил, что жилка учащенно пульсирует. Чем оправдана для него потеря Кнайзеля? Эта операция нужна была авверу для достижения своих целей. А ему? Он не спеша поднялся из-за стола, подошел к окну и увидел, как во двор въехали сани. Солдаты

сняли с них тело шарфюрера и занесли в здание. Прибывшие с операции полицейские, жестикулируя, что-то объясняли толпившимся около них солдатам зондеркоманды. Шеверсу не хотелось видеть мертвого Кнайзеля, но долг службы заставил его сойти вниз, распорядиться о похоронах.

А в это время Дахневский докладывал по телефону об операции фельдполицайскому секретарю внешней комендатуры ГФП-721. Тот спокойно отнесся к провалу операции и потерям в личном составе. Начальник полиции вздохнул с облегчением. Остался доволен и тем, что не бросили раненого Перепелицу и привезли в город. Жаль, если парень не поднимется. С ним он связывал определенные надежды выйти на подполье. Накануне он поручил Перепелице следить за его бывшей соученицей Машей Барцевич.

В кабинет вошел дежурный. Дахневский не любил, когда к нему заходили без предупреждения. Он уставился на него злыми глазами. А тот, зная вспыльчивый характер начальника, начал говорить так тихо, что трудно было что-то разобрать.

— Что ты там бельмекаешь? — гаркнул он.

— К вам, господин начальник, пришли.

— Кто?

— Отец полицейского Перепелицы...

— Старшего полицейского! Запомни! — заорал он на дежурного. — Пусть войдет.

Вошел седой мужчина с тщательно расчесанной бородой. Он нерешительно переступил с ноги на ногу и писклявым голосом, который не соответствовал его тучной фигуре, произнес:

— Господин начальник... вы уже знаете? — с трудом выговорил Перепелица-старший.

— Да, да, уже знаю... Печально. Но будем надеяться на божью волю.

Перепелица-старший перекрестился.

— Витя хочет вас видеть.

— Я и сам собирался к вам,— соврал начальник полиции.— Идем.

Дахневский вкатил свое полное на коротких ногах тело в комнату, в которой лежал раненый. Голова Перепелицы была в бинтах, сквозь них проступала засохшая кровь. Лицо бледное, глаза широко открыты, губы при вздохе выпячивались, казалось, он ими хватал воздух.

Начальник полиции поклонился матери раненого. Та встала. Уткнула заплаканное лицо в ладони и вышла в сопровождении мужа.

— Виктор, как ты?

— А, гос-с-с-подин нача-а-альник... — с трудом выдавил полицейский. Говорить ему было трудно, от напряжения на носу выступили капельки пота.

— Что ж это ты не уберегся?

Губы Перепелицы искривились в виноватой гримасе.

— Ты что-то хотел сказать, Витя?

— Да... Очень важное... Там... среди партизан видел знакомого... Помните... Ивницкий... Николай... Он в меня... стрелял...

Что-то забулькало в его горле. В широко раскрытых глазах застыли боль и ужас. Он стал чаще ловить воздух раскрытым ртом. Его губы зашевелились, но Дахневский не мог разобрать, что тот говорил. Он нагнулся еще ниже, почти прильнул ухом к горячим губам умирающего.

— У Ивницкого девушка... Маша Барцевич... о которой мы... говорили..

— Маша?

Перепелица больше говорить не мог. В подтверждение, что начальник правильно понял его, сомкнул веки. Он много сил отдал, чтобы сказать все это. Сознание его помутилось, и Дахневский понял — даль-

нейший разговор бесполезный. Поднялся и вышел. И только во дворе со страхом вспомнил, что о провале акции еще не доложил Шеверсу. Злой блеск в глазах гауптштурмфюрера действовал на него, как гипнотизирующий взгляд удава на зайца. При одном воспоминании о предстоящем разговоре с шефом городской СД засосало под ложечкой.

Гауптштурмфюрера он застал в комнате, где лежал убитый Кнайзель. Шеверс не сводил глаз с Пампуры, охваченной безумной надеждой воскресить мертвого.

— Молитесь богу, фрейлейн,— сочувственно сказал Шеверс на ломаном русском языке,— он уже соединился на небе с воинами, отдавшими жизнь за фюрера!

Напыщенные слова гестаповца прозвучали как пощечина. Но Агнесса не моргнула и глазом.

— У фрейлейн будет возможность отомстить за шарфюрера Кнайзеля.

Агнесса всхлипнула.

Шеверс отвернулся, чтобы дать ей возможность прийти в себя. И тут заметил начальника полиции.

— Вы ко мне? — не здороваясь, спросил он.

— Так точно, герр гауптштурмфюрер,— громко ответил Дахневский, отчего гестаповец поморщился и кивком дал понять, что тот может говорить.

Начальник полиции доложил о содержании беседы с Перепелицей.

Услыхав фамилии Барцевич и Ивницкого, Пампуря вся напряглась. Это заметил Шеверс.

— Фрейлейн знает их?

Она ответила не сразу, только прикрыла веки. Но гауптштурмфюрер заметил злорадное выражение, появившееся на ее губах. Наконец она громко и внятно произнесла:

— Знаю. Очень хорошо знаю,

Ее голос оборвался.

Гестаповец успокаивающе заговорил с ней:

— Прекрасно, фрейлейн. Мы дадим вам возможность в полной мере отплатить этим бандитам за смерть шарфюрера. Мы представим его к железному кресту. А вы, Дахневский, подготовьте рапорт о представлении полицейского Перепелицы к ордену служащих восточных народов второй степени.— И, подумав, добавил: — Без мечей. Не забудьте поощрить и других полицейских.

А что я могу? Дать им в приказе по бутылке водки? — усмехнулся про себя начальник полиции, но вслух сказал:

— Яволь, герр гауптштурмфюрер!

Дахневский почувствовал, что сейчас наступил тот момент, когда он может, не ставя в известность Владимира, получить разрешение шефа городской СД на проведение ответной акции.

Перед Дахневским лежал лист бумаги, на котором он писал рапорт о представлении к награде Перепелицы. Он мучился, не находя нужных слов. Отбросив бумагу, взял местную газету и в который раз прочитал объявление, подписанное шефом городской СД.

«Служба безопасности с глубоким прискорбием извещает о безвременной гибели от рук большевистских бандитов старшего полицейского Перепелицы Василия Игнатьевича...»

Только за последнее время от рук партизан погибло несколько полицейских, лучшие из них. Дахневский позвонил дежурному, его интересовало, есть ли новости от старшего полицейского Перевозы, руководившего наблюдением за домом Барцевич. Прошло два дня, но никто к ней не приходил, поэтому было принято решение начать с ней работу. Шеверс

приказал задержать ее за малозначительное нарушение. Если вдруг она согласится помочь гестапо, ее освобождение будет оправдано.

— Господин начальник, Перевоза доложил, что объект и еще несколько человек ищут в шлаке коке около завода. Какие будут указания?

— Задержать всех и сюда! Пошли на подмогу Перевозе еще полицейских.

И тут же позвонил Шеверсу. Тот поинтересовался, кто будет заниматься Барцевич.

— Я сам, а следователь Довгий будет помогать.

— О результатах докладывайте.

Дахневский бережно опустил трубку на рычаги. О всемогущий гауптштурмфюрер! Начальник полиции готов был сделать из невозможного возможное, лишь бы угодить своему шефу. Он знал, что на реальную защиту он мог рассчитывать только со стороны Шеверса. Владимира? При воспоминании постоянно плачущей физиономии заместителя бургомистра у него даже дыхание сперло от ненависти. Недавняя их встреча переросла в скандал. Дахневский намеревался вовлечь в организацию украинских националистов Пампуру. Владимира потребовал, чтобы он отказался от перевербовки членов НТС. Эмиссар ОУН возмутился, считая, что эмиссару НТС на Украине делать нечего.

Со свойственной ему грубостью Дахневский заявил, что они, украинские националисты, не потерпят присутствия «москалей» на Украине, когда она станет самостоятельной. После этого в лоб задал вопрос: что НТС сделал для эффективной помощи вермахту? И не дав слова вымолвить растерявшемуся Владимирову, хвастливо начал превозносить заслуги ОУН как на фронте, так и на оккупированной немцами территории. Начальник полиции понимал, что наглый и трусливый Владимира не простит ему подобного

откровенного разговора. Он счел необходимым предупредить заместителя бургомистра, что разногласия у них возникли не по службе и поэтому они не должны в дальнейшем сказываться на их служебных взаимоотношениях. Энтеэсовский эмиссар в знак согласия кивнул и вышел не прощаясь, задыхаясь от дерзости Дахневского.

Слизняк! — подумал с досадой Дахневский о Владимире. А чего мне с ним заигрывать? На кой черт мне его дружба? Он потрогал недавно врученный ему орден восточных народов первого класса в бронзе с мечами и вызвал следователя. Для работы с Барцевич он специально выбрал Довгого. Одна внешность его пугала. Убегающий назад лоб, над выдающимся вперед подбородком громоздились толстые губы. Все это вызывало отвращение. Он надеялся, что отталкивающая внешность следователя и его грубость сделают свое дело и Барцевич быстрее раскроется. Нужно только правильно выбрать момент, когда включиться в работу. А это значит, что при успехе все лавры достанутся начальнику полиции, а при проигрыше будет кому отвечать.

Дахневский, как многие люди маленького роста, недолюбливал высоких. Это, видимо, понимал Довгий. Он изгибался перед начальником в почтительной позе.

— Готов? — бросил Дахневский вопрос вошедшему следователю.

— Так точно, господин начальник! — пробасил Довгий.

— Она скоро будет тут. О работе докладывай!

— Будет сделано. Можете не сомневаться, господин начальник.

— Но ты, того... Ты смотри, чтоб ни пальцем. Понял?

— Все понял. Будет исполнено! — с готовностью пробасил тот.

В куче шлака местные жители около взорванного чугуннолитейного завода искали неперегоревший кокс, уцелевший еще с дооценного времени. Маша не везло. Перебросала лопаточкой много шлака, но кокса не нашла. Она была настолько сосредоточена на поиске, что не заметила, как появились полицейские и приказали садиться в подошедший крытый грузовик. Горожане безмолвно подчинились. Машина быстро набирала скорость, подпрыгивая на ухабах. Маша больно ударилась головой о что-то металлическое. В глазах замелькали разноцветные круги. Вскоре машина остановилась во дворе уездной полиции. Полицейские встали у заднего борта и криком подгоняли задержанных, чтобы живее вылезали. Машу ввели в комнату следователя. Довгий полагал, что сможет сломить задержанную до участия в допросе начальника полиции. Однако его надежды не оправдались. Барцевич давала отрицательные ответы на все интересовавшие его вопросы. Он начал злиться на Дахневского, запретившего применить к арестованной испытанные им методы следствия.

От него не ускользнуло, что Барцевич едва держится на ногах от нервного напряжения. Он ждал, что задержанная попросит разрешения сесть. Но она молчала, изредка облизывая пересохшие губы.

Следователь прошелся по комнате, заложив руки за спину, и вкрадчивым голосом начал психологическое воздействие.

— Барцевич, я тоже отец. У меня есть дочь. — И долгим взглядом уставился на нее. — Да, да, примерно твоих лет. И она ждет своего папу! Твой папа тоже ждет встречи с тобой. Ты у него одна?

— Да... — еле слышно прошептала растерянная Маша. На ее глаза навернулись слезы.

— Ты любишь папу?

— Очень... — с трудом ответила она.

— А теперь представь такую картину, приходит твой папа домой, а ему скажут, что нет твоей доченьки, нет... А ты можешь увидеть своего папу и сохранить жизнь. Ты хочешь жить?

Она подняла на него удивленные глаза, и он увидел, что она произнесла:

— Да... — еле слышно произнесла.
— Ты можешь сохранить жизнь, но все будет зависеть от тебя.

— Я не совсем понимаю.

— Понимаешь, всё прекрасно понимаешь. Ты же умная девушка.— И заметив, что игра начинает затягиваться, наклонился к ней и сказал: — Ну хорошо, ты не желаешь признаваться, что связана с партизанами. Бог с тобой. Тогда отвечай, кто из биржи труда сообщает тебе о сроках вывоза жителей города в Германию.

Маша сделала большие глаза, давая понять, что не понимает, о чём ей спрашивают.

— Не притворяйся наивной! Отвечай, сколько ты знаешь о бирже.

— У меня нет знакомых на бирже.
— Ты, девка,— забасил следователь, выходя из
бя.— Кончай крутить хвостом! Не доводи до край-
ностей! — его глаза с желтыми белками быстро за-
глати, пальцы свернулись в огромные кулачищи.—
У? Отвечай!

— Мне нечего сказать.

Довгий громко задышал. Маша инстинктивно откинула голову назад, закрыв лицо руками, но тот развел ее руки.

— Смотри в глаза! — его голос прерывался от злости. — Смотри! Не смей отворачиваться и отвечай! — Тут он вновь вспомнил предупреждение Дахневского и отошел от Марии. — Не испытывай терпение. Отвечай на вопросы.

— А я отвечаю...

— Отвечаешь? — перебил он ее. — Ты всё врешь! Даю тебе последнюю возможность. Ответишь честно — разговор будет только между нами. Поняла?

— Поняла. Спрашивайте. Если знаю — скажу.

— Ну хорошо. Ты сказала, что у тебя нет знакомых на бирже труда. Так?

— Так.

— А от кого ты узнала, что Зоренко должны отправить в Германию?

Вопрос застал девушку врасплох. Кто мог сообщить о Зоренко в полицию? Разговор об этом был только с ним. Неужели он сам донес? От этой мысли холод разлился по телу до кончиков пальцев.

— Ну? — настаивал следователь

— Это наговор. Я ему ничего не говорила.

— Ну, голубушка, ты совсем завралась! — даже как будто весело забасил он. — На свою бедную головушку врешь!

— Я не предупреждала его,— настаивала на своем Маша.

— Не предупреждала? Ну что ж, я тебе сейчас докажу, что ты всё врешь!

Он подошел к двери и что-то сказал полицейскому. Потом медленно подошел к своему месту, бросив на ходу:

— Еще есть время, лучше признавайся сама! Девушка потупила глаза. Неужели Толя? Она не могла в это поверить. Вспомнила, какой он был тихий и всегда приветливый в школе. Ее мысли оборвал стук в дверь.

— Входи! — буркнул следователь.

Зоренко был опрятно одет. Приветливая улыбка не сходила с его лица.

Следователь пристально наблюдал за Барцевич и отметил, что уголки ее губ вздрогнули.

— Зоренко, знаешь ее?

— Да, знаю,— с готовностью ответил тот.— Это Маша Барцевич, моя соседка. С ней мы учились в одной школе.

— А ты знаешь его? — явственно поинтересовался Довгий.

— Да.

— Вот то-то и оно! Расскажи, Зоренко, о чем тебя она предупреждала.

— Предупредила, что меня должны отправить в Германию, и советовала уйти из города,— спокойно ответил он.

Маша метнула в него взгляд. А он сидел спокойно и с его губ не сходила улыбка.

— Что ты теперь скажешь? — спросил Довгий, обращаясь к Маше.

— Ничего я ему не говорила.

Девушка поняла — она в ловушке. И ей стало обидно, что она, ни с кем не советуясь, предупредила Зоренко. Но она твердо решила стоять на своем. А Зоренко после ее ответа перевел взгляд со следователя на Машу и заговорил:

— Стыдно, Маша, обманывать старших. И зачем тебе ставить меня в положение лжеца? — но, уловив во взгляде девушки презрение, отвернулся.— Господин начальник, я говорю чистую правду и не понимаю, почему она не желает подтвердить.

— Ничего, молодой человек, она потом всё подтвердит! — с угрозой пробасил следователь.— Что ты ему ответишь? — обратился к Маше.

— Ничего другого, что сказала ранее,— твердо ответила девушка.

— Маша! — воскликнул Зоренко.— Как же так! Зачем ты скрываешь? Ведь ты мне хуже делаешь!

— Я ничего плохого тебе не делаю.

— Думаешь, мне не поверят?

— Мы верим тебе, Зоренко,— заверил следователь.— Я доложу начальнику полиции, как ты вел себя. Уверен, теперь тебя признают добровольцем.

— Каким добровольцем? — вырвалось у Маши.

— Буду зарегистрирован на бирже труда, что я добровольно уехал в Германию! — с гордостью ответил тот.

И это его она пыталась спасти! — ужаснулась девушка.

Когда за Зоренко закрылась дверь, следователь выжидательно посмотрел на арестованную.

— Ну, что? Теперь будешь говорить? Или тебе еще нужны какие-то доказательства? — брови следователя сошлись у переносицы, лицо побагровело, а большие мокрые губы неестественно блестели.

Маша продолжала молчать.

— Молчишь, значит ты согласна с показаниями Зоренко.

— Что бы я вам ни ответила, вы все равно не мне поверите, а ему,— тихо произнесла Маша.

— Ты брось, свирепстялка! — Довгий задохнулся от злости.— Смотри мне в глаза и отвечай: знаешь Николая Ивницкого?

Маша вздрогнула.

— Знаю. Вместе учились в школе.

— Где он сейчас?

— Говорили, эвакуировался...

— Эвакуировался! — передразнил ее следователь.— Ты, девка, кончай играть! А то я вышибу из тебя правду!

— Я говорю то, что слышала от других.

— Ах ты мерзавка! Она, видите ли, не знает, что Ивницкий никуда не эвакуировался, а тут, в лесах, в банде!

— Где? — не поняла Маша.

— В банде! Чего делаешь удивленные глаза?
В партизанах, как у вас говорят!

— Я этого не знала.

Ее ответ еще больше обозлил Довгого. Глаза его сузились. На широких скулах появились бледные пятна. Он так сжал пальцы, что хрустнули суставы. Но в этот момент вошел Дахневский и, глядя на следователя, понял, что тот ничего не добился.

— Ну что?

— Не хочет говорить правду.

— А Зоренко?

— Подтвердил, а она отрицает.

— Глупо, дорогая,— сдерживая себя, заговорил начальник полиции.— Глупо! Мы знаем больше, чем ты думаешь! Послушай моего совета — в твоих интересах все рассказать. Ты еще не представляешь, что будет с тобой, если будешь молчать! Мне жаль такую молодую паниянку! — ему казалось, что он говорит убедительно. Даже устал от таких приличных речей. Обычно его обороты и словечки далеко не всякая мужская компания могла выдержать.— Не будем торопить. Мы даем время. Думай, а завтра скажешь, — он многозначительно посмотрел на следователя. И так же неожиданно вышел, как и вошел.

Довгий подошел к Маше и повернул ее лицом к столу. Рывком сорвал kleenку, и девушка увидела щипцы, кусачки и еще какие-то металлические предметы. Только сейчас она заметила, что за столом стояло кресло и бормашинка.

— Будешь молчать, — в прищуренных глазах следователя забегали чертики, — испробуешь кое-что из этого арсенала. А чтобы ты знала, чем я располагаю, расскажу. Мы не лечим зубы! — он раскатисто заходил, довольно потирая руки.— Мы сверлим здоровые зубы. А когда сверло дойдет до нерва, вот тогда начинается картина! — и со смехом продолжил:

А вот красивый обруч. Но я так сдавлю им твою глупую головку, что по всей комнате пойдет треск! А этот инструмент, чтобы медленно срывать ноготки с твоих пальчиков. Но им можно легко поломать и твои косточки! О, у меня есть еще кое-что! Так что советую хорошо подумать до завтра.

В комнате зависла зловещая тишина. Устремив взгляд в пол, Маша дышала тихо, словно преднамеренно сдерживала дыхание. За окном фыркнула автомашина, напомнив, что там, за окном, жизнь идет своим чередом.

— Ты все поняла?

— Да... — еле слышно произнесла девушка.

— Запомни, после того, как я применю это, — он кивнул в сторону инструментов, — ты уже отсюда живой не выйдешь. Поняла?

Ивницкий ушел в город на встречу с партизанским разведчиком Светличным. А Пилипенко с Черченко в этот день пришли в Долину.

Увидев Андрея Афанасьевича, Варя вымолвила:

— Вася пропал.

— Через несколько дней после встречи с вами Вася сказал, что его вызывают в город, — продолжала она, глубоко вздохнув. — Но я к этому отнеслась спокойно. Его уже два раза вызывали в уездную полицию и он возвращался. И на этот раз вернулся скоро. Он по натуре неразговорчивый, а в этот раз был особенно молчалив и задумчив. И я, глупая, подумала, что нет у него желания рассказывать, и не стала настаивать. А на следующий день Вася пришел и сказал, что вновь уезжает в город. Но как он это сказал... И с тех пор ни звука. Где он? Что с ним?

Волнение девушки передалось Пилипенко, но он ничем этого не выдал, только, больше обычного заикаясь, спросил:

— Вспомните, Василий передал что-либо для меня?

— Да, да, сказал... Дайте вспомнить... — От напряжения на ее лице выступили красные пятна. Да, просил сказать вам, что все идет так, как договорились. И просил передать: «Утренняя звезда — Венера».

Услыхав фразу-пароль, Пилипенко облегченно вздохнул.

— Все хорошо, Варя. Даже лучше, чем мы предполагали.

— Спасибо, Андрей Афанасьевич. А я, дуреха, совсем голову потеряла.

— Ну, ну, Варя, все хорошо, — он легко пожал ее руку. — У меня к вам просьба. Если вам что-то станет известно о Васе, передайте моему тезке, — и он кивнул в сторону Черченко, — или Николаю. В общем, кто из них придет.

— Непременно.

— Что у вас нового?

— Ничего особенного. По селу разговор шел, что партизаны в Пискуновке полицаев побили. Правда это?

— Точно, — ответил Андрей.

— А что люди говорят об этом?

— Давно бы надо полицаям страха нагнать! Степченко ходит сминый, ни на кого не рявкает!

— А еще что нового?

— Выполнила просьбу Коли... — И она покосилась на Андрея. — Недавно приходила на менку Ольга. Оставалась ночевать.

При упоминании Ольги лицо Андрея стало напряженным.

Варя передала Пилипенко рассказ Ольги о ее работе в театре, об участии в музыкальном вечере и о

том, что заместитель бургомистра города втягивает ее в какую-то организацию НТС.

Слушая Варю, Андрей хмурился. Ему не хотелось верить, что его Ольга могла стать пособником оккупантов.

Пилипенко, посмотрев на хмурое лицо партизана, понял, что творится в его душе, и сказал:

— Не торопись, тезка, осуждать Ольгу. Нужно разобраться.

Андрей опустил голову, почувствовав правду в словах чекиста. Да, он по-прежнему любит Ольгу. Конечно, нужно разобраться, понять ее. Но для этого необходимо встретиться. А как это сделать?

Пилипенко, обратившись к Варе, произнес:

— Об Андрее Ольге ничего пока не нужно говорить. А там посмотрим, — в раздумье закончил он.

Светличный вышел во двор. Посмотрел на улицу. Ничего подозрительного. После этого Ивницкий покинул его дом. Он не спеша пошел к центру, не заметив за собой никакого хвоста.

Вскоре к нему подошли два полицейских и женщина в клетчатом платке. Николай приостановился, всмотрелся в ее лицо и узнал Агнессу. Глаза ее были прищурены, а губы — в ехидной улыбке. Она резко вскинула руку в его сторону и выкрикнула:

— Хватайте партизана!

Николай быстро осмотрелся, ища взглядом, в каком направлении еще можно бежать. Но тут к нему подскочил полицай и заломил руку за спину с такой силой, что в плечевом суставе хрустнуло. По телу молниеносно разбежалась остшая боль.

— Не пытайся бежать! — и тоном приказа он сказал второму полицейскому: — Обыщи!

Не найдя оружия, тот прекратил обыск. Николая повели в полицию.

Петров несколько раз встречался с Шумским, но никакого сбоя в повторенных им рассказах не уловил. Во время этих встреч обер-лейтенант не заинсценивал, не стремился ускорить события. Все, о чем договаривались, выполнял в срок и добросовестно. Хотя по-прежнему нельзя было, конечно, исключить, что он специально подготовлен немецкой разведкой. Ход размышлений наталкивал на мысль, что если это так, то замысел противника по отношению к нему серьезный.

Этими мыслями Николай Антонович поделился с Кузьменко. Затем подготовил докладную записку в Центр и отдел контрразведки фронта с выводами и предложениями, в ней он указал, что Шумский ведет себя строго в рамках, диктуемых особым отделом, раскрыл условия связи с немецкой разведкой. Вскоре пришел ответ, санкционировавший проведение мероприятий с участием бывшего абверовца, намеченных особым отделом.

Рязанов организовал скрытое наблюдение за вокзалом в обусловленные абвером дни и часы, так как не исключали, что Коршун мог получить указание «Ориона» выйти на связь с Шумским. Наблюдением было установлено, что в последний четверг на вокзале появился Востриков. Он беззаботно прогуливался по вокзалу, вступал в разговоры с красноармейцами. Искал земляков. Не случайность ли это? А если он и есть Коршун? Решили усилить за ним наблюдение.

Подозрения, возникшие в отношении Вострикова дали основание Петрову принять решение о необходимости встречи Шумского с Коршуном.

Выслушав Николая Антоновича, обер-лейтенант внешне остался спокойным, но легкий румянец свидетельствовал о его внутреннем волнении.

— Я уверен, что и в дальнейшем вы неизменно будете убеждаться в правдивости моих показаний,— корректно подчеркнул он.

В четверг в условленное время Шумский вошел в здание вокзала, прошелся по залу и на выходе столкнулся с появившимся там Востриковым. Они перебросились парой фраз. Шумский ушел, а молодой лейтенант, поговорив с несколькими красноармейцами, направился на квартиру Хвостиковой и там остался.

Вскоре Шумский пришел к Петрову с докладом. Он обстоятельно обрисовал картину ожидания Коршуна и встречу с ним.

— Рокито и Фурман опрометчиво поступили, направив такого...— брезгливо поморщившись, он не договорил.

Не отреагировав на замечание Шумского, Петров понтересовался:

— Где и когда вы должны встретиться с Коршуном?

— Сегодня вечером,— и назвал адрес, куда должен прийти.

Это же адрес Хвостиковой, подумал Петров, вспомнив доклад Рязанова.

— Я должен у Коршуна подготовить и передать радиограмму в «Орион» о том, что с ним встретился и что он, согласно плану, переходит на ту сторону с докладом.

На следующий день из особого отдела дивизии сообщили, что на их участке фронта Коршун перешел на сторону противника.

Шли дни, а из «Ориона» и абверштабе танковой армии никаких указаний не поступало.

Фурман, заикаясь, сообщил Рокито и Ноймарку, что генерал фон Клейст потребовал немедленно

добыть «языка», который бы располагал достоверными данными о замыслах командования Красной Армии. Его тревога была вызвана назначением генерала Малиновского командующим Южного фронта. Произошла смена армий: шестую заменили на участке намечаемого вермахтом прорыва девятой, командующим которой является уже известный Клейсту генерал Харитонов. Это вызвало особое беспокойство командующего танковой армии. Фурман пытался обнадежить Клейста удачным началом операции «Скорпион». Но командующий заявил, что его мало интересуют далекие перспективы. Ему необходимы разведданные о замысле противника сегодня, сейчас!

— Командующий сказал, что если русские вновь повторят Ростов, ни ему, ни мне не сносить головы! — закончил Фурман свое сообщение.

— Его можно понять, — вступил в разговор Ноймарк. — И я согласен с генералом в оценке операции «Скорпион». Вы, господа, затеяли игру, рассчитанную на годы.

— Действительно, операция рассчитана на длительный срок, — подтвердил Рокито. — Это объясняется тем, что Скорпион — кадровый разведчик, а не скопроселый шпионишко, подобно тем, которых мы готовим в школе Петцольца. Скорпион — разведчик с большой фантазией и настоящим зарядом ненависти к большевикам. С его помощью мы можем рассчитывать на получение нужной нам информации.

— Помимо напомнить вам слова фюрера. Он сказал, что летом будущего года война с Россией будет закончена, — тон штандартенфюрера был категоричен. — Есть ли смысл затевать длительную игру с русскими? Генерал фон Клейст исходит в своем требовании из последнего указания фюрера. И я рекомендую вам подумать об изменении задания Скорпиону.

— Но разменивать Скорпиона на разовое задание — непростительная роскошь!

— Вы полагаете, он будет вам благодарен за то, что вы откроете ему какие-то перспективы после окончания войны? — штандартенфюрер рассмеялся коротким и вызывающим смешком.

В этом смехе Рокито уловил что-то оскорбительное для себя. Но тут одутловатое лицо шефа СД приняло надменное выражение. Сжав рот и выпятив губу, он сказал:

— Человек по своей природе не может быть благодарен. Не стоит переоценивать Скорпиона. Нужно рисковать без сожаления, без жалости.

Рокито размышлял: неужели штандартенфюрер действительно верит, что война закончится летом будущего года? А впрочем, чего можно ожидать от бывшего бакалейщика, весь жизненный интерес которого ограничивался умением торговать и торговаться? А как же теперь быть с предупреждением Енке? Однако он тут же оценил сложившуюся ситуацию. Если он будет настаивать на продолжении длительной игры со Скорпионом, его могут обвинить в непонимании, а возможно и в игнорировании требований фюрера. Стараясь скрыть раздражение, вызванное Ноймарком, он сказал:

— Вы правы, штандартенфюрер, — в его глазах появилась хитринка. — Со Скорпионом был отработан ряд вариантов заданий. В том числе быстротечное решение какой-то конкретной задачи. Договорились, что при необходимости он получит дополнительные инструкции.

Прекрасно воспитан и как умеет скрывать свои истинные чувства, с восхищением подумал Фурман о Роките. Он внимательно следил за ходом беседы шефов «Ориона» и Управления СД, однако не мог понять, в каком направлении она развивается,

С чувством превосходства Ноймарк произнес, обращаясь к Фурману:

— У меня есть конкретное предложение.— Он выжидательно замолчал, затем, чеканя слова, сказал: — Но при условии, что вы согласитесь выполнить мои требования.

— Если, штандартенфюрер... — нерешительно начал Фурман.

— Никаких если! Я должен знать, вы принимаете мои требования?

Рокито покоробил не только тон, но и нежелание гестаповца сдерживать себя, хотя бы в присутствии старшего офицера абвера. Поэтому он, прежде чем дать ответ, попросил Ноймарка в общих чертах изложить его предложение.

— Это не мое предложение. Но в данной ситуации по аналогии можно провести операцию подобно той, которую осуществил бригадефюрер Шелленберг... Я восхищен смелостью операции, которую бригадефюрер провел в сентябре тридцать девятого года по захвату на границе с Голландией и фатерляндом английских разведчиков Беста и Стивенса. Расчет был правильный. Контрразведчики в интересующие нас вопросы посвящены больше, чем некоторые штабные офицеры.— Ноймарк вышел наконец из своего холодного спокойствия и с вдохновением сказал: — Господа, я предлагаю с помощью Скорпиона провести операцию... назовем ее условно «Черная стрела»... по захвату крупного советского контрразведчика! — Ноймарк выжидательно замолчал.

Рокито сознавал, что штандартенфюрер перебрасывал мостик взаимопонимания, хоть и шаткий, и пытался сгладить свою недавнюю резкость. Он сознавал, что за него нужно ухватиться для достижения пусть и рядового успеха. Поэтому он видел сейчас лишь один выход — принять предложение Ноймарка.

— Вы великодушны, — сказал он.— Поверьте, ваше дружеское расположение к нам удваивает, нет, утраивает цену вашего предложения. Прекрасная мысль!

— Вы мне льстите, — ответил гестаповец, сохраняя едва уловимый иронический тон.

— Штандартенфюрер, верьте в мою искренность.— И тут же поинтересовался: — Однако не считете ли вы возможным объяснить, как намереваетесь с помощью Скорпиона осуществить операцию «Черная стрела»?

— Господа, все это обсудим позже. А сейчас подумаем, как довести до сведения Скорпиона ту часть операции, которую мы возложим на него.

— Он знает, что при необходимости к нему будет направлен связник, — ответил Фурман.

Ноймарк кивнул головой и сказал:

— Итак, господа, если вы принимаете операцию «Черная стрела», то я настаиваю, чтобы ее завершающий этап возглавил офицер службы безопасности.— Не встретив возражений, удовлетворенно продолжил: — Ради общего успеха любой офицер службы безопасности готов пойти на разумный риск. Но мы должны убедиться, что Скорпиона не подменили. По моему мнению нужно послать к нему не только связника, — и обращаясь к Рокито, поинтересовался: — Не найдется ли у гауптмана Петцгольца человека, который мог бы проконтролировать действия связника на той стороне и по портрету подтвердить, что мы действительно имеем дело со Скорпионом?

— Несомненно, найдется.

— Превосходно! Связник, конечно, не должен знать, что мы направим туда еще одного человека. Они будут действовать независимо друг от друга. Мы из двух источников получим данные, с кем в действительности имеем дело.

Крайне чувствительный к успеху, Рокито не мог допустить, чтобы инициативу полностью перехватил Ноймарк.

— Несомненно, захватить контрразведчика весьма заманчиво.— Он интригующе посмотрел на Ноймарка и Фурмана.— У меня появилась идея. Мы проведем параллельно еще одну операцию. Ее суть...

13

Оператор из группы радиоконтрразведки доложил Петрову, что перехвачена радиограмма противника. С помощью переданного Шумским дубликата кода она была быстро расшифрована. И Петров подумал, сколько потребовалось бы труда и времени, чтобы самим расшифровать текст радиограммы. Начал читать. Абвер давал указание обер-лейтенанту быть в первую пятницу в семнадцать часов на вокзале. К нему направляется связник. Указывались его приметы.

Связник! Это было неожиданностью для Петрова. По показаниям Шумского, связник — крайняя мера со стороны разведки противника. Значит, гитлеровцев что-то толкает ускорить события. Чем же это вызвано? В «Орионе» и абверштабе должны знать, что Шумского советские контрразведчики проверяют. Несомненно и то, что его встреча со связником не останется незамеченной. Что же тогда скрывается за этой авантюрой?

Петров встретился с Шумским, и тот протянул листок, на котором был текст расшифрованной телеграммы абвера.

— Ничего не понимаю! Зачем связник? — растерянно произнес Шумский и, устало опустившись на стул, потер руками колени.

— И все же, как вы полагаете — зачем? — как можно спокойнее спросил Николай Антонович.

— Ей-богу, не знаю! — ответил тот взволнованно.

— Может быть, вам не верят?

— Не думаю,— в его ответе сквозило раздражение.— У них нет оснований не верить мне! — запальчиво воскликнул он, как будто ему было нанесено смертельное оскорбление, но тут же взял себя в руки.— Я могу высказать лишь предположение: они не поверили Коршуну.

— Возможно,— согласился Николай Антонович.— Однако посыпать к вам связника сейчас просто неразумно. Там знают, что ваша встреча с ним не пройдет незамеченной. Таким образом, они явно идут на ваш провал!

— Или затеяли что-то такое, чего мы с вами пока не можем предугадать,— сдержанно продолжал он мысль Петрова.

— И это не исключено. Но тем не менее — мало логики в действиях абвера. Какая необходимость в связнике, когда в вашем распоряжении рация?

— Сам теряюсь в догадках,— голос Шумского осекся, в глазах появились гневные огоньки.— Вы правы, они идут на мой провал,— с усилием выговорил он.

Рязанов пришел в зал ожидания и присел на подоконник. Он должен был выяснить, не придет ли кто со связником и, если придет, вести за ним наблюдение. Он осмотрелся. Неподалеку сидел раненый в руку капитан. Вблизи от него расположилась группа красноармейцев. Они окружили рыженького бойца, который рассказывал что-то веселое. Вскоре появился еще один боец. Он был ранен в ногу, сапог разрезан и голенище поверх стянуто бинтом. Расположился он по-домашнему: снял шинель, расстелил ее, удобно уселся, положив ногу на деревянную скамью. Его небритые щеки ввалились, губы были плотно сжаты.

По перрону прошел Шумский в комсоставской шинели без петлиц и знаков различия. Иван Федорович скосил глаза в зал. Капитан дремал. Рыжий красноармеец продолжал рассказывать. Раненный в ногу боец достал из сумки сухарь и сосредоточенно его грыз.

Уже считанные минуты остались до встречи, но никто не привлекал к себе внимания Рязанова. Он вновь посмотрел в окно. Рядом с Шумским стоял высокий парень. Ватная телогрейка перетянута ремнем, а брюки заправлены в лоношенные кирзовые сапоги. В левой руке он держал небольшой узелок из белой материи с голубыми горошинами. Правое ухо шапки-ушанки опущено, другое — приподнято. По приметам — связник.

Быстротечность развивающихся событий внесла свои изменения в утвержденный план операции. Инициатива сейчас была на стороне противника.

Николай Антонович откинулся на спинку стула. Как поступить в сложившейся ситуации? Проще всего взять связника и через него попытаться найти ответы на возникшие вопросы. Однако он понимал, что допускать поспешность нельзя. Следует подождать Шумского. Долгожданный звонок телефона резко прозвучал в тишине кабинета.

— Всё в порядке, — услышал он спокойный голос Шумского.

— Жду вас.

Шумский сказал, что Фурман передает привет, поздравляет с успешным началом операции, им, Шумским, довольны в арбверштеле. Посланец «Ориона» предупредил, что теперь он будет постоянным связником, если, конечно, с ним ничего не случится при переходе линии фронта. Сегодня же он должен вернуться назад и доложить о встрече на вокзале.

— И всё?

— Всё.

— Странно, — в раздумье произнес Петров.

— Очень странно. И все же я почему-то уверен, что направлением ко мне связника я обязан Коршуну.

— Может быть... Может быть.

Оставшись один, Николай Антонович задумался. Очень странно ведут себя в «Орионе» и арбверштеле танковой армии. Но почему долго молчат Рязанов и Сизов?

В кабинет вошел Кузьменко и вопросительно посмотрел на начальника.

— Пока ничего, — сказал Петров. — Молчат.

Состояние начальника было понятно Кузьменко, он сел в ожидании новостей. Время тянулось томительно медленно. Наконец раздался звонок.

— Сизов? Откуда звонишь?

— Мы с подопечным у Горелова, — последовал ответ Сизова. — Он ищет Пилипенко.

— Что, что? Повтори! — воскликнул Петров.

— Ищет Пилипенко.

Ничего себе! — промелькнуло в голове Николая Антоновича.

— Я выезжаю к вам.

Около землянки, которую занимал особый отдел дивизии, его ждал Сизов. Он доложил, что связник, отойдя от вокзала, начал оглядываться. Потом подошел к одному красноармейцу и что-то спросил. Но тот, видимо, не смог ответить на его вопрос.

— Только он отошел от бойца, я к тому. Представилася, а он и говорит, что парень ищет особый отдел. Подумал, что делать? Вам звонить, посоветоваться? Неоткуда, да и его потерять боюсь. Смотрю, а он уже к другому бойцу направился. Тут я и решился. Подошел и спрашивала, кого он ищет. А он говорит,

нужно в особый отдел. Вот я и привел его к Василию Александровичу.

Петров посмотрел на Горелова.

— Дальше разрешите мне,— попросил Горелов.— Парень сказал, что он с той стороны. Выполняет задание Пилипенко, ему надо срочно связаться с ним. Назвался Сорокой.

В землянке тускло горел каганец. На скамейке сидел Сорока, закрыв глаза. Казалось, он спал. Сизов громко кашлянул, связник медленно поднялся.

— Мне передали, что вы хотели видеть товарища Пилипенко,— обратился к нему Петров.

— Да, Андрея Афанасьевича Пилипенко.

Николай Антонович хотел убедиться, что связником действительно является Сорока.

— Объясните, зачем он вам и кто вы?

— Я могу говорить об этом только с Андреем Афанасьевичем,— упрямо ответил тот.

— Перед вами начальник товарища Пилипенко,— сказал Сизов и тут же добавил: — Андрей Афанасьевич ранен. Он в госпитале.

Услыхав неприятное известие, Сорока как-то весь сник. Ведь если Пилипенко нет, кто докажет, что он действует по его заданию. Его состояние понял Николай Антонович и поспешил успокоить:

— Надеемся, что Андрей Афанасьевич скоро вернется. Но вы еще не ответили на мой вопрос.

Сорока рассказал, при каких обстоятельствах познакомился с Пилипенко. По его рекомендации дал согласие поступить в разведывательную школу «Орион». Этому предшествовал вызов к начальнику уездной полиции Дахневскому. Там с ним долго беседовал немецкий офицер. Потом Сороку направили в школу абвера. Недавно его вызвали прямо с занятий к начальнику школы гауптману Петцольцу. Там был сам руководитель разведоргана «Орион» полковник

Рокито. Он сказал, что намерен дать ему ответственное задание.

Дальнейшей подготовкой Сороки занялся зондерфюрер Линдермут. В его задание входило: перейти линию фронта, в назначенный час на вокзале встретиться с немецким разведчиком и передать ему привет от майора Фурмана. Сообщить, что им довольны и что теперь он, Сорока, будет его постоянным связанным. После этого рассказал о встрече на вокзале, описал внешность немецкого разведчика.

— Я не смог связаться с вами до встречи с разведчиком. Был ограничен во времени,— сказал он.— На рассвете я перешел в подготовленное разведкой окно линию фронта и сегодня же должен вернуться.

— Василий... Простите, запамятаю отчество.

— Сидорович,— ответил Сорока, покраснев.

— Василий Сидорович...— начал Петров.

— Товарищ Пилипенко звал меня просто Василем.

Николай Антонович улыбнулся. Кивнул головой и спросил:

— Что вам рассказали о человеке, с которым вы встретились?

— Зондерфюрер говорил, что он верный человек. Но кто он — я не знаю. Там не положено об этом спрашивать. Линдермут предупредил, что этот человек сам меня узнает по приметам, назовет пароль. Я должен был сказать ответный и лишь после этого передать то, о чем рассказал вам. От меня потребовали, чтобы я внимательно рассмотрел его и по возвращении подробно описал внешность.

Проверяют, не подменили ли Шумского, подумал Петров.

— Вас одного направили? — спросил он.

— Да.

— Не заметили, что кто-то за вами следил?

— Нет.

— Вам объясняли, как вести себя, если попадете в контрразведку?

— Этому вопросу Линдермут уделил много времени. Он наставлял, что если меня задержат при переходе линии фронта или при встрече на вокзале, я должен категорически отрицать, что связан с немецкой разведкой, что я, якобы, боясь отправки в Германию, бежал к вам. В подтверждение должен предъявить справку биржи труда.— И он протянул справку начальнику отдела.— Линдермут полагает, что это достаточно убедительный для вас документ. Он инструктировал, что если я попаду к вам — добиваться, чтобы вы направили меня в ближайший военкомат. Мол, хочу быть фашистов. В военкомате проситься сразу же на передовую. А там махнуть через линию фронта и вернуться в школу.

— А если вы сегодня не перейдете линию фронта, что тогда? — Петров заглянул в доверчивые глаза Сороки.

— О возвращении в срок особо предупреждали. Не верят тем, кто опаздывает. Линдермут прямо сказал, что, мол, смотри, не опоздай, иначе окно закроем.

— Постановочка вопроса! — воскликнул Горелов и присвистнул.

Зазуммерил полевой телефон. Горелов снял трубку.

— Да, здесь,— и протянул трубку Петрову.— Вас Рязанов.

Николай Антонович услышал взволнованный голос Ивана Федоровича.

— Мне нужно срочно вас видеть!

— Что случилось?

— По телефону не могу. Я недалеко. Буду через несколько минут.

— Жду.

Сизов вопросительно смотрел на начальника отдела, но тот только пожал плечами и обратился к Василию:

— С вами кого-либо готовили к переброске?

— Нет. Но я знаю, что готовят.— Он подумал и уточнил: — Троих я знаю, но за несколько дней до моей переброски в школе я их не видел.

Он описал их внешность. Особое внимание обратил на курсанта по кличке Свист, бывшего рецидивиста, о котором говорили, что он вор в законе.

— Внешне неприметный, рыжий, волосы густые. Незадолго до того, как его не стало в школе, шевелюру постриг. На левом виске небольшой шрам. У немцев пользуется особым доверием. Добровольно согласился участвовать в расстреле одного из курсантов, тот намеревался после переброски перейти к вам с повинной.

Сорока помрачнел. Петров почувствовал, что он о чем-то умалчивает. Но вот Василий вскинул голову и сказал:

— Линдермут и меня включил в группу, которая должна была привести приговор в исполнение,— выдавил он из себя.— Я не знал, что мне делать. Согласиться? Бежать? — и сам себе отвечая, продолжил: — И стал я рассуждать. Убегу — не выполню задания. А останусь? Значит, сам себя определяю в предатели! И все же хорошо, что не поторопился. Утром пришел зондерфюрер. Веселый, шутит и говорит: Кузя...— Он запнулся и поторопился объяснить: — Такую кличку они мне дали. Так вот, Линдермут говорит, что Петцгольц приказал мне только присутствовать на казни. С улыбкой объяснил, что мол, в полиции мне дали блестящую аттестацию. Дахневский даже наплел, что я принимал участие в каких-то карательных операциях. Но Андрей Афанасьевич знает, что ни в каких акциях я не участвовал.

А Дахневский и Стеценко хотят выслужиться перед фашистами, приписывают то, чего не было и нет...

— Что ж, фашисты решили, что вы и так достаточно замараны перед советской властью.

— Вероятно, так.

В это время в землянку буквально ворвался Рязанов. Заметив Сороку, осталбенел. Петров, а за ним и другие, глядя на Рязанова, засмеялись.

Иван Федорович никак не мог прийти в себя. Он попытался улыбнуться, но улыбка получилась натянутой, неестественной.

— Что у вас? — спросил Петров у Рязанова. — Можете говорить.

— Теперь я знаю, что поступил правильно! — воскликнул Рязанов. Тут такое! — но увидев, что брови Петрова нахмурились, послешил перейти от эмоций к делу. — Как только они разошлись, — он кивнул в сторону Сороки, — один боец быстро собрался и вышел из зала. Я за ним. Смотрю, идет он, прихрамывает. Ни на кого не обращает внимания, не оглядывается. Я уже хотел повернуть назад. Но... Он сделал интригующую паузу. — Вижу, а он ускорил шаг и вроде хромать стал меньше. Я за ним. А он, оказывается, за связником, извиняясь, за Василием. Василий, вижу, топает, и чем дальше, тем скорее. А боец за ним, не отстает. И совсем перестал хромать. Это мне показалось подозрительным. И подумал: уж не контрнаблюдение ли?

— А где он сейчас?

— Тут, недалеко.

— Вы можете обрисовать его внешность? — забеспокоился Сорока.

Иван Федорович исполнил его просьбу. Василий не сомневался — за ним следил Свист. Как могло случиться, что он его не увидел? Что же теперь делать?

— Догадываетесь, о ком идет речь? — спросил Петров.

— Похож на Свиста...

— Дела-а-а! — протянул Горелов.

Петров резко обернулся к Рязанову.

— Доставь этого типа сюда! Лично отвечаешь за него!

Николай Антонович предложил Сороке спрятаться за отделявшей угол землянки плащ-палаткой. Если он опознает Свиста или какого-то другого курсанта школы, пусть об этом тихо скажет Сизову.

Вскоре Рязанов привел бойца. Василий вздрогнул, увидев через дырочку в палатке вошедшего, и еле слышно сказал: он! Но от этого шепота Свист дернулся головой, рука отработанным движением нырнула под полу шинели. Рязанов и Сизов схватили его руки и заломили за спину.

— Спокойно, Свист! Игра окончена, — удерживая его, сказал Иван Федорович.

Свиста под охраной отправили в отдел. Он оказался не таким уж твердым орешком. Когда до его сознания дошло, что игра окончена и за службу у фашистов придется отвечать жизнью, спесь с него слетела. Он никого не щадил, старался показать себя раскаявшимся и заблудшим. Отвечая на вопрос, почему холуйски служил фашистам, объяснил, что не заметил крапленых карт, даже масти не различал, что обозначало — запутался. Свою связность в начале допроса оправдывал тем, что «нервы бренчали», а теперь, мол, понял, что с немцами у него «случился перебор, прикупил лишнего». Но контрразведчиков в данном случае меньше всего интересовала его психология. Нужно было в первую очередь узнать задание, полученное им в авбвере. Если верить Свисту, ему поручили следить за Сорокой, запомнить и доложить, с кем он будет встречаться.

Получив эти сведения, Николай Антонович утвердился в мнении, что абвер не полностью доверяет Коршуну, поэтому решил убедиться, что дело имеет действительно с Шумским. Но как поступить с Василием? Разрешить вернуться в «Орион»? Риск несомненный. И он, не скрывая опасений, поделился своими мыслями с Сорокой.

— Простите, я вам там нужен?

— Несомненно,— ответил Петров.

— Выбора нет. Я должен вернуться. И уверен, Андрей Афанасьевич согласился бы со мной.— Немного подумав, он твердо сказал: — Мне нужно, необходимо искупить свою вину перед Родиной и оправдать любовь Вари. Иначе счастья у нас не будет... Поверьте, сделаю все возможное. А если вдруг что — они от меня не услышат ни слова.

14

По приказу шефа городской СД Дахневский передал Ивницкого внешней комендатуре секретной полевой полиции.

Следователь в общевойсковой форме с погонами фельдфебеля смотрел на Николая сонными глазами. Над его губами, точно два мышиных хвостика, неуменно прилепились усыки. Из-под ворота мундира вытянулась длинная, худая, с большим кадыком шея. Словно очнувшись от дремы, он широко открыл глаза и из его рта гортанно выплеснулось:

— Давай, парень, выкладывай все начистоту.

Фраза прозвучала на сносном русском языке. Увидев удивление в глазах арестованного, он язвительно улыбнулся и хвастиливо сказал:

— Не удивляйся. Я давно готовился к встрече с русскими. Изучал не только вашу страну, но и язык. А теперь, парень, отвечай: ты партизан?

Отрицать это Николай посчитал бессмысленным. Дахневский, ссылаясь на предсмертное заявление Перепелицы, утверждал в рапорте, что арестованный — партизан. Говорил об этом и найденный у него при обыске план немецкого военного склада, составленный Светличным. И он решил сразу же отбить у жандарма желание склонить его к мысли, что свободу можно получить предательством.

— Да, я — партизан.

— Комсомолец?

— Комсомолец.

У фельдфебеля, получившего такие ответы, зародилась надежда, что юноша, попав в безвыходное положение, будет цепляться за любую возможность сохранить жизнь. И он заспешил с вопросами:

— Где базируется отряд? Кто командир?

Николай, нахмурив брови, твердо бросил:

— На эти вопросы отвечать не буду.

Ехидная ухмылка искривила губы жандарма, отчего один усик опустился, а другой приподнялся. Он подошел к арестованному, сжимая в руке плетку.

— Жаль, парень,— и с оттяжкой опустил плеть на спину Николая. Нанес ему несколько ударов по лицу. Под глазом расплылась багровая полоса, а в уголках губ показалась струйка крови.

Не выдержав истязания, Николай потерял сознание. Пришел в себя в камере. Ныло избитое тело. Неловкое движение вызывало острую боль в голове. Невыносимо болела поясница. Он попытался приподнять голову, но от боли застонал и вновь потерял сознание.

Фельдполицайсекретарь внешней комендатуры города был недоволен работой следователя Нагеля. Предупредил, что, если он и дальше будет так работать, для него останется один путь — на передовую.

Фельдфебель выходил из себя. Уже несколько дней безрезультатно возится с партизаном. И решил изменить тактику работы с ним.

Он сделал вид, что не обратил внимания на вошедшего Ивницкого, углубившись в чтение лежавшей перед ним бумаги. Изредка ухмылялся и покачивал головой. Наконец поднял глаза на арестованного, держнув усиками-хвостиками.

Взгляд Николая был безразличен. Разбитые губы распухли, на лице засохли кровавые раны. Он едва держался на ногах и, если бы не оперся о стену, упал.

Следователь неторопливым движением достал из пачки сигарету. Закурил. Щурясь, смотрел сквозь дым на партизана.

— Будешь и сегодня молчать? — не получив ответа, хмыкнул: — Ну, ну... Садись. Как у вас говорят: в ногах правды нет. — И, довольный собой, сказал: — Смотри на тебя, хороший ты парень. С характером.

Он замолчал, словно собираясь с мыслями. Потом заговорил:

— Зря запираешься. Вот тут, — он ткнул пальцем в бумагу, — ответ на все вопросы, на которые ты не желаешь отвечать. Нам все известно. Можешь молчать. Но мне тебя жаль.

Он встал, заложил руки за спину. На негнущихся ногах, вскинув голову, начал ходить по комнате из угла в угол. На его длинной шее резко выделялся кадык.

Николай молча следил за ходившим взад и вперед следователем, а сам думал, если ему все известно, зачем этот допрос? Что ему от него нужно? Он тряхнул головой. И тут же почувствовал, что боль волной захватила все тело. Не сдержался и застонал.

Фельдфебель остановился.

— Больно? — бросил он вопрос. — А всё потому, что ты дурак! Слишком серьезно смотришь на жизнь.

Он удобно уселся на стул. Не спуская пристального взгляда с арестованного, сказал:

— Не хочешь никого выдавать? — он побарабанил пальцами по столу и пощеккал языком. — Жаль тебя, парень. Но живым отсюда ты не выйдешь, если не согласишься помочь.

Глаза Николая расширились. Так вот, оказывается, зачем понадобился этот допрос. Он с трудом поднялся с табурета. Охвативший его гнев придал силы преодолеть боль и слабость, но отнял способность говорить. Он лишь беззвучно зашевелил разбитыми губами.

— Сидеть! — гаркнул следователь и кулаком грохнул по столу.

Николай сел. Из груди вырвался хриплый стон и он сжал веки, чтобы не видеть жандарма. Ему казалось, открои глаза — и он задохнется от ненависти.

— Я даю тебе выход, если хочешь жить. Мы предлагаем тебе сек-рет-но, — протянул он, — сотрудничать с нами. Никто не узнает, что будешь нам помогать. Жизнь так прекрасна! Ты молодой, умный. Прямо из подвала тюрьмы выйдешь на волю с деньгами. Все откроется перед тобой: жратва, вино, девчонки... Ну?

Николай не сводил взгляда с самодовольного лица фельдфебеля. Едва шевеля разбитыми губами, с трудом выдавил:

— Никогда... не буду... предателем.

Нагель поднялся из-за стола. Взгляд стал колючим. Его кулаки обрушились на Николая. Он ударил себя головой о стенку и упал.

От бессилия слезы навернулись на глаза. Жандарм же истолковал его слезы по-своему.

— Что, парень, одумался? — со злорадством спросил он. — Так как?

— Ни... когда...
— Что же ты гребешь против течения, дурачок?
— А по течению... плывет... только дохлая... рыба,— едва слышно прошептал Николай.

— Вот сейчас и ты поплыешь против течения!
Нагель схватил со стола плетку и начал избивать Николая. Его пронзила острые боль, и жандарм, комната погрузились во тьму.

Утром в камеру вошли солдаты. Подталкиваемый ими, Николай вышел во двор. После темной камеры солнечный свет ослепил его. Он закрыл глаза, через минуту-другую открыл их и увидел над собой ясное небо. Глубоко вдохнул морозный воздух. Голова закружилась, но он старался твердо идти в свой последний путь.

15

Ранним утром полицейские начали сгонять жителей на площадь. Накануне по городу был разведен приказ военного коменданта, что сегодня состоится казнь подпольщиков и лиц, не выполнивших распоряжения германских властей.

Лицом к горожанам стояли с автоматами жандармы. Медные бляхи на их груди блестели на солнце. В центре площади выстроился взвод солдат. Недалеко от них оживленно беседовали офицеры.

Ольга начала замерзать. Она глубже засунула руки в карманы пальто. Но боялась даже шевельнуться. Она находилась в таком нервном напряжении, что едва не вскрикнула, когда ее за локоть взял подошедший Дерюжкин. Рядом с ним стояла Агнесса. Они кивком головы поздоровались и молча ждали, когда приведут обреченных. Вскоре вокруг тихо заговорили: ведут... ведут...

На площадь под конвоем солдат вступила группа осужденных. Увидев среди них Машу, Ольга ахнула: тебя-то за что? Лицо Маши было в кровоподтеках, кисти рук перевязаны тряпками. Одной рукой она обняла плакавшего мальчика лет четырнадцати и что-то говорила ему. Среди обреченных шли два старика и опиравшийся на палку раненный в ногу красноармеец в изорванной шинели. Группу подвели к ограде и поставили лицом к согнанным на площадь.

Шеверс позвал переводчика, дал ему какое-то распоряжение, и тот на ломаном русском языке начал резко выкрикивать в морозный воздух:

— Вниманий!... Тут стоят... э-э... преступник! За нарушений приказ немецкий командований... э-э... они будут расстрелян! — переводчик заглянул в бумажку.— Мария Барцевич — за помошь бандитам!.. Олег Кошелев — за нарушений комендантский час...

В толпе раздался ропот. Жандармы встрепенулись и грозно повели автоматами. Мальчик стал вырываться из рук Маши и пронзительно закричал:

— Не хочу умирать! Ма-ма-а! Спаси меня! Люди-и-и! Помогите!...

Солдат ударили мальчика прикладом в живот. Он скрчился от боли и перестал кричать. Маша прижала его голову к своей груди.

Ольга лишь на мгновение отвела глаза от лица Маши и увидела Штейнбреха, который, не обращая внимания на душераздирающий крик мальчика, оживленно разговаривал с офицерами. Как он может, прошеслось в ее голове, как может! Значит, и он такой же, как Шеверс! От этой мысли ей стало мерзко за себя, за мимолетную слабость, когда она позволила себе признаться, что среди фашистов есть добрые и нестрашные люди. Но мысль ее оборвалась, когда она вновь обратилась к Маше. Она увидела, что Маша

прижала голову мальчика к своей груди, стараясь искалеченными пальцами прикрыть ему глаза.

Переводчик закончил читать приговор. По команде Шеверса солдаты вскинули винтовки. Раздался залп. Ольга от испуга закрыла глаза, а когда открыла, осужденные лежали на земле. Шеверс неторопливо подошел к казненным. Красноармеец приподнял голову. Он был только ранен. Гестаповец вынул из кобуры парабеллум и дважды выстрелил в него. А Штейнбрух в это время фотографировал гауптштурмфюрера.

Спазм перехватил горло Ольги. Стало трудно дышать. Ей захотелось скорее уйти, но Дерюжкин удержал ее за руку. Она попыталась высвободить ее и нечаянно толкнула Пампуру.

— Ты что, Оля?

Ольга оторопела — голос Агнессы был совершенно спокойный. Она подняла на нее глаза, и та поразила ее еще больше — жадное любопытство выражало лицо Агнессы.

Переводчик заметил, что кое-кто, не выдержав страшного зрелища, намеревается покинуть площадь.

— Всем стоять на месте! Слушаль приказ! — закричал он.

Но этот оклик странно подействовал на Ольгу. Она впервые за много дней не ощутила страха. Еще раз взглянув на Пампуру, которая после окрика переводчика вся подалась вперед, Ольга осторожно попятилась назад и сделала новую попытку выбраться из толпы. На сей раз Дерюжкин не удерживал ее — всем наконец позволили разойтись.

Когда Ольга добралась домой, ее был озноб, тело горело, как в огне. Не раздеваясь, легла на кровать, смыжила веки. И тут же перед ней возникла Маша, стоявшая под дулами винтовок. Она прижимала к себе голову мальчика и казалось, что в эту минуту она

меньше всего думала о себе. Как же так? Неужели Маша больше нет? Как Ольга могла чувствовать себя одинокой, когда можно было встретиться с ней, поплакаться на свою судьбу? А Маша ведь никогда не жаловалась, хотя ей было не легче, чем Ольге. Машенька, прости, мысленно обратилась к ней Ольга, прости меня, милая. Но Маша не поднимала глаз и только крепче прижимала к себе голову мальчика. Не слышит, не услышит она ее теперь никогда. За что же они ее убили? Значит, она действительно была связана с партизанами? И это ей, Маше, говорила Ольга, что Штейнбрух, Рокито совсем не страшные, что они культурные, обходительные? Как тогда Маша на нее посмотрела!..

Ольга лежала тихо, не открывая глаз. Как ей жить дальше со своей виной перед Машей? Она не испытывала больше безотчетного страха, который поселился в ней, казалось бы, навсегда с приходом оккупантов. Она вообще сейчас ничего не ощущала, кроме невыносимого отвращения к себе. Неужели это она, Ольга, музиковала перед этими убийцами, выслушивала их комплименты, пила с ними вино, ехала потом в машине? Чем же она лучше Пампуры, которая ей так ненавистна? Привкус свиной тушенки, который Ольга вдруг ощущила во рту, вызвал приступ тошноты, заставил ее подняться с кровати...

16

Документы, изготовленные в особом отделе, оказались безупречными, и Рязанов благополучно добрался до Харькова.

По улицам сновали легковые и грузовые автомобили, шагали воинские подразделения. Редкие местные жители были угрюмы, старались не смотреть встречным в лицо.

Иван Федорович был в Харькове непродолжительное время перед отступлением, поэтому не без труда нашел место, указанное Сорокой. Однако тайник был пуст. Чекист поспешил уйти подальше от этого места. В городе Рязанов задерживаться не стал и по уже испытанному маршруту направился к Долине, невдалеке от которой его должен был ждать Черченко.

В пути он все время с тревогой думал, что же могло случиться с Сорокой. Встретившись с Андреем, решил проводить Варю, может, ей Василий прислал весточку.

Уже стемнело, когда они подошли к Вариному дому. На условный стук она вышла во двор. Андрей познакомил ее с Рязановым.

— Андрей Афанасьевич ранен,— сказал Рязанов. Заметив в глазах девушки испуг, поспешил успокоить: — Легко ранен, скоро поправится.

— Что в дом не приглашаешь? — удивился Андрей.

Варя заглянула в глаза Андрею и шепотом произнесла:

— Ольга...

Андрей подался вперед.

— Ох, Андрюша, плохо ей! — выпалила Варя и обеспокоенно предложила Рязанову: — Зайдемте в сарай. Я должна кое-что рассказать.

Первым порывом Рязанова было спросить у Вари о Василии и тут же уйти. Но он вспомнил, как после возвращения из Долины Пилипенко рассказал все, что стало ему известно от Вари и Николая об Ольге. И тогда же он высказал намерение обсудить с Николаем Антоновичем возможность встречи с ней. Ведь было бы неплохо иметь своего человека среди офицеров арбера и службы безопасности. Но успел ли Пилипенко до ранения обсудить это предложение с начальником отдела, Рязанов не знал.

Стонт ли упускать сейчас возможность встретит ся и побеседовать с Ольгой? — подумал он. На мног рассчитывать не следует, но все же...

Варя торопливо рассказывала, что Ольга пришла вчера. Пришла не на менку, а бежала из города.

— Она все время плачет, говорит, что ей лучше жить на свете. Она видела, как на площади была расстреляна ее одноклассница Маша.

Андрей сжался в комок — все, что он сейчас услышал, было страшным, во все это не хотелось верить. Он не мог смириться с тем, что Маши нет. Как ж так? А Николай еще не знает...

— Оля совсем запуталась,— продолжала Варя свой рассказ.— Она такая наивная. Мне ее жалко.

— Наивная,— жестко сказал Рязанов, взглянув на Андрея,— а участвует в музыкальных вечерах, которых присутствуют представители арбера и службы безопасности. Ее тянут в антисоветскую организацию. Может быть, зайди сейчас в дом и поглади ее по головке?

— Иван Федорович... — попросил его Андрей. Виду него был настолько растерянный, а в глазах застыло такое отчаяние, что Рязанову стало не по себе.

Кто его знает, встретится ли он с Ольгой когданибудь потом, подумал Рязанов. С согласия командования партизанского отряда Андрей должен уйти с ним за линию фронта, там он продолжит службу в вскской разведке.

— Ладно, пойдем,— уже мягче сказал он.— Толко голову не теряй.

Ольга спокойно, даже безразлично взглянула нашедших и отвернулась к окну.

— Оля,— окликнул ее Андрей.

— Ты? — удивленно спросила Ольга, глядывая в него.— Андрюша!.. Как ты здесь очутился?

Андрей увидел, как сильно она похудела, как измучено ее осунувшееся лицо. Глаза у нее были припухшие, веки воспалены.

— Олењка, что с тобой? — только и смог он произнести.

Он сделал несколько шагов навстречу Ольге, взял за руку — сквозь кожу просвечивали вены, обнял. И вдруг почувствовал, как вздрагивает ее спина.

Ольга плакала.

— Что с тобой? — желая успокоить ее, спросил он.

— Маша... Нет ее...

— Я знаю.

— А я... я так виновата перед ней... Перед тобой... Перед всеми...

Варя глазами показала Рязанову на дверь, которая вела на кухню, и они вышли.

Рязанов как бы между прочим поинтересовался у нее, не сообщал ли ей что-либо о себе Василий. Варя с беспокойством ответила, что давно не имеет от него весточки. Иван Федорович попытался успокоить ее, объяснив, что, вероятно, у него нет сейчас такой возможности.

Варя осталась на кухне, чтобы приготовить ужин, а Рязанов вернулся в комнату.

Ольга смущенно отстранилась от Андрея, вынула платочек и долго вытирала лицо от слез.

— Вы сами сказали, что виноваты перед нами. Зачем же тогда плакать? — сказал Рязанов. — Вы должны гордиться, что вас любит такой парень, и вы должны оправдать его любовь.

— Кто он? — испуганно спросила Ольга у Андрея. И тот, склонившись к ее уху, тихо сказал, что это его командир.

В это время вернулась Варя, поставила на стол горшок с вареной картошкой, налила в стаканы чай, настоящий на липовом цвете.

Молча сели за стол.

Вдруг Ольга повернула голову в сторону Рязанова и решительно сказала:

— Возьмите меня с собой. — Какое-то время она помолчала. Губы ее вздрогнули. — Не могу я больше видеть фашистов, играть для них в театре и на музыкальных вечерах. А тут еще этот Владимиров!.. Прошу, возьмите меня с собой. В школе я была в санитарной дружине. Могу быть санитаркой. Да хоть уборщицей...

Рязанов взглянул на Андрея. Тот опустил голову, между бровей его пролегла морщина.

По просьбе Ивана Федоровича Ольга подробно рассказала, как попала на музыкальный вечер, как познакомилась с Рокито, Штейнбрухом, шефом городской СД Шеверсом.

Из показаний Шумского Рязанов уже знал, кто такие Рокито и Фурман. И он еще раз утвердился в правильности принятого решения встретиться с Ольгой.

Действительно, подумалось ему, было бы хорошо иметь среди сотрудников абвера и службы безопасности своего человека. Однако он понимал, что теперь следовало убедить Ольгу вернуться в город и что ее участие в театре, музыкальных вечерах принесет больше пользы, чем ее скромный труд, скажем, санитарки в госпитале. Но настаивать на таком предложении нельзя. Необходимо ее добровольное согласие. И он без насилия подвел девушку к мысли, подсказанной ему ранее Пилипенко.

От сознания, что придется встречаться с Штейнбрухом, Фурманом и Владимирам, поддерживать, хотя бы для видимости, дружеские отношения с Пампурой и Дерюжкиным, Ольга ощутила тяжесть внутри.

— Смогу ли я? — с сомнением обронила она. — Я и стрелять-то не умею...

— Стрелять и не нужно,—улыбнувшись, перебил ее Иван Федорович.— Вам нужно теперь быть более наблюдательной и запоминать, какие новые военные появятся в городе, о чем будут говорить офицеры арбвера и СД. И если согласитесь вернуться, не уклоняться от предложения Владимира вступить в организацию. Это тоже очень важно для нас.— Потеребив мочку уха, он продолжил:— Впрочем, я не настаиваю на нашей просьбе. Могу взять с собой. Но должен добавить к сказанному, что доверить такое поручение мы решаемся не каждому.

Ольга приняла предложение Рязанова.

Утро для Петрова началось с печального известия о гибели Сизова. Он как раз из тех, кто старается быть незаметным. К таким людям привыкают, даже иногда не замечают и начинают сожалеть тогда, когда их уже нет.

Свое дело Сизов делал старательно. Николай Антонович невольно сравнил его с напористым Кузьменко. Несомненно, его заместитель инициативный оперативный работник, но он подавлял подчиненных непрекращающейся суждений. Сотрудники побаивались его, были с ним осторожны. Сложные отношения складывались у Петрова с заместителем. А тут еще стало известно, что Кузьменко в беседе с одним из руководителей отдела контрразведки фронта высказал мысль, что работа с Шумским продвигается медленно, и дал понять, что если бы ему доверили эту работу, то доказал бы, на что он способен.

Игра с пленным арбверовцем действительно затягивается, отнимает много времени. За Шумским, он уверен, кроется что-то серьезное. Нужно только набраться терпения. И в то же время он сознавал, что в военное время никто ему не позволит долго выжи-

дать. Слишком дорого может обойтись такое выживание.

Петров тщательно изучал написанные бывшим арбверовцем документы. Все излагалось логично и убедительно. В его поведении каких-либо изменений после встречи со связником не отмечалось. Ни к кому и ни к чему неоправданного интереса не проявлял.

Размышления Николая Антоновича прервал вернувшийся из партизанского отряда Рязанов. Он доложил о выполнении задания в Харькове. Затем рассказал, что по собственной инициативе посетил Варю. Но и она никаких известий от Сороки не имеет. По выражению его лица Петров догадался, что он что-то недоговаривает. Это было несвойственно для Рязанова. Видимо, он где-то вышел за рамки задания и сейчас думал, как бы более убедительно изложить свои действия. Петров по опыту знал, что в такой обстановке не следует ускорять событий, чтобы не заставить подчиненного из-за боязни быть наказанным искать ложный выход.

— У тебя все?

— Нет, Николай Антонович.

И Рязанов рассказал о встрече у Вари с Ольгой и о том, что он предложил ей помочь особому отделу.

Петров сидел задумавшись. Правильно ли поступает Рязанов, вовлекая девушку в опасную работу? Старшее поколение считает, что оно было в других условиях, в которых риск, самопожертвование, стремление к подвигу диктовались революционным порывом. А разве сейчас не такое время? — подумал он и, пытаясь оправдать действия Ивана Федоровича, поставил себя на его место. Наверняка, он поступил бы так же.

— Как предполагаешь осуществлять связь? — поинтересовался Николай Антонович.

— Разрешите все изложить в рапорте.

— Излагай. А там посмотрим. Возможно, ты поступил правильно. А как Черченко?

— Командир отряда разрешил, чтобы я его взял. Я уже представил его командиру роты разведки. Только,— Иван Федорович развел руками,— он мечтает стать летчиком.

— Учтем его желание на будущее. А сегодня он больше нужен в разведке. А Ивницкий тоже здесь?

— Нет. Он ушел на задание и еще не вернулся, хотя все сроки вышли. Командование отряда обеспокоено.

В этот момент вошел дежурный по отделу и доложил, что Шумский просит принять его. Рязанов хотел выйти, но Петров жестом остановил его, а сам направился к двери, в которую уже входил бывший абверовец. После приветствия он сообщил, что им принята новая радиограмма. Текст лаконичен; в обусловленном ранее месте встретить связника. Инструкции будут переданы устно. Сообщалась дата встречи. Шумский, получив от Николая Антоновича необходимые указания, ушел.

Следующей ночью Горелов доложил Петрову по телефону, что к нему явился с той стороны их общий знакомый. Николай Антонович догадался, что в окно, ранее использованное абвером для переброски связника, линию фронта перешел Сорока. Нетерпение, каким контрразведчик ждал встречи с Василем, было объяснимо. Он надеялся, что рано или поздно противник должен предпринять шаги, которые внесут ясность — играет Шумский по заданию абвера или действительно порвал с прошлым.

При встрече с Василем Николай Антонович заметил у него небольшой шрам над правой бровью. Черты лица его обострились и обозначились резче. Он был сдержан, внешне спокоен, хмурость его была

только кажущейся, за ней он прятал застенчивость.

Николай Антонович попросил разведчика рассказать, что с ним было после возвращения в «Орион».

Сорока перешел передовую и, преодолев нейтральную полосу, выждал, когда с нашей стороны поднимется стрельба. Томительно тянулись минуты, уже у него начали мерзнуть руки и ноги. Наконец, с нашей стороны послышались вначале одиночные винтовочные выстрелы, затем заговорил пулемет. В небо взвилось несколько ракет. Василий рывком бросился к вражескому окопу. Когда его окружили гитлеровские солдаты, он, не ожидая команды, поднял руки и понемецки произнес заученную фразу, содержащую просьбу отвести его к офицеру.

Офицер выслушал просьбу Сороки сообщить в «Орион» о его возвращении, кому-то позвонил и долго выслушивал ответ. Взгляд его стал недоверчивым. Он резко подал солдатам команду, те навалились на Василия, связали руки и под охраной повели по ходу сообщения в тыл. Наконец подошли к дому. В небольшой комнате сидел тучный гестаповец, казалось, что мундир ему мал: воротник врезался в шею, а рукава едва доходили до запястья рук. Он высказал досаду, что его подняли в такую рань из-за какого-то перебежчика.

— Я не перебежчик, герр штурмфюрер,— сказал Василий, удивляясь, что его привели в службу безопасности.— Прошу вас связаться с зондерфюрером Линдермутом и сообщить, что вернулся Кузя.

Переводчик перевел. Офицер измерил задержанного насмешливым взглядом и монотонно закартавил. Переводчик, подражая шефу, растягивая слова, бросил:

— Что ты за Кузь, мы еще узнаем! И не диктуй, что нам делать. Ты в службе безопасности!

— Я знаю, что такое СД,— продолжал уверенно Василий,— поэтому прошу позвонить зондерфюреру. Я выполнял специальное задание...

— Какое?

— Об этом могу доложить только зондерфюреру.

Не успел переводчик перевести ответ, как штурмфюрер подскочил к задержанному и нанес удар в солнечное сплетение. Василий согнулся, и в этот момент гестаповец ударил его в лицо. Дышать стало трудно.

Его втолкнули в темный, холодный подвал. Он постепенно пришел в себя. В разведшколе он был наслышан о службе безопасности, поэтому грубость штурмфюрера его не удивила, но его обеспокоило то, что его не пожелали передать абверу и не связали с Линдермутом.

Несколько раз Василия вызывали на допрос. Пытались добиться признания, что он советский разведчик, который прикрывается связью с немецкой военной разведкой. После каждой настоятельной просьбы организовать встречу с Линдермутом или Петцгольцем его избивали и бросали в подвал, а он не переставал удивляться, почему СД отказывалось сообщить о нем в «Орион». Неужели, кроме Свиста, на той стороне был кто-то третий?

Два дня Василия на допрос не вызывали. Наконец его повели к штурмфюреру. За приставным столиком сидел улыбающийся Линдермут. Он сказал, что недоразумение урегулировано и сегодня они возвращаются в школу.

Несколько дней Василий писал отчет о выполнении задания и ответы на дополнительные вопросы зондерфюрера. Несколько раз Линдермут и Петцгольц уточняли приметы немецкого разведчика. Трижды в раз-

ные дни зондерфюрер раскладывал на столе фотокарточки мужчин и требовал указать, с кем из них Василий встретился на вокзале. Однако среди них того человека не было. Лишь в разложенных в четвертый раз фотокарточках нашел того, с кем встречался. Его оставили в покое на несколько дней. Размышляя, Василий пришел к твердому убеждению, что допросы с побоями в СД были заранее запланированы абвером с целью его проверки. Он также понял и то, почему зондерфюрер интересовался, все ли было спокойно при переходе линии фронта. Свист не вернулся, и это их волнует. Василий рассказал Линдермуту, что когда он уже пересек нейтральную полосу, сзади раздались выстрелы, взмыли ракеты. И высказал предположение, что стреляли не в него, так как он не слыхал свиста пуль. Может быть, еще кто-то пытался на этом участке перейти на сторону немцев. Зондерфюрер выяснил, не слыхал ли Кузя шума борьбы или стонов раненого? Отрицательный ответ Василия, видимо, удовлетворил Линдермута, и он к этому больше не возвращался.

Выполняя задание особого отдела, Василий установил дружеские отношения с некоторыми «курсантами» школы — бывшими уголовниками, главное в жизни которых — игра в карты, выпивка и циничные рассказы о женщинах. Спиртное можно было купить или выменять на вещи у коменданта общежития эсэсмана Ганса и его сожительницы Анны. Пришлось не скупиться. Зато установились, если не приятельские, то добрые отношения с Гансом. Хотя эсэсман и ворчал для видимости на нарушение режима общежития, но не мешал и не докладывал начальству о пьянях «корешей». Во время одной из выпивок Василий узнал от них, что в школе есть специальная группа девушек, которых готовят к заброске в тыл Красной Армии.

Во время так называемого отдыха Линдермут или кто-то другой постоянно проверяли вещи Василия. Из школы ему отлучаться не разрешали.

Вскоре зондерфюрер возобновил занятия, свободного времени было мало, с «корешами» стал встречаться реже.

Однажды Василий беседовал в коридоре с одним из них. В это время мимо прошла молодая женщина.

— Видел?

— Ну? — стараясь быть безразличным, спросил Василий.

— Это ж Венера!

Сорока, немного помолчав, сказал Николаю Антоновичу:

— Я ее знал еще до школы. Дважды встречался с ней в горупправе, куда носил во поручению Дахневского какие-то бумаги. Она была секретарем у заместителя бургомистра Владимирова. Звали ее Диана.

— Когда вы видели ее в последний раз?

— Примерно две недели назад. Может быть, ее отправили в Померки, где живет вся женская группа. А возможно, уже перебросили сюда.

Сорока попросил лист бумаги, карандаш и набросал портрет Венеры. С рисунка смотрела привлекательная женщина. Василий стремился создать не только портретное сходство, но раскрыть черты ее характера: надменность в изгибе тонких бровей и коварство в продолговатых глазах.

— Как мог... — тихо произнес Василий, протягивая рисунок.

— Очень хорошо! — одобрил рисунок Николай Антонович. — Учиться бы вам надо, из вас вышел бы хороший художник.

— Я мечтаю стать художником. — Он потупился и, глубоко вздохнув, продолжил: — Но не с портрета

Венеры мне нужно было начинать, а с «Возвращения блудного сына».

— Мы договорились не вспоминать о вашем прошлом, — сказал Петров.

— Я оправдаю ваше доверие, — тихо произнес Василий.

Николай Антонович вызвал Рязанова и сказал:

— Нужно срочно размножить портрет агента абвера Венеры и организовать ее розыск. Не исключено, что она уже заброшена к нам.

Василию все время хотелось спросить о Варе, но он стеснялся. Когда же Рязанов ушел, он наконец-то решился.

— Николай Антонович, — неуверенно начал он, — о Варе что-нибудь известно?

Петров улыбнулся. Ему понравилась выдержка Василия. Несомненно, он испытывал к девушке настоящее, глубокое чувство.

— С Варей все в порядке. Прекрасная девушка.

— Спасибо, — еле слышно произнес Василий. Глаза его засияли, губы тронула сдержанная улыбка.

Николай Антонович попросил Василия рассказать, какое задание абвера получил на сей раз.

На словах Василий должен передать агенту абвера, чтобы тот выяснил, какие изменения происходят в командном составе армии, какие воинские формирования стоят перед немецким фронтом, откуда они прибыли, кто ими командует. А еще — какие это части: артиллерийские, танковые или пехота, не ведутся ли разговоры о готовящемся наступлении. Если да — то где и когда возможен главный удар.

Странно, подумал Петров, что такое задание поручили передать Шумскому через связника, когда проще и безопаснее было бы передать его шифрованной радиограммой. А может быть, еще что-то передали с Василием?

— Передали, — подтвердил Сорока. — Деньги и продукты.

Василий положил на стол пачку советских денег и развязал котомку. В ней была буханка хлеба домашней выпечки, кусок сала и несколько куриных яиц, уложенных в картонную коробку.

— Линдермут объяснил, что это рождественский подарок тому типу. — И немного помолчав, добавил: — Передавая деньги и продукты, зондер приказал: если возникнет опасность, выбросить их.

Зачем пересыпать Шумскому продукты, если передали ему деньги? — размышлял Петров. Ведь всё это можно купить здесь, на базаре. Но больше всего его насторожил приказ Линдермута — при угрожающей опасности избавиться от денег и продуктов. Деньги — понятно, трудно было бы объяснить Сороке, откуда у него такая сумма. Но продукты!.. У Василия было только то, что у многих, побывавших на менке в селах или на базаре.

Николай Антонович внимательно осмотрел буханку хлеба, сало. Разглядел скорлупу яиц, даже на свет их посмотрел. Ничего подозрительного не обнаружил.

И тут вспомнилось дело немецкого шпиона Краузе, который в двадцатых годах работал по контракту в американском обществе по оказанию помощи голодающим Советской России. Используя свое положение, он подкупал некоторых советских граждан, выведывая у них нужные ему сведения. Потом его разоблачили.

Им занимался товарищ, который и сейчас работает в наркомате. А не посоветоваться ли с ним?

Тишину нарушило легкое посапывание. Николай Антонович повернулся к разведчику, которого сморила усталость и тепло.

Василий улыбнулся во сне. Что ему снилось? Варя?

Николай Антонович подумал — вот она молодость, и ему стало грустно при мысли, что может ведь стать-

ся так, что эти двое любящих никогда больше не встретятся.

Вспомнилось давнее. Побывал ведь и он в самом логове врага, и все же вернулся к своей Вере.

Ему — молодому чекисту доверили тогда руководители губернской ЧК сложное и опасное задание. Утром, перед уходом на задание, Вера спросила, чему он улыбался во сне. Николай с нежностью подумал о жене, которая, переживая за него, ночью не спала. Уж такова жизнь у жен чекистов: ждать мужей и надеяться. Они знали, что в тылу не меньше погибало чекистов, чем на фронте. И Николай попытался успокоить Веру, сказав, что получил рядовую командировку в один из уездных отделов и скоро вернется.

А было это весной 1919 года. Пятая армия Тухачевского заняла Богоруслан, Бугульму, Белебей, чем дала возможность всему Восточному фронту начать активное наступление на армию Колчака.

В одном из уездов орудовала крупная бандитская группировка, которой был контрразведчик подполковник Бахарев. Переходивший на сторону большевиков штабс-капитан Елизаветинский, потерявший веру в идеи белого движения, рассказал, что он и Бахарев оставлены здесь, чтобы поднять в губернии мятеж в случае наступления Колчака. Сам штабс-капитан возглавлял в городе «штаб» восстания.

Вскоре обстановка на фронте осложнилась. Наступление Красной Армии приостановилось и предпринятым контрударом белым удалось кое-где прорвать фронт. Это могло заставить активизировать заговорщиков и поднять мятеж в губернии.

Один из руководителей губчека Пощекас сказал Петрову:

— Ты недавно у нас. Большинство сотрудников губчека известны заговорщикам. Поэтому принято

решение направить тебя к Бахареву и склонить его к встрече с Елизаветинским.

Пошкас свернул из газеты «кошью ножку», насыпал в нее из кисета махорку. Закурил. Несколько раз так глубоко затянулся, что махорка в самокрутке затрещала.

— Хочу, чтобы ты понял, почему мы идем на рискованную операцию. Посмотри, вот основная база банды,— и он ткнул пальцем в едва заметную точку на карте.— Большими силами туда незаметно не подобраться. Бахарева поддерживают кулаки и подкулачники. Они предупредят его. Малыми силами с ним не справиться. Выход один: вывести Бахарева и его ближайших помощников на встречу с нами, обезглазить банду, а потом ликвидировать ее.

От попавшего в глаза дыма навернулись слезы, рукой он смахнул их и продолжал:

— Елизаветинский имеет пароль для связи с Бахаревым. С этим паролем пойдешь к нему. Постарайся убедить его, что наступил момент, когда нужно поднять восстание. И он, как старший по званию, должен возглавить мятеж, объединить свою банду с группой Елизаветинского, с которым должен встретиться и обсудить план действий. Задачу понял? На подготовку тебе даю два дня.

Когда Петров отправился в путь, солнце уже вышло из-за горизонта. Снег искрился под ногами. Ранний мороз, ранний снег. Ему вспомнилось: кто-то сказал, что видел на Аринин день улетающих журавлей. Значит, к Покрову нужно ждать первых морозов. Он шел неторопливо, засунув руки в карманы поношенного овчинного полушубка, и в хутор, где жил связной Бахарева, прибыл, когда на землю уже опустились сумерки. На стук дверь открыл кряжистый дед. Услыхав пароль, впустил в дом гостя.

Вскоре за Петровым приехали два брата-близнеца. На санях повезли на базу. Когда подъезжали, завязали ему глаза. Саны остановились, и повязку сняли. Яркие лучи солнца ослепили его, и он закмурился. А когда открыл глаза, увидел плотного мужчину средних лет в бекеше, отороченной смушком. Мохнатые брови сдвинуты, а смотрит настороженно.

— Я Бахарев.

После обмена паролями главарь поинтересовался здоровьем Елизаветинского и сказал:

— О деле поговорим позже. Сейчас отдыхайте.

Он кивнул близнецам. Один из них проводил Петрова в примыкавшую к горнице каморку. Окошко выходило во двор к стене сарая. В случае опасности из этой ловушки не уйти, подумал он. Начало темнеть, когда к нему пришел один из братьев и пригласил ужинать. За столом сидел Бахарев, мрачно поглядывая на присутствующих. Он представил сидевшего рядом рослого с побитой оспой лицом здоровяка, лоб которого пересекал рубец — след старой раны.

— Начальник штаба капитан Силин Михаил Борисович, — затем глазами указал на невзрачного мужчину неопределенного возраста: — Улитин Мефодий Прокофьевич, — и с усмешкой добавил: — Наш идейный руководитель, эсер.

И тут Николаю Антоновичу припомнилось предупреждение Пошкаса, что Бахарев — монархист. С эсерами, кадетами и анархистами он лишь временно пошел на вынужденный союз.

Остальных главарь представлять не стал. Ограничился репликой, что это его боевые соратники.

Во время ужина Петров имел возможность наблюдать за сидевшими за столом. Особенно заинтересовал его Улитин. Говорил он быстро, немного гнусавя. Верхняя губа его была узкая, а нижняя отвисшая, отчего выражение лица казалось пренебрежительным.

После ужина Бахарев предложил гостю изложить цель своего прибытия. Петров, ссылаясь на штабс-капитана и его «штаб», обосновал своевременность начала мятежа в губернии, необходимость объединить силы заговорщиков, а план действий обсудить при личной встрече с Елизаветинским.

Наступило молчание, которое прервал главарь:

— Прошу, господа, высказываться.

Тишину буквально взорвало. Улитин заговорил быстро, пытаясь доказать, что успехи Колчака еще не являются убедительным поводом для начала восстания. Начальник штаба возражал ему. Эсер, брызгая слюной, набросился на Силина, обвиняя его в узости мышления и недальновидности.

— Господа, — вмешался в их спор Петров. — Начинать задуманное с сомнений и нерешительности — значит заранее погубить дело.

— Объединяться рано! Н-да, рано! Нужно еще выждать. Начав восстание объединенными силами в тылу красных... э-э... привлечем к себе этим крупные силы. И что тогда? — эсер с вызовом обвел взглядом присутствующих.

— А тышибко не пугай! — глухо буркнул средних лет мужчина, на груди которого лопатой лежала тщательно расчесанная рыжая борода. Он часто облизывал губы, словно его мучила жажда.

— Я... э-э... милостивый государь, не пугаю. Особенно тебя, Альмов. — И обратился к остальным руководителям банды: — Э-э... господа, нас поддерживают крестьяне. Они недовольны продразверсткой. Н-да, они недовольны большевиками. А это, господа, много значит! Мы держава мужицкая. Да, да, мужицкая! Большевики долго на пролетариях не продержатся.

— Ты опять за свое! — нахмурив брови, бросил Силин.

— Да, Михаил Борисович, за свое. Э-э... нужно выждать время. Восстание еще не назрело, а значит — нет смысла объединяться. Н-да, не время еще.

В это время в горницу вошел долговязый мужчина с изможденным лицом и словно приклеенной бородкой клинышком. Вокруг шеи — поношенный шарф. Он кивнул головой и сел верхом на стул.

— Козел, — нагнувшись к Петрову, тихо произнес начальник штаба. — Анархист.

При появлении анархиста Бахарев еще больше нахмурился и впался взглядом в его лицо.

— Встать! — властно бросил он. — От своей вольницы не можешь отойти? Почему опоздал?

Козел нехотя поднялся, засунув руки в карманы брюк.

— А что, я не свободный гражданин свободной России? — с вызовом огрызнулся он густым басом.

Он и впрямь напоминал бодливого козла: во время ответа дергал головой, выставив вперед бородку-клинышек. Сдерживая улыбку, Петров подумал, что если фамилия анархиста Козел, а не кличка, то она полностью соответствует его характеру и внешнему виду.

А тот, широко расставив ноги и наклонив голову, пристально смотрел на главаря. Вдруг он выдернул руку из кармана брюк. Один из близнецов подался вперед, выхватив из кобуры револьвер. Видимо, он знал несдержаный характер Козла. Но увидев, что в руках анархиста ничего не было, опустил оружие. Беспокойство телохранителя вызвало у Козла кривую ухмылку. Он поправил сбившийся в сторону шарф и процедил:

— Занят был. Кончал допрос.

Не ожидая разрешения, снова оседлал стул, продолжая с независимым видом слушать эсера, который доказывал, что не время объединяться и что наиболе

эффективная форма борьбы с большевиками на данном этапе та, которую избрала банда. Петров понимал, что настойчивость Улитина может поколебать Бахарева и тогда операция будет сорвана, но неожиданно ему на помощь пришел Силин. Он тихо, но так, чтобы слышали все, сказал:

— Нас, в основном, поддерживает только зажиточное крестьянство, бедняки за большевиков, а только на зажиточных полагаться не следует.

— Так он хлопочет только о себе! — Козел исподлобья посмотрел на Улитина. — Нужно объединяться. Время послепо.

Эсер взглянул на главаря, надеясь по его реакции узнать, к какой чаше весов тот склоняется. Но лицо Бахарева было непроницаемо. И Улитин в запальчивости бросил:

— Козел, э-э-э, никогда рассудительностью не отличался. Что можно ожидать от таких политиков, как ты?

— Отдыхись! — пренебрежительно начал анархист. — Брось дурочку валять! Дело говорят — пора! Иначе краснопузые выпустят нам кишки. А тебя, Улитин, прикончат первого! Да и я могу пришлепнуть!

Эсер бросился к Козлу, который резко встал и опрокинул стул.

— Кого? Меня? Старого боевика, которого ценил сам Борис Викторович Савинков?

— Замолчи, не то духа лишу! — гремел анархист.

— Окстись, паря! — Алымов схватил эсера за руку.

Улитин с надеждой оглянулся на Бахарева, но тот продолжал спокойно сидеть за столом, устремив взгляд на скатерть.

Э, господин подполковник, усмехнулся про себя Петров, да ты, никак, привык к стычкам помощников! Прав был Пошкас, нужно использовать эти распри в наших интересах.

Бахарев спокойно отнесся к их перепалке, потому что их мнение для него ничего не значило. Что ж, продолжал рассуждать Петров, будем воздействовать на него лично. И обратился с вопросом к Улитину:

— Что противоречит в предложении штаба восстания позиции ЦК эсеров?

Тот хмыкнул, но ничего не сказал. Легкий шумок пробежал среди собравшихся.

Глядя в упор на эсера, Петров продолжил:

— По-вашему, выходит, что для свержения большевиков и активной помощи адмиралу Колчаку достаточно местного террора такой боевой и организованной силы, как ваш отряд? — и укоризненно покачал головой. — Предположим, вы уничтожите еще десяток-другой, комбодовцев, несколько продотрядов, порубите чоновцев. А дальше что?

— Чернь нужно держать не только в повиновении, но и в страхе! — взвизгнул Улитин.

— Во бант! — одобрительно поддержал его Алымов.

— А чего вы добились местными операциями? Свергли советскую власть в уезде? — Петров вопросительно посмотрел на сидевших. — Господа, мы только упускаем время. И чем больше будем его упускать, тем меньше остается у нас шансов на успех.

Алымов наклонился к главарю и что-то сказал. Тот ничего не ответил, только еще ниже наклонил голову. Пальцы его рук нервно комкали скатерть.

— Адмирал Колчак прорвал фронт, — говорил Петров. — Поэтому нам нужно объединиться и общими силами под командованием господина подполковника, — он умышленно сделал акцент на звании главаря, что вызвало гул одобрения, — нанести ощутимые удары по тылам красных. Нашу задачу облегчит то, что большевики вынуждены сейчас бросить большинство воинских частей на фронт. В городах остались

ослабленные, плохо вооруженные гарнизоны. А у нас там много сочувствующих. Они ждут нас.

По реакции присутствовавших можно было понять, что перелом наступил, хотя Бахарев по-прежнему молчал.

Осторожный, подлец, подумал о нем Петров. Увидев горящие глаза Алымова и других участников сборища, пришел к мысли подогреть их бандитские настроения.

— От верных людей штабу известно, что на железнодорожной станции стоят эшелоны с зерном, мануфактурой. Повстанцы смогут вознаградить себя за мужество.

Вскочил Козел и стал убеждать всех рассуждениями о жестокости бытия и очищении кровью, оправдывая этим предстоящие действия бандитов в тылу Красной Армии.

— Правильно! — поддержал его Силин. — Нужно объединяться. Рисковать, так рисковать. Пусть враг захлебнется в собственной крови!

Бахарев мельком взглянул на посланца Елизаветинского и вновь потупился. Видимо, что-то безотчетное тревожило его. Оторвав взгляд от стола, сказал:

— Благодарю всех за советы. Я подумаю. На сегодня все свободны.

Прошло несколько дней, в том числе и день, назначенный «штабом» для встречи с Елизаветинским, а Бахарев молчал. Не доверяет, думал Петров. Но есть еще запасная дата, стал успокаивать себя. Время, проведенное в банде, позволило ему нашупать уязвимые места во взаимоотношениях главарей.

Забылся Петров перед рассветом. Проснулся с головной болью. Вышел в горницу и увидел стоявшую у окна любовницу Бахарева Марию. Ее руки нервно подрагивали. Петров тоже посмотрел во двор. Близ-

нецы вели к сараю женщину. Ее русая коса билась о спину в такт шагов. Она упиралась, но силы были неравными.

Не разжимая губ, Мария процедила:

— Видел? — ее брови с вызовом взметнулись, на лице простили красные пятна. — Это жена пойманного чекиста.

Петров внутренне содрогнулся. А Мария, громко стукнув дверью, вышла из горницы.

Он продолжал смотреть в окно. В сарай заходили и выходили бандиты. Через некоторое время близнецы выволокли женщину из сарая. Без посторонней помощи она не могла идти. Разорванный подол платья оголял ноги. Братья посадили ее у стены. Она подняла голову, но тут же бессильно опустила на грудь. Один из них отошел на несколько шагов, вытащил револьвер и выстрелил. Женщина несколько раз конвульсивно дернулась и затихла.

В горницу вошел Силин. На его щербатом лице блуждала улыбка.

— Что сидите затворником? — простуженным голосом спросил он. — Пошли во двор, подполковник приглашает.

Их ждали Бахарев и Алымов. Все вместе пошли по лагерю. Встретили двух бандитов, которые несли сбитые накрест грубо отесанные доски. Петров вопросительно посмотрел вначале на главаря, затем на Алымова.

— Дык, чеку кончать будем, — обронил тот, как о чем-то привычном.

Бахарев взял Петрова за локоть, и они подошли к месту казни, где собралась вся бандита. Из пристройки близнецы вывели молодого мужчину. Темная косоворотка была разорвана. На лице кровоподтеки. Босыми ногами он неуверенно ступал по снегу. Бросились в глаза молодое лицо чекиста, а рот старче-

ский, губы провалились. Он заметил у сарая убитую жену, замотал головой, издав нечленораздельные звуки. Братья крепко схватили его за руки, вывернули за спину.

— Не играйте в обходительность! — зло бросил близнецам Козел, появившийся на крыльце пристройки. С кривой ухмылкой, выставив вперед бородку, объяснил: — Язык и зубы вырвали, потому что молчал.

Близнецы положили чекиста на крестовину лицом вниз, веревками привязали руки и ноги.

Алымов взял у одного из близнецов топор, попробовал пальцем лезвие и подошел к жертве. Резкий взмах руки, громкий с присвистом выдох, и топор опустился на правую руку жертвы. Боясь запачкаться кровью, палач отступил на несколько шагов.

Страх расползся по всему телу Петрова, захотелось закрыть глаза и думать, что это только кошмарный сон. А что мне они уготовили бы? — сцепил он зубы.

Бахарев стоял в напряжении, лицо его побледнело. Алымов из-под насупленных бровей посмотрел на него. Главарь сделал рукой жест, и палач отрубил чекисту голову, оборвав его стоны.

Наступила зловещая тишина. Бахарев подтолкнул Петрова плечом, и они пошли к дому.

— Когда гремит оружие, законы молчат, — глухим голосом сказал Бахарев, глядя себе под ноги. После паузы продолжил: — Так нужно. Этих, — он кивнул головой в сторону стоявших бандитов, — нужно держать в повиновении и страхе.

В каморке Петров, не снимая полушибка, лег на кровать. Перед глазами стояла казнь чекиста. Много смертей он видел на войне, но бесчеловечная расправа над товарищем и его женой потрясла. Когда же всё кончится? — подумал он с горечью. Завтра наступит срок запасной даты, а Бахарев молчит. Впервые за эти дни он остро ощутил тоску по Вере. Как

она там? Обещал вернуться через несколько дней, а прошло уже более двух недель.

Его мысли оборвали раздавшиеся в горнице громкие голоса. По долетавшим фразам угадал, что туда пришли Улитин и Козел. Но вскоре за стенкой наступила тишина. Что случилось? — терялся в догадках Петров, борясь с искушением подойти к двери и прислушаться. Неожиданно дверь открылась, и вошедший в каморку Алымов, окинув его подозрительным взглядом, предложил пройти в горницу. За столом сидели приближенные Бахарева и рассматривали карту.

— Ну вот, Николай Антонович, — сказал Бахарев, впервые обратившись к нему по имени и отчеству, — завтра едем на встречу с штабс-капитаном. Обсудим с ним детали объединения и с богом! — закончил он торжественно.

Петров молча кивнул.

Во время ужина Николай Антонович плохо понимал, что ему говорили Бахарев и Силин. Он устал. Мучительно хотел спать. Откланявшись, ушел в каморку, сбросил на пол валенки, упал на кровать и закрыл глаза. Ему казалось, что сон начал одолевать его. Он надеялся, что хотя бы во сне избавится от мучивших его кошмаров. Но сон не шел. А как мама говорила? — и слабая улыбка скользнула по его губам. Посчитай про себя и заснешь. Начал считать. И наконец забылся во сне.

Базу покинули на рассвете. Бахарев был молчалив и сосредоточен. Прикрывая его с двух сторон, скакали близнецы. Алымов держался вблизи Петрова. Поручили быть при мне, сообразил он.

Показалось село. Около пятистенного дома было привязано несколько оседланных лошадей, которых охраняли вооруженные люди. Первым спрыгнул с лошади главарь и бросил поводья подоспевшему к нему одному из близнецов. Мягко прошелся, разминая ноги

после долгой скачки. Алымов, Улитин и Козел подошли к нему.

— Пошли,—тоном приказа сказал Бахарев и резко добавил: — Идите впереди, Петров.

В просторной комнате увидели Елизаветинского и с ним еще несколько человек. Штабс-капитан, раскинув руки, пошел навстречу главарю.

— Федор Михайлович, наконец-то увиделись! — начал он приветливо.

Бахарев тоже раскинул руки, чтобы принять в объятия Елизаветинского. В это время два чекиста схватили его руки, заломили за спину. Главарь отчаянно сопротивлялся. Алымов выхватил наган и, не целясь, выстрелил в Петрова. По лицу и руке потекла кровь.

Из соседней комнаты выскочил Пошкас, оттолкнул Елизаветинского и громко подал команду:

— Быстрее брать этих!

Алымов успел воспользоваться минутным замешательством, ногой выбил раму и выскочил во двор, где была слышна перестрелка.

— Уйдет... — простонал Петров.

Один из чекистов подскочил к окну и выстрелил несколько раз. Алымов сделал несколько вихляющих шагов и упал, неестественно подогнув под себя руку.

В голове Петрова зашумело, боль пронзила затылок. Он медленно начал опускаться на руки Пошкаса. А связанный Бахарев сидел на табурете. В его взгляде, обращенном на Николая Антоновича, была ненависть и бессильная злоба. Он громко дышал.

— Мы еще встретимся! Кишки выпущу, на шею намотаю... И на первом поганом суку повешу! — хрипел он.

...Так закончилась его первая серьезная операция.

Николай Антонович, выходя из комнаты, тихо прикрыл за собой дверь, чтобы не разбудить Сороку. Из

своего кабинета позвонил в наркомат внутренних дел. Рассказал, какие сомнения вызвал у него «подарок» Шумскому, напомнил о деле Краузе и попросил оказать помощь. Уже рассветало, когда из наркомата вызвали к аппарату Николая Антоновича и сообщили, что в архиве, кажется, нашли то, что интересует Петрова. По-видимому, есть нечто общее в «подарках», которые вручал агенту Краузе и который передал абвер Шумскому.

— Мы сами вряд ли смогли бы обнаружить тайнописное задание Краузе. Но на следствии агент раскрыл его, спасая свою жизнь. И все оказалось элементарно просто. А главное — всё, что нужно для составления тайнописного средства, имеется в доме каждой хорошей хозяйки.

Николай Антонович внимательно слушал, делал заметки в блокноте.

— Тайнописный текст,—следовало объяснение,—наносится на скорлупу. Когда раствор высохнет, на скорлупе не останется и следа. Но достаточно сварить яйцо, раствор оседает на белке. Аккуратно снимай скорлупу и на белке читай текст. Может быть, и у тебя такой случай?

— Может быть,—согласился Петров.—Действительно, всё просто.

— Николай Антонович, обрати внимание на то, что там действовали, сообразуясь с обстановкой, у вас ведь сейчас туго с продуктами.—Немного помолчав, спросил: — Признайся, не вспомни ты дело Краузе, вероятно, посомневался бы в «подарке» и на этом кончил?

— Пожалуй.

Петров поблагодарил за помощь. Возвратившись в кабинет, пригласил Кузьменко и высказал свои подозрения. Но заместитель рекомендовал воздержаться от рискованного эксперимента.

— Николай Антонович, а если тайнописный текст исполнен не по той методике, о которой вам рассказали?

— Не исключено.

— Вот видите. Значит, есть опасение, что текст не восстановим. К тому же у нас нет веских оснований не верить Шумскому,— резюмировал Кузьменко.

— А с этим согласиться не могу,— довольно резко ответил Петров.— После нашего разговора я доложу начальнику фронтовой контрразведки о ваших и моих соображениях. Но буду настаивать на проведении, как вы выразились, эксперимента. И вот почему.— Он поправил очки.— Расшифровать текст мы сможем. Ключ к шифру у нас. Другого у Шумского наверняка нет, если учсть обстоятельства, при которых он попал к нам. Полагаю, что осуществление мероприятия позволит нам еще раз проверить, не ведет ли Шумский двойную игру. Допускаю, что мы не сможем восстановить текст. Что ж, тогда извинимся перед ним. Если он не двойник, поймет нас. В противном случае на этом игра с Шумским будет окончена... И еще.— Николай Антонович поднял глаза на Кузьменко.— Всю ответственность за мероприятие беру на себя.

После этого Петров по ВЧ связи посоветовался с начальником особого отдела фронта, не скрывая высказанных заместителем сомнений. Для убедительности сказал, что постарается, если обнаружится тайнопись, восстановить ее, используя возможности технических специалистов. Получив согласие, попросил дежурного найти примус, а также принесли «рождественский подарок». Сварив яйца, начал аккуратно, чтобы не повредить белок, освобождать их от скорлупы. Все это проделывал он в присутствии Кузьменко и Рязанова. Осмотр первых трех яиц ничего не дал. Но на четвертом и пятом четко просматривался кодированный текст.

С помощью переданного Шумским кода расшифровал задание абвера. Из него узнали, что обер-лейтенант имел кличку Скорпион. Абвер сообщал, что командование срочно нуждается в компетентном «языке». Поэтому предлагалось довести до сведения советской контрразведки о наличии у него знакомого из оперативного отдела штаба 1-й танковой армии подполковника Шмидта, который якобы желает перейти на сторону Красной Армии. Подполковник хочет встретиться с кем-либо из штаба армии или же с руководителем контрразведки. На встречу с «языком» должен также прибыть Скорпион. Ответ обязали дать через связника аналогичным тайнописным текстом.

— Ого заиграли! — воскликнул Кузьменко.— Хорошую ловушку готовят нам!

Технические специалисты нанесли на яйца кодированный текст абвера. Их положили в коробку и с другими продуктами передали Василию. Принимая такое решение, Петров исходил из того, что это позволит внести ясность в их «отношения» с Шумским. Почему он ни словом не обмолвился о «Шмидте»? Не сообщил кличку, данную ему Фурманом? Не сказал, какие тайнописные методы будет использовать абвер?

Встреча Шумского со связником состоялась на вокзале, и они вместе ушли на квартиру Хвостиковой. Спустя некоторое время обер-лейтенант встретился с Петровым и изложил цель прихода связника. Рассхождений между тем, что ранее рассказал Василий о задании абвера и что сейчас докладывал Шумский, не было. А тот с улыбкой продолжал, что бывшие шефы проявили о нем заботу, передав деньги и рождественский подарок.

О тайнописном задании Шумский не обмолвился ни единим словом. Следовательно, перед Николаем Антоновичем сидел хитрый и коварный враг.

— Вы всё рассказали?
— Всё.

— А о подполковнике Шмидте? — спросил Петров и достал из ящика стола тарелку с лежащими на них яйцами, на которых даже на расстоянии была видна на белках тайнопись.— Игра окончена, Скорпион! Вы арестованы!

Лицо обер-лейтенанта побледнело, губы приобрели землисто-серый оттенок, он весь как бы подобрался. Допрашивал Шумского Кузьменко. После некоторых запирательств Шумский начал давать показания. До его сознания дошло, что в провале задуманной абвером операции немцы будут обвинять только его. Следовательно, за жизнь нужно бороться здесь. И он сообщил, что при подготовке операции Фурман и Рокито обсуждали с ним варианты выполнения долгосрочного и быстротечного задания. Кто выйдет в роли подполковника, он не знает, может быть, Фурман. Ответ в абверштабе должен передать через связника, сообщив дату, время и место встречи с лже-Шмидтом, а также кто из советских контрразведчиков прибудет туда. Коробку с яйцами он должен вернуть связнику, объяснив, что яйца он с детства не любит. Это должно послужить Фурману паролем, что Шумский действует не под контролем чекистов.

Оценив сложившуюся ситуацию, Николай Антонович со свойственной ему обстоятельностью вместе с Кузьменко разработал ответную операцию, согласно которой предусматривался захват лже-Шмидта и определялись меры, обеспечивающие безопасность Сороки. Выработанный план операции руководство особого отдела фронта одобрило.

Утром следующего дня Горелов доложил, что на рассвете Сорока перешел линию фронта.

Игра продолжалась, но теперь инициатива была в руках советской контрразведки.

Фурман, не скрывая удовольствия, сообщил Ноймарку и Шеверсу, что связной вернулся после выполнения задания и проинформировал их об ответе Скорпиона.

— Полагаю, что операция подошла к логическому завершению,— произнес штандартенфюрер.

Не без гордости Фурман ответил:

— Вы правы. Противник клюнул на приманку. На встречу, возможно, выйдет сам полковник Петров. И я готов принять участие в операции.

Ноймарк хмыкнул.

— С Рокито и вами я договорился, что операцию возглавит офицер службы безопасности,— ответил он тоном, не терпящим возражений.

Фурман огорченно вздохнул и поинтересовался:

— Вы уже определили, кто возглавит операцию?

— Есть несколько достойных кандидатов,— и повел взглядом в сторону Шеверса.

Полагая, что вопрос исчерпан, Ноймарк налил в рюмку коньяк и отпил несколько глотков.

Затянувшуюся паузу прервал Шеверс, обратившись к шефу:

— Разрешите высказать мое соображение по заключительной части операции.

Ноймарк бросил на него вопросительный взгляд, но ничего не сказал, только молча кивнул.

— Мне представляется, что место захвата находится слишком близко от линии фронта. Его следовало бы перенести...

— Но это же отдалит срок проведения операции! — перебил Шеверса возбужденный Фурман.

Ноймарк снял пенсне, потер переносицу. Он был уверен в успешном исходе операции и поэтому, скептически прищурив левый глаз, недовольно потребовал:

вал, чтобы Шеверс объяснил, чем вызвано его предложение.

— Нам известно, что противник что-то замышляет. Но что и где, мы не знаем. Некоторая... э-э... нестабильность положения на фронте требует чрезвычайной осмотрительности и осторожности.— И сделав вид, что не замечает иронического взгляда шефа, подчеркнул: — Война есть война. Может произойти случайность, которая сыграет на руку врагу.

Штандартенфюрер откинулся на спинку стула. Его взгляд стал колючим.

— Вы противоречите себе, гауптштурмфюрер,— нравоучительно заметил он.— Вы правильно сказали, что о замыслах противника мы знаем недостаточно. Значит, тем более следует как можно скорее завершить операцию.— И, повернувшись к Фурману, попросил еще кофе.

Тот вышел отдать распоряжение.

Шеверс попытался вернуться к прерванному разговору.

— Штандартенфюрер, можем ли мы верить эмигранту Скорпиону?

Не сдерживая раздражения, Ноймарк на этот раз жестом приказал ему замолчать. А потом резко бросил:

— Вас, гауптштурмфюрер, я не включил в число кандидатов.

Лицо Шеверса побледнело от обиды, что его заподозрили в трусости. Зависшая тишина еще больше начала угнетать его. Но Ноймарк умышленно молчал, давая тем самым понять подчиненному, что он не намерен терпеть возражений в уже принятом им решении.

Возвратился Фурман, разлил в чашки горячий кофе и сказал:

— Меня не покидает ощущение, господа, что операция завершится благополучно.

Ноймарк, дабы уязвить самолюбие упрямого гауптштурмфюрера, спросил Фурмана:

— У полковника Рокита или у вас есть сомнение, что Скорпион ведет двойную игру или что противник ему не доверяет?

— Нет,— твердо ответил Фурман.

— Вот так-то, господа,— бросил с вызовом штандартенфюрер, хотя восхищение адресовал только Шеверсу и, тыкая толстым пальцем в лежавшую на столе карту, стал объяснять:

— Встреча с Петровым или же кем-то другим будет проходить на занятой нами территории, хотя и вблизи линии фронта. Из этого может следовать: большевики не будут его прикрывать большими силами и нам будет не трудно разгромить небольшой отряд прикрытия. Я выезжал на место. Организовать противнику засаду здесь,— он вновь ткнул пальцем в карту,— сложно. Мы же будем в более выгодных условиях. Кроме того, «Шмидт» очень серьезная приманка.— Он громко и грубо рассмеялся.— Они побегут за ним, как за курочкой, несущей золотые яйца!

18

Восемнадцатого января сорок второго года началось наступление Южного и Юго-Западного фронтов. Прорвав оборону на участке Балаклеи и Красного Лимана, войска углубились в оборону противника, образовав Барвенковский выступ. В полосе наступления батальона стрелковой бригады Черевичного должна была завершиться операция по захвату лже-Шмидта.

В ожидании Рязанова время текло медленно. Петров и Кузьменко нет-нет да и посматривали на часы.

Наконец он появился в дверях. Лицо от мороза красное, глаза блестят задором. Он поднес руку к ушанке и доложил, что задание выполнено.

Первым не выдержал Кузьменко. Он пружинистой походкой подошел к Ивану Федоровичу.

— Кого привел? — нетерпеливо спросил он и показал ему руку.

— «Шмидта» и еще двух солдат.

Петров тоже подошел к Рязанову.

— Спасибо, Иван Федорович, — произнес он. — Спасибо.

Он направился к скамье, стоявшей у стены, и жестом пригласил сесть его рядом.

— Где «Шмидт»?

— Я его оставил под охраной в моей комнате, а солдаты в комендатуре.

— Расскажите, Иван Федорович, как все было. Понимаю, что устали, поэтому доложите основное. Подробности изложите потом в рапорте.

Рязанов сознавал, что, невзирая на усталость, не имеет права быть лаконичным. Он не сомневался, что после доклада начальник заставит его отдохнуть. Но сам сразу же начнет работу с лже-Шмидтом. Любая деталь операции может оказаться помощью в работе с задержанным. Поэтому, рассказывая о ходе операции, он старался говорить о главном, опуская детали, не имевшие прямого отношения к лже-Шмидту. Рассказал, что вместе с разведчиками выбрал в полосе наступления батальона место для засады. Там были небольшие овражки. Это позволило замаскировать бойцов. Засаду организовали в десяти километрах от того места, которое было указано лже-Шмидту. Расчет простой: до места встречи было еще далеко, поэтому немцы могли быть не очень бдительными, и фактор неожиданности должен был сыграть главную роль в завершении операции.

Дорогу заминировали таким образом, чтобы, подорвав мины одновременно, не дать возможности противнику ни двигаться дальше, ни отступить к Славянску. Высланный в сторону города дозор условным сигналом сообщил, что немцы приближаются. Вначале показалась крытая грузовая автомашина, за ней бронетранспортер и еще автомашина. Когда колонна въехала в засаду, командир группы разведчиков подал сигнал. Но минер замешкался, и первая машина проскочила мину, а последовавшим взрывом повредили бронетранспортер. Сзади колонны также раздался взрыв.

Иван Федорович честно признался, что не слышал команды открыть огонь и начал стрелять по фашистам лишь после того, когда бойцы бросили гранаты в грузовики, открыли огонь. Он, меньше всего обращая внимание на ход боя, высматривал среди противника офицера. Но найти не мог.

Сопротивление немцев хотя и начало ослабевать, подобраться к подбитому бронетранспортеру было трудно. К Рязанову подполз командир группы и сказал, что захвачен в плен солдат, который заявил, что командир их взвода убит, а другой офицер в бронетранспортере. По ослабевшему огню было очевидно, что бой кончается. Но в это время стали отчетливее слышны артиллерийские раскаты наступающей Красной Армии, группа могла попасть под обстрел своей артиллерии. Командир бросился к бронетранспортеру и приказал всем сдаваться. Но ответа не последовало. Тогда несколько бойцов влезли в поврежденную машину и вытащили офицера. Сняли шлем. По щеке текла струйка крови. Боец-санитар осмотрел голову немца. Оказалось, что он не ранен, а ударился головой о броню при взрыве мины и потерял сознание. Ему наложили повязку. Придя в сознание, офицер на

ломаном русском языке спросил, кто командир. Ему указали на Рязанова.

— Ви ест польковник Петроф? — с удивлением спросил немец.

Рязанов в свою очередь поинтересовался, зачем ему нужен полковник. Офицер, прежде чем ответить, прислушался к приближающемуся валу артиллерийского огня. Обвел вокруг взглядом и, убедившись, что кроме него и двух пленных солдат никого нет, сказал, что он подполковник Шмидт и что он сегодня намеревался перейти на сторону Красной Армии. Ему помешали доехать до того места, где он должен встретиться с полковником Петровым.

— Я пообещал офицеру, что немедленно доставлю его к полковнику, — широко улыбаясь, закончил Рязанов.

— Солдаты знают этого офицера? — поторопил его Кузьменко.

— Говорят, не видели его раньше. Думаю, они не врут.

— Спасибо, Иван Федорович, — Петров крепко пожал его руку. — Ну, а теперь отдохнать.

Николай Антонович взглядом проводил подчиненного. Но неожиданно резкая боль в правом виске заставила его поднести руку к голове, пальцами сжать сильно пульсирующую жилку. Заместитель не заметил этого движения, как и того, что лицо начальника побледнело. Он глубоко вздохнул, задержал дыхание. Подобным образом он и раньше снимал боль.

— Ну что, начнем? — спросил Кузьменко.

— Пожалуй. Вызовите переводчика.

В кабинет ввели пленного. Голова его была забинтована. Близорукие глаза смотрели настороженно. Теплый комбинезон был застегнут до ворота. Выждав секунду-другую, он негромко, но четко доложил:

— Подполковник Шмидт, сотрудник оперативного отдела штаба первой танковой армии генерала фон Клейста.

Петров подумал: на что рассчитывает лже-Шмидт, продолжая играть провалившуюся роль? Ведь не такого же финала операции он ждал.

— Майор госбезопасности Петров, — представился Николай Антонович и жестом пригласил пленного сесть. — Вам не жарко? — спросил он, указывая на комбинезон. — Сняли бы.

Тяжелая челюсть пленного вздрогнула, отчего морщины, уходившие от тонкого носа, стали глубже.

— Меня немного эзбит. Не могу согреться, — заскользился он.

Николай Антонович не стал настаивать, только спросил:

— Вы утверждаете, что вы подполковник Шмидт из оперативного отдела штаба армии Клейста?

— Утверждаю. Полагаю, что и обер-лейтенант Шумский подтвердит мою личность.

Так вот на кого он надеется! Полагает, если здесь верят Шумскому, поверят и ему. Тянет время, догадался Николай Антонович. А там, глядишь, вермахт перейдет в контрнаступление и, кто знает, быть может, и освободят свои. Да, самоуверенности ему не занимать.

А между тем пленный продолжал:

— Тем более, что я следовал рекомендации обер-лейтенанта, которую он изложил в письме.

Петрову вспомнилось, с какой неохотой Шумский согласился написать письмо «Шмидту». Но необходимо было, чтобы он сам написал текст, так как в арбверштабе знали его почерк. Письмо опустила связная партизанского отряда в почтовый ящик на доме, в котором якобы проживал лже-Шмидт. Абвер в шифрованном задании Шумскому указал, что лицо, кото-

рое бросит письмо, задержано не будет, чтобы не сорвать операцию. Как стало известно Николаю Антоновичу, связная ушла из города в отряд.

— А где письмо?

— Письмо было в полевой сумке. Но при взрыве мины я ударился головой, потерял сознание и, видимо, выронил ее. Надо полагать, она находится в брошенной машине.

— Наши войска уже заняли место, где подбит ваш транспорт. Если сумку вы оставили там, ее найдут и доставят сюда, — сказал Петров.

Пленный никак не отреагировал на сказанное, но поинтересовался:

— Скажите, почему вы сами не приехали на встречу со мной? Можно это расценивать, как недоверие ко мне или Шумскому?

— Полагаю, у нас еще будет время разрешить возникшие у вас вопросы, разговор продолжим через некоторое время. Отдохните.

— Но я готов...

— Настоятельно рекомендую отдохнуть. А сейчас меня интересует только одно: вы готовы подтвердить то, о чем нам рассказал Шумский?

— Что именно?

Настороженный вопрос свидетельствовал о том, что на последних допросах Шумский давал правдивые показания: замысел со «Шмидтом» с ним в автобусе не обсуждался, поэтому в комбинации должны быть уязвимые места. Петров понял, лже-Шмидт не знал, что о нем мог рассказать Шумский, и опасался необдуманным ответом вызвать подозрение у чекистов и разоблачить себя. Он не был готов к допросу в советской контрразведке.

Николай Антонович предполагал, что Шумский в присутствии лже-Шмидта поведет себя не так, как вел

на допросах. Поэтому принял решение закончить беседу простым вопросом, который позволил бы пленному успокоиться.

— Мы полагаем, что у вас сохранились с Шумским добрые отношения?

— Да, да, — охотно подтвердил офицер, — в моем искреннем расположении к нему можете не сомневаться.

— Вот и хорошо, — в тон ему сказал Петров. — А сейчас немного отдохните.

Ему показалось, что лже-Шмидт вздохнул с облегчением. Когда за ним закрылась дверь, Кузьменко резко поднялся.

— Николай Антонович, а ведь он не готов к допросу. Объясните, почему вы отправили его? Я почти уверен, нажми на него и он начал бы давать показания.

— Потому что — почти, — мягко ответил Петров. — С Шумским предварительно надо поговорить. Я в нем не уверен, — он усмехнулся. — Он человек настроения, к тому же склада авантюристского. От него всего можно ожидать. Сейчас же он в состоянии отчаяния.

— После допросов Шумский изменился, — заметил Кузьменко.

— Согласен. Но одно дело, когда он дает показания только нам, другое — очная ставка с лже-Шмидтом.

— Будем надеяться на его благородство. Помоему, он кое-что начал уже понимать.

— Вам довелось хорошо поработать с ним, прежде чем он стал серьезно задумываться над своим будущим. — От похвалы начальника на щеках Кузьменко появился румянец. — И все же до очной ставки со «Шмидтом» следует с ним еще раз побеседовать.

Шумский старался внешне не выдавать своего состояния. Но дни, проведенные под стражей, оставили

свой след: явно обозначились морщинки у глаз, резче выделялись скулы на похудевшем лице. Он тяжело опустился на стул и молча, выжидательно посмотрел на Петрова, готовый отвечать на все их вопросы. Однако сообщение контрразведчиков, что лже-Шмидт в особом отделе, ошеломило его. Он панически боялся СД, гестапо с их методами устрашения. Погрузившись в свои невеселые мысли, невидящим взглядом уставился в окно. Из оцепенения его вывел вопрос Николая Антоновича:

— Кто, по вашему мнению, скрывается под личиной «Шмидта»?

— Не могу знать.— Но увидев в глазах Кузьменко сомнение, театрально прижал руку к груди и произнес: — Не знаю. Возможно, Фурман.

— Сейчас его приведут. Вы должны опознать его,— сказал Петров. Но уловив во взгляде арестованного смятение, твердо предупредил: — Вы его знаете. Он заявил, что вы его друг.

Поставленный в условия давать лишь однозначный ответ, Шумский стал заверять, что он ничего не намерен скрывать.

Петров попросил Кузьменко привести лже-Шмидта.

— Вот вы и встретились,— громко сказал Кузьменко, войдя в кабинет со «Шмидтом».

Переводчик перевел.

Шмидт прищурил близорукие глаза, всматриваясь в Шумского. На его лице появилась улыбка, и он воскликнул:

— О, обер-лейтенант, вот мы и встретились!

Без привычного пенсне Ноймарк, а это был он, показался Шумскому беспомощным и даже каким-то беззащитным.

— Штандартенфюрер...— вырвалось у Шумского, но он тут же испугался собственного признания и отвернулся от гестаповца.

Ноймарк часто заморгал. Хотел что-то сказать, но его опередил Петров:

— Шумский, вы сказали — штандартенфюрер?

— Так точно...— глухо подтвердил обер-лейтенант. Ноймарк протестующе замахал руками.

— Обер-лейтенант, вы путаете меня с кем-то,— он еще надеялся, что Шумский назвал его настоящее звание по оплошности.— На каком основании вы берете под сомнение мои слова? — обратился он к Петрову.— В конце концов, это оскорбляет меня!

— Так кто же перед нами: подполковник или штандартенфюрер? — строго спросил Шумского Николай Антонович.

— Штандартенфюрер СС Ноймарк, шеф управления СД,— еле слышно сказал обер-лейтенант.

— Обер-лейтенант, что за чушь вы несете! — воскликнул Ноймарк, все еще не теряя надежды, что игра не окончена.

— Шумский-Скорпион,— умышленно так начал Петров,— вы утверждаете, что перед вами штандартенфюрер СС Ноймарк?

— Да, утверждаю,— ответил тот.

Услыхав кличку бывшего абверовца, Ноймарк уже не мог усомниться, что игра проиграна. Он не хотел обернуться и взглянуть в глаза Шумского, чтобы скрыть бледность, разлившуюся по его лицу. Скользнувшая было ироническая улыбка выглядела фальшиво. Он демонстративно развалился на стуле.

— Встать! — приказал Кузьменко.

Штандартенфюрер с вызовом посмотрел на контрразведчика и нехотя поднялся. Его руки безвольно стали опускаться. Однако он тут же овладел собой и небрежно расстегнул верхнюю пуговицу комбинезона. Из-под расстегнутого воротника комбинезона была видна черная форма СС.

Какая самоуверенность! — мелькнуло у Петрова. Даже форму не сменил. А рисуется не столько перед нами; сколько перед Шумским.

Обращаясь к Шумскому, Николай Антонович спросил:

— Чем вы можете подтвердить, что этот человек является штандартенфюрером СС Ноймарком?

— С ним неоднократно встречался по службе. Он принимал участие в моей подготовке.

Ноймарк с ненавистью посмотрел на Шумского. Но лишь на мгновение. Ему было ясно — игра проиграна.

Когда за обер-лейтенантом закрылась дверь, Ноймарк сказал:

— Я полагаю, что вы будете обращаться со мной, как с военнопленным. Гаагская конвенция...

— Мы знаем и выполняем все принципы Гаагской конвенции, — перебил его Петров. — В ней, напомню, сказано, что все генералы и офицеры в пределах предоставленной им власти обязаны принимать необходимые меры для предотвращения любых преступных действий против местного населения, военно-пленных. Невыполнение этих обязательств — тяжкое преступление. А вы, Ноймарк, к нашим военнопленным, местным жителям относились в соответствии с Гаагской конвенцией?

— Я выполнял приказ... — невнятно произнес арестованный.

Николай Антонович выжидательно посмотрел на него.

— Вы, штандартенфюрер Ноймарк, — военный преступник и будете нести ответственность по закону военного времени.

Еще не улеглись в отделе разговоры о разоблачении Шумского и о захвате Нойmarka, а внимание Николая Антоновича уже было переключено на новую, более сложную работу.

Рязанову удалось разыскать «Венеру». Она была заброшена аввером в Красный Лиман и жила там как беженка. Никаких попыток к сбору разведывательных сведений она не делала и вообще ничем не отличалась от эвакуированных женщин, оставшихся в городе. Но охотно шла на знакомства с командирами, если те проявляли к ней интерес. Однако встречи были кратковременными, да и знакомства в основном из службы тыла.

У Николая Антоновича возник вопрос — зачем она здесь? Очевидно, мимолетность встреч с командирами связана с тем, что «Венера» не устраивала их служебное положение.

Подумал: а не познакомить ли с ней капитана Хохлова, чтобы с ее помощью вывести его на немецкую разведку?

Капитан был направлен для «стажировки» в штаб одной из дивизий армии. По поручению Центра Николай Антонович лично занимался подготовкой Хохлова к переброске за линию фронта. Легенда его вывода еще не была окончательно отработана, поэтому, получив согласие Центра, Петров приступил к осуществлению оперативного замысла.

А к этому времени Ноймарк начал давать показания. Он рассказал, что при обсуждении операции «Черная стрела» Рокито высказал идею параллельно провести операцию «Вальпургиева ночь». Смысл ее сводился к тому, чтобы с помощью агента «Ориона»

вывести к немцам штабного командира. Но Ноймарк полагает, что Рокито после провала «Черной стрелы» вряд ли рискнет осуществить свое намерение.

Сопоставив сведения Сороки и показания Ноймарка, Петров пришел к убеждению, что Рокито не отказался от своего замысла. Теперь Николай Антонович понял, почему Венера уклонялась от продолжения встреч со строевыми командирами и высказала расположение к Хохлову.

Судя по тому, как спокойно и уверенно она вела себя дома и в городе, Хохлов не вызывал у нее подозрений.

Николай Антонович тщательно отрабатывал с капитаном легенду вывода, особо обращая внимание на уязвимые места. Когда проигрывали отдельные ее элементы, Хохлов искусно перевоплощался, стараясь найти логические мотивы, которые могли бы оправдать в глазах фашистов те или иные его действия.

При встрече Петров крепко пожал руку разведчика, посмотрел на него снизу вверх — он был на голову ниже капитана.

— Есть новости, Леонид Сергеевич?

— Диана сказала, что послезавтра нужно уходить.

От Петрова не ускользнуло: когда он произносил эту фразу, каждый мускул на его лице был напряжен.

— Значит, пора. — И сочувственно спросил: — Противно играть роль предателя?

— Противно? — скромно усмехнулся Хохлов. — Хуже... Но ведь надо для дела.

— Хочу дать последний совет, — сказал Николай Антонович. — В адвокатуре и службе безопасности работают люди опытные, профессионально подготовленные. Однако простым, но жизненным ходом их можно сбить с толку. Ваш козырь при общении с Венерой, а значит и с теми, по чьему заданию она здесь, — со-

мнение. Сомнение в нашей победе. Сомнение, что вы останетесь в живых к концу войны. — Николай Антонович привычным движением поправил очки. — Давайте рассуждать. Вы сообщаете противнику подготовленную нами информацию. Там вам, естественно, сразу не поверят. Начнут проверять, но в ваших сведениях найдут лишь подтверждение. А наступление будет продолжаться, и ваши данные быстро начнут терять для них ценность. Но они убедятся в вашей «искренности». А это главное. В этой связи они должны реально видеть целесообразность использования вас.

Петров сам выехал на передовую, чтобы организовать и проконтролировать переход Хохловым линии фронта.

Глубокая ночь спустилась на землю. На небе ни луны, ни звезд. Только безмолвная пустота вокруг, исковерканная бомбами и снарядами нейтральная полоса и резкий, пронизывающий ветер.

В свете ракет, изредка бросаемых противником, Николай Антонович видел, как медленно ползли все дальше и дальше от наших позиций капитан и Венера. Неожиданно с вражеской стороны раздалась короткая пулеметная очередь. Петров прислушался. Напрягая зрение, всматривался в ночь и с нетерпением ждал новой ракеты. Наконец она взвилась в небо, и он увидел неподвижное тело Венеры и прыгающего в окоп Хохлова.

Литературно-художественное издание

Русинов Критерий Николаевич

БИТАЯ КАРТА АБВЕРА

Повесть

Редактор О. Н. Улищенко
Художественный редактор Б. Ф. Бублик
Художник-оформитель С. Е. Щеткин
Технический редактор В. Я. Козинченко
Корректор В. Ф. Чумаченко

ИБ № 2289

Сдано в набор 30.10.87. Подписано к печати 08.04.88.
БЦ 16305. Формат 70×108 $\frac{1}{2}$. Бумага тип. № 1. Гарнитура лите.
Печать высокая. Усл. печ. л. 8,75. Усл. краскобот. 9,02.
уч.-изд. л. 8,52. Тираж 10 000 экз. Заказ 7-476. Цена 65 к.

Издательство «Пропор»,
310002, ГСП, Харьков-2, ул. Чубаря, 11
Книжная ф-ка им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков-57, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

Русинов К. Н.

P88 Битая карта абвера : Повесть.— Х.: Пропор,
1988.— 197 с.
ISBN 5—7766—0024—3

Повесть о героизме советского народа в борьбе с фашистскими оккупантами, о самоотверженной работе контрразведчиков Южного фронта, о том, как чекисты во главе с майором госбезопасности Николаем Петровым сорвали коварные замыслы абвера.

P 4702010200—044
M218(04)—88 КУ—№8—106—1988

ББК 84Р7-4